

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

КАРНАВАЛ
ВЕЧЕРОМ У КАМЕЛЬКА

одноактные мелодрамы

Орёл 2009 г.

Леонард Золотарёв

КАРНАВАЛ

ВЕЧЕРОМ У КАМЕЛЬКА

одноактные мелодрамы

Театр одного актёра

**г. Орёл,
2009 г.**

ББК 83.3(2)

3-80

3-80 Золотарёв, Л.М. **«Карнавал, или Вечером у камелька» (Концерты-шоу к «Звуковой поэзии мира», музыкально-лирические новеллы)**. – Орёл: Издатель Александр Воробьёв. 2009 – 580 с.

Рецензенты: Садовский Виктор Федорович –
член СП России, член СЖ России,
Узилевский Геннадий Яковлевич –
доктор филологических наук, профессор,
Золотарев Игорь Леонардович –
кандидат филологических наук, доцент.

В сборник «Карнавал» вошли музыкально-лирические новеллы большого мастера драматургии, поэта, музыканта и исполнителя Леонарда Михайловича Золотарева. Одноактные мелодрамы созданы на базе «Звуковой поэзии мира», на основе сюжетов музыкально-лирических новелл. По сути дела автором разработан оригинальный жанр, где музыка слита с художественным словом, судьбой человека. В сборнике ощущаются различные направления в самом этом жанре: музыкально-психологические («Ночи Валерии»), космические («Грезы Кабирии»), русские народно-песенные («По диким степям»), зарубежной культуры («Птица, лежащая на траве»), античные, персидские, современные мотивы («Утро туманное», «Халиф на час», «Жди меня»).

В сюжетах одноактных мелодрам существует тесное слияние произведений малой формы в отечественной и зарубежной музыке и поэзии с авторскими музыкально-лирическими произведениями Л.М.Золотарева.

ББК 83.3(2)

© Золотарёв Л.М., 2009

© Издатель Александр Воробьёв, 2009

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда Родине тяжело, все мы стараемся с еще большим усилием что-то сделать для нее, для людей, для различных сфер жизни. Чтобы всем нам стало как-то легче – дышать, думать, творить. Когда тебе тяжело, к чему припадаешь, куда тянется сердце? К хорошему человеку, к книге прекрасной, к божественной музыке. Вот и я, чтобы облегчить свою участь, поднять себе настроение, возьму иной раз кассету, хотя бы ту же «Вечером у камелька», и оживут авторы, зазвучат голоса: Шаляпина, Карузо, Марио Ланцы, Лидии Руслановой, Анастасии Вяльцевой – боже! Несть числа у нас на Руси, на планете нашей прекрасным талантам. И потекут слова Гомера, Шекспира, Пушкина, Сергея Есенина, Николая Рубцова – и им нет числа – этим прекрасным поэтическим проявлениям души человеческой. Читаю и пою, пою и читаю. А теперь еще и представляю в драматических образах, в одноактных своих мелодрамах.

Так вот со всеми вместе мы тут и живем. Когда одиноко, когда слова просит душа.

Эти домашние концерты. Театр одного актера.

Этот талант многих поэтов и музыкантов.

Подними дух нам, Боже! Воспрянь, моя Родина!

От автора.

ДОРОГА К ХРАМУ **(песнопенье)**

**Под Кремлёвские куранты,
Суздальские куранты,
Псково-Печорский звон,
Ростовские звоны.**

Московские бульвары, –
Дорога к храму, Дорога к храму –
Тверской, Никитский, Гоголевский – прямо
Христу Спасителю ведет!

Пушкин, Есенин, Гоголь и Шолохов –
Тут все, на этом пути.
Среди кипения города – молоха
Ищешь себя и можешь найти.
Тут – в галерее святых, тут – на конечном пути.

Московские бульвары, –
Дорога к храму, Дорога к храму.
Голову приподнял и – прямо вперед
Перед собой в сиянии неба, как диараму,
Вижу вдруг золото, купола, слышу народ!

На подвиг зовут, призывают к служению
Тут же, на этом пути,
К Храму, к спасению, к постижению
Тут – в галерее святых, тут – на конечном пути.

Московские бульвары, –
Дорога к Храму, Дорога к Храму.
Колокола встречают, к ним меня ведёт.
Тверской, Никитский, Гоголевский – прямо
К колоколам, к Спасителю – вперёд!

И если памятник и мне бы
Воздвигнуть где-то рукотворный,
То только тут, где я увидел небо,
Ни денег и ни хлеба,
А облик Бога чудотворный,
И купола, и к куполам вперёд!
Колокола, колокола – мой голос, мой народ!

*На Пасху 2009 г. 19 апреля,
г. Орёл – г. Малоархангельск.*

ВМЕСТО ПРОЛОГА

МОЙ АЛМАЗ (сонет)

В своих песнопеньях – за Русь постою,
Свои песнопенья – пою.
Алмаз стокаратный – на сто расколю
И людям иду, раздаю.

Алмаз стокаратный – бегущий поток
Я сквозь фиолетовость глаз разглядел.
Когда заалеет на лоне Восток,
Алмаз стокаратный останется бел.

Он бел, мой алмаз, мой великий кристалл,
Как чистая, нежная, белая Русь.
В алмаз стокаратный, как только устал,

Так я многократно ложусь.
Попробуй собрать те караты в алмаз,
Вернется ль ко мне фиолетовость глаз?»

* * *

Сонет из «Шекспирианы»

Поэзия – это такие крыла,
Едва уловима, легка.
Течет и течет, сквозь меня протекла
Вся музыка, все облака.

Поэзия – это такая река,
Неостановима, пока
Текут и текут за веками века
Сквозь музыку, сквозь облака.

Поэзия где-то не тут, а жива,
Едва выразима, из грез.
Поэзия – это такие слова

У самого пламени звезд.
Поэзия – это их музыка, миг
В моих облаках и твоих.

МАЛИНОВЫЙ ШАРФ **(моя авторская песня)**

Красивый малиновый шарф.
Краски весны в горсаду.
Левою к сердцу прижав,
Женщину в вальсе веду.

Кружится снег, слышится смех,
Тут в хороводе и мы.
Среди потех имеем успех
В проводах русской зимы.

Красивый малиновый шарф
В сторону чуть отведу –
Щеки горят, как пожар,
Как хохлома в горсаду.

Кружится снег, слышится смех,
Женщину в вальсе веду.
Среди потех имеем успех
Мы с хохломой в горсаду.

Красивый малиновый звон,
Женщина песню поёт.
И колокольный канон
Чудо в тебе создаёт.

Милый малиновый шарф
Светит, сияет двоим.
Весь охватив земной шар,
Женщина кружится с ним.
Чудятся вещие сны,
Краски живые весны.

г. Орел, 1 марта 2009 г.

* * *

Книга эта называется «Карнавал, или Вечером у камелька». Верное средство от одиночества, бальзам для души. В мире миллионов, перепутанных ценностей это твой лучик, твоя звезда, твой камелек вечером где-нибудь на даче, как например, у меня в поселке Синяевском – в фетовских, толстовских, тургеневских местах, где родилась идея этой книги.

Сам жанр необычный: музыкально-лирическая новелла, «Звуковая поэзия мира» (Страна Аэдия) как путешествие музыки сердца по музыке слов, Поэзии души человеческой, скрижалям истории, континентам красоты и любви, «таинствам» мысли, соответствий добра. Не было ранее такого жанра, а теперь вот, по моему, есть.

Чем, прежде всего, велик Александр Македонский? Александрийской библиотекой и филиалом при ней «Музисьоном», где впервые музыку уравнили с божественным словом.

«Не знаю я, как шествуют богини,

Но милая ступает по земле» (В.Шекспир, 130-й сонет).

А «милая» для меня – это поэзия, музыка вместе с ней, сплав такой – неделимый и легендарный. Сколько собственных авторских песен написано мной еще с

детства, сколько моих крупных вещей положено мной же на музыку, начиная с «Белой Скифии» – продолжения «Одиссеи» Гомера, «Пламени Александрии» – драматургической эпопеи об Александре Македонском!

А практически как? Появился у меня магнитофончик – этот «япоша» – с человеческим голосом. Иду по лесу, бывало, сяду где-нибудь на пенечек, слышу шумы дубравы, степи, птиц вокруг – и возникает мелодия сердца, сижу и пишу. А потом уж оформляю все это в новеллы, шоу-концерты.

Слушаешь после все эти песни, сонаты, кантаты – себя и народ свой, людей земли под кленом где-нибудь в одиночестве (тут в поселке, у русской печи), когда тебе плохо, да и когда хорошо.

Приглашаю к себе всяк страждущего послушать все это звучащее и поющее в карнавале песен «вечером где-нибудь у камелька». Ладони к теплышку протяну и слушаю самого же себя в «Звуковой поэзии мира».

От авора.

КАРНАВАЛ

Концерт-шоу. Одноактная мелодрама.

К «Звуковой поэзии мира»

ВСЕ ЛАВРЫ ЛАУРЕ
(Владения сонета)
(одноактная мелодрама)

Оркестр Поля Мориа. Музыка Чарли Чаплина.

ГОЛОС АВТОРА. Уже использована она мной однажды в «Белой Скифии». Где, между прочим, есть такие слова:

«Я иду по ним, прямо по ним –
По звездам,
На тот пьянящий берег, где, как во сне,
Я вижу тебя вдалеке,
Моя лодка, мое одиночество».

Очарованные музыкой, так и плывем далее по мелодиям, по сонетам, по авторам, странам и континентам.

ГОЛОС АВТОРА (в волшебстве мелодий выделяясь своей реальностью). Все эти прекрасные звуки витают в атмосфере маленького английского городка Стратфорда на реке Эйвон – родины Шекспира. Куда великий лирик, драматург всех времен, вернулся после того, как с триумфом выступал на подмостках Лондона. В Стратфорде некогда в семье ремесленника и торговца, в двухэтажном доме, и родился Вильям Шекспир.

Сейчас, сегодня, все поэты Земли придут сюда чествовать его, автора 154 прекрасных сонетов, которые вышла в свет недавно и потрясли мир. Мы на переломе веков, даже тысячелетий (XX-XXI), написали «Шекспириану» о Шекспире в четырех стихиях (Огня, Воды, Земли, Неба). А сейчас мы все тут, в том веке, где и Шекспир.

Праздник сонета. Той самой – малой формы стиха, которую изобрел некогда этот итальянец Петрарка, посвятив свою лирику своей возлюбленной – прекрасной Лауре.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Итак, «машина времени» и пространства. Благодаря ей из XIX века первым появляется тут великий французский поэт Шарль Бодлер. Он читает свой программный сонет «Красота». Всем читает и, прежде всего, самому Шекспиру, сидящему тут в кресле на специальном помосте перед людьми, перед массой людской, собравшейся тут, на зеленой лужайке.

Шарль Бодлер. «Красота» (В переводе Л.Золотарева)

«Прекрасна я, как в камне спящем эхо.

И кто-то пал, ударясь мне о грудь.

А в ком любовь, тот создан для успеха.

Он мой поэт, он вечность, Млечный Путь.

Парю в лазури, лебедь молодая,

Белее снега, холоднее льда.

Я – Красота, недвижна и горда я,

Слеза и смеха, – я выше их всегда.

Они сожгут себя, мои поэты,

В трудах души, во цвете своих дней,

Чтоб только я питала их сонеты,

Во имя благосклонности моей.

В два зеркала возьми и оглядись:

Прекрасен мир, покуда длится жизнь».

ГОЛОС АВТОРА (*запевая сонет, переложенный на музыку своей души*).

Гитара, Гойя. «Эльвира Мадиган».

НА ФОНЕ МЕЛОДИИ. Перед Шекспиром нельзя играть плохо.

ГОЛОС АВТОРА. А вот из того же века поэт России Пушкин! Со своим романом в стихах «Евгений Онегин». «Просто роман и роман в стихах – дьявольская разница», – говаривал Пушкин.

«Евгений Онегин» написан особой, «онегинской строфой» – сонетом. Читай же, Пушкин, свой сонет!

«Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Мусье прогнали со двора.

Вот мой Онегин на свободе.
Одетый по последней моде,

Как денди лондонский, одет
И наконец увидел свет.

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал,
Легко мазурку танцевал

И кланялся непринужденно.
Чего вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил».

ШЕКСПИР (*говоря словами самого же Пушкина*). «Ай да Пушкин! Ай да молодец!».

Все та же мелодия Гойи. «Эльвира Мадиган».

ГОЛОС АВТОРА. Вступительная часть закончена. Начинается состязание поэтов. Ну и кто там остался, отобран жюри? А иные просто от страха сбежали, ушли в слушатели, сидят на лужайке перед эстрадой, вместе со всеми. На эстраде остался один .

АДАМ МИЦКЕВИЧ. Сонет «К Лауре».

«Едва явилась ты, я был тобой пленен.
Знакомый взор искал я в незнакомом взоре.
И вспыхнуло в ответ, так, радуясь Авроре,
Вдруг загорается раскрывшийся бутон.

Едва запела ты, я был заморожен.
И ширилась душа, забыв земное горе.
Как будто ангел пел. И в голубом просторе
Спасенье возвещал нам маятник при нем.

Не бойся, милая, открой мне сердце смело,
Коль сердцу моему ответило оно.
Пусть люди против нас, пусть небо так велело.

И тайно, без надежд, любить мне суждено.
Пускай другому жизнь отдаст тебя всецело,
Твоя душа с моей обручена давно».

ГОЛОС АВТОРА. *Следующий сонет Адама Мицкевича, положенный на мои музыкальные импровизации.*

«Как ты бесхитростна, не в речи, не во взоре.
Автор же и поет. Нет фальши. Ты сердца
влечешь не Красотой,
Но каждому милы твой голос, облик твой.
Царицей ты глядишь в пастушеском уборе.

Вчера текли часы в веселье, в песнях, в споре.
Твоих ровесниц был прелестен резвый рой.
Один их восхвалял и порицал другой.
Но ты вошла, и все как в праздник смолкло вскоре.

Не так ли на балу, когда оркестр гремел
И буйно все несло и мчалось в шумном зале,
Внезапно солнца вихрь застыл и онемел,

И стихла музыка, и гости замолчали.
И лишь Поэт сказал: «То ангел пролетел.
Его почтили все, не все его узнали».
Музыка. Романтическая гитара.

ШЕКСПИР (на фоне мелодии, прислушиваясь к голосу
самого себя). Узнали, узнали!

ЛЮДИ НА ЛУЖАЙКЕ (крича). Узнали, узнали! Кто
это?

Это Лаура! Вот она, вот она в белом платье!

ШЕКСПИР (припадая на колено перед Женщиной в
белом). Это во имя тебя!

ГОЛОС АВТОРА. И сам поет этот сонет, положенный
на свои музыкальные импровизации (в переводе
С.Я.Маршака).

Вильям Шекспир. Сонет №76.

«Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных.

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляясь снова.
И, кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это от того, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу.
Я о тебе пишу, моя любовь,

И то же сердце, те же силы трачу.
Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной».

«Сонет №128»

ГОЛОС АВТОРА. Вильям Шекспир.

И музыка, и пение – автора.

«Едва лишь ты, о музыка моя,
Займешься музыкой, встревожив строй
Ладов и струн искусною игрой,
Ревнивой завистью терзаюсь я.

А, видно, мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук,
А не моим томящимся устам.

Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,

Пока ты струн коснешься в забытии.
Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы – мне».

ГОЛОС АВТОРА. Благодаря «машине времени» неожиданно появляется Петрарка – сам создатель жанра сонета, из более ранних веков. Садится рядом с Шекспиром. И актер лондонского театра «Глобус» Вильям Шекспир читает (голос автора) сонет Петрарки,

посвященный Лауре, тень которого витает рядом в тени деревьев. Пусть слушает, как его читает Шекспир.

Петрарка. «На жизнь мадонны Лауры. Сонет №86».

«Всегда любил, теперь люблю душою.
И с каждым днем готов сильнее любить
То место, где мне сладко слезы лить,
Когда любовь томит меня тоскою.

Сейчас люблю, когда могу забыть
Весь мир с его ничтожной суетою.
Но больше ту, что блещет красотой,
И рядом с ней я жажду лучше быть.

Но кто бы ждал, что нежными врагами
Окружено все сердце, как друзьями.
Таких сейчас к груди бы я прижал.

Я побежден, Любовь, твоею силой.
И, если бы я не знал надежды милой,
Где жить хочу, там мертвым бы упал».
Гитара, Гойя. Французская песня.

ГОЛОС АВТОРА. И тут встает со своего пьедестала Шекспир и вдохновенный Петраркой, этой французской мелодией, читает свой.

«Сонет №149»

И Автор поет его, положенный на свои музыкальные фантазии.

«Ты говоришь, что нет любви во мне,
Но разве я, ведя войну с тобою,
Не на твоей воюю стороне
И не сдаю оружие без боя.

Вступал ли я в союз с твоим врагом,
Любил ли тех, кого ты ненавидишь,
И разве не виню себя кругом,
Когда меня напрасно ты обидишь.

Какой заслугой я горжусь своей,
Чтобы считать позором униженье?
Твой грех мне добродетели милей,

Мой приговор – ресниц твоих движенье.
В твоей вражде понятно мне одно:
Ты любишь зрячих, я ослеп давно».

ГОЛОС АВТОР. «Вильям Шекспир. Сонет №61».

Сам пою на музыку моих музыкальных стихий.

«Твоя ль беда, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы.
И, стоя у меня над головой,
Тяжелым веком не даешь закрыться.

Моя ль душа приходит к тишине
Мои дела и помыслы проверить,
Всю ложь и праздность обличить во мне,
Всю жизнь мою как свой удел измерить.

О, нет любовь твоя не так сильна,
Чтоб к моему являться изголовью.
Моя, моя любовь не знает сна,

На страже мы стоим своей любовью.
Я не могу забыться сном, пока
Ты от меня вдали, к другим близка».

ГОЛОС АВТОРА. Шекспир вновь садится на свое почетное место перед лужайкой. Праздник сонета продолжается. И вновь на деревянный помост всходит Адам Мицкевич – поэт из Полонии (Польши).

Сонет. «К Неману».

Автор поет и его.

«Где струи прежние, о Неман мой родной?
Как в детстве я любил здесь зачерпнуть горстями.
Как в юности любил, волнуемый мечтами,
Ища покоя, плыть над зыбкой глубиной.

Лаура гордая своею красотой
Гляделась ты, увив чело цветами.
И отражение возлюбленной слезами
Так часто я мучил, безумец молодой.

О, Неман, где они, твои бывшие воды,
Где беспокойные, но сладостные годы,
Когда надежды все в груди моей цвели,

Где пылкой юности восторги и обеты?
Где вы, друзья мои, и ты, Лаура, где ты?
Все, все прошло, как сон, лишь слезы не прошли».

ГОЛОС АВТОРА (*обращаясь к людям, собравшимся на зеленой лужайке*). Праздник сонета продолжается?

ЛЮДИ НА ЛУЖАЙКЕ. Да, да!

ГОЛОС АВТОРА. Кому слово?

ЛЮДИ НА ЛУЖАЙКЕ. Пусть продолжает Адам Мицкевич. Что еще у него?

АДАМ МИЦКЕВИЧ (*кланяясь своим слушателям*).

Такой сонет «Несчастен, кто любя...»

ГОЛОС АВТОРА. Ну, а я спою его в своем музыкальном ключе.

«Несчастен, кто любя,
Взаимности лишен.
Несчастней тех, чью грусть
Опустошенность гложет,
Но всех несчастней тот, кто полюбить не может.
И в памяти хранит любви минувшей сон.
О прошлом он грустит
В кругу бесстыдных жен.
И, если чистая краса его встревожит,
Он чувство мертвое
У милых ног не сложит,
К одеждам ангела не прикоснется он.
И, вирш любви равнодалекий ныне,
От смертной он бежит. Не подойдет к богине!
Как будто сам себе он приговор изрек.

И сердце у него от древних ран в пустыне,
Где все разрушил дней
Неисчислимых бег,
Где жизнь не хочет в бой,
Не смеет человек».

ГОЛОСА С ЗЕЛЕНОЙ ЛУЖАЙКИ. Петрарку еще раз, Петрарку! С его мадонной Лаурой!

ГОЛОС АВТОРА. Ну хорошо.

ПЕТРАРКА. «На жизнь мадонны Лауры».

«Сонет №118».

Читается голосом Автора.

«Призыв Амура верно вами понят.
И, слушая любви волшебный глас,
Я так пылаю страстью каждый раз,
Что пламень мой любую душу тронет.

Я чувствую, в блаженстве сердце тонет.
Я снова оторвать не в силах глаз
От госпожи той, что добра сейчас.
И страшно мне, что грезы вздох прогонят.

Сбывается! Сбылась моя мечта.
Смотрю, движенье кудри разметало.
Любимая навстречу мне спешит.
Но что со мной? Восторг сковал уста.
Я столько ждал, и вот стою устало,
Своим молчаньем перед ней убит».

Гитара, Гояй. «Ностальгия».

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ГОЛОС АВТОРА. *Праздник сонета продолжается.*

«Все лавры Лауре».

(Владения сонета).

Музыка. Оркестр Поля Мориа.

ГОЛОС АВТОРА. Состязание поэтов на зеленой лужайке, в небольшом английском городке Стратфорде на реке Эйвон – родине Шекспира, перед народом, жаждущем зрелищ, продолжается.

Материализуясь в Женщину в белом, Лаура садится на помосте между Петраркой и Шекспиром. Шекспир встает галантно и обращает к Лауре свой сонет.

«Шекспир. Сонет №14».

Положенный на мою музыку. Поэт Автор.

«Я не по звездам о судьбе гадаю.

И астрономия не скажет мне,

Какое звезды в небе к урожаю,

Цене, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, в ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь.
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливый будет государь.

Но вижу я в глазах твоих предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,

Когда продлишь в потомках жизнь свою.
Но, если нет, под гробовой плитою
Исчезнет правда вместе с красотой».

ГОЛОС АВТОРА. «Сонет № 135».

Сокращенное имя поэта от «Вильяма» – «Виль»
означает «волю, желание». Поэт.

«Недаром имя, данное мне, значит,
Желание. Желанием своим
Молю тебя, возьми меня впридачу
Ко всем другим желаниям твоим.

Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для моей найти приют?
И, если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?

Так в полноводном, вольном океане
Приют находят странники – дожди.
Среди своих бесчисленных желаний

И моему пристанище найди.
Недобрым, нет, не причиняй мне боли,
Желанья все в твоей сольются воле».

Музыка. Гитара, Гойя. «Мария – Элен».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне музыки). И тут на помост взобрался, подошел к Шекспиру маленький такой, остроносенький человек. «А ты что тут сидишь?» – показал он на женщину в белом. – «Это Лаура, – ответил Шекспир. – Я посвятил ей свои лучшие произведения». – «Вон чьи это произведения», – показал человек на четырех джентльменов, стоящих под купой деревьев. – «Кто же это?» – «Философ Бэкон – главный из них. Простой актер! Да может ли он написать такие гениальные вещи?»

Подбежал Неизвестный Поэт и вытолкал этого человечка с эстрады. Сказал:

– Видали мы таких субъектов! И еще увидим в XX веке в России! Когда начнут оспаривать авторство эпопеи знаменитого «Тихого Дона», подменять Шолохова Крюковым.

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ. Ладно. Продолжим праздник сонета.

ГОЛОС АВТОРА. Итак, еще раз. Адам Мицкевич. «Все мысли о тебе».

И поет этот сонет под свою мелодию.

«Впервые став рабом,
Клянусь, я рабству рад.
Все мысли о тебе,
Но мыслям нет стеснения.
Все сердце для тебя,
Но сердцу нет мученья.
Гляжу в глаза твои,
И радостен мой взгляд.

Не раз я счастье звал,
Часы пустых услад.
Не раз обманут был
Игрой воображенья,
Соблазном красоты
И словом обольщенья,
И после жребий свой
Я проклинал сто крат.

Я пережил любовь,
Казалось, неземную.
Пылал и тосковал,
Лил слезы без конца.
А нынче все прошло,
Не помню, не тоскую
Ты счастьем снизошла
В печальный мир певца.

Хвала Творцу, что мне послал
Любовь такую.
Хвала возлюбленной,
Открывшей мне Творца».

ГОЛОС АВТОРА. *И еще раз Адам Мицкевич.*
(Также поющий сонет). «Добрый вечер».

«О, добрый вечер! Ты обворожаешь нас.
Не пред разлукой миг прощания ночного.
Не в час, когда зари торопит к милой снова,
Не умиляюсь я, как ждет прекрасный час,
Когда на небесах последний луч погас.
И ты, что целый день поить свой жар готова,
Лишь вспыхивает вдруг, не проронив ни слова,
То вздохом говоришь, то блеском нежных глаз.

День добрый, восходи! Даруй нам свет небесный!
И людям озаряй их жизни труд совместный.
Ночь добрая, укрыть любовника спеши,
Миг чаши ли, бальзам, –
Забвения чудесны.
И это добрый вечер – друг
Взволнованной души,
Красноречивый взор
Влюбленных притуши».

ГОЛОС АВТОРА.

*И Адам Мицкевич кладет свиток сонетов своих к ногам
Лауры. Петрарка читает сонет своей возлюбленной.*

ПЕТРАРКА. «На жизнь мадонне Лауре».

«Сонет №219».

«Щебечут птицы, плачет соловей,
Но ближний дол закрыт еще туманом.
И по горе, стремясь к лесным полянам,
Кристаллом жидким прыгает ручей.

И та, что всех румяней и белей,
Кто в золоте волос, как в нимбе рдяном,
Кто любит старца и чужда обманам,
Расчесывает снег его кудрей.

Я, пробудясь, встречаю бодрым взглядом
Два солнца. То, что я узнал сызмала.
И то, что полюбил, хоть не любил.

Я наблюдаю их, ходящих рядом.
И первое лишь звезды затмевало,
Чтоб самому затмиться пред вторым».

ГОЛОС АВТОРА. Прекрасно! Аплодисменты!
Овации!

*И тут на помосте, и там – по всей зеленой лужайке.
Сдержанны лишь эти четверо в отдалении, под купой
деревьев. Ох, уж эти джентльмены!*

Мелодия. Испанская гитара, Армик.

Шекспир. «Сонет №152»

Поется автором на свою мелодию.

«Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна,
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.

И если у меня на то права,
Чтоб упрекать тебя в двойной измене,
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.

Я клялся в доброте своей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки пристрастных глаз,

Дабы не видеть твоего порока.
Я клялся, ты правдива и чиста,
И черной ложью осквернил уста».

Шекспир. «Сонет №102»

Поет автор на свою мелодию.

«Люблю, но реже говорю об этом.
Люблю нежней, но не для многих глаз.
Играет в чувства тот, кто перед смехом
Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь она была для нас.
Как соловей гремит в полночный час,
С весной на этом забывает лето

Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излиянья.
Но музыкой, звучащей от ветвей,

Обычное теряет обаянье.
Я молод и, подобно соловью,
Свое пропел и больше не пою».

Мелодия. Оркестр Поля Мориа. «Токката».

ГОЛОС АВТОР (на фоне мелодии). «И не свое ты отпел, — неистовствовал все тот же маленький человек, сидя на зеленой лужайке в первом ряду, — а принадлежащее вон тем джентльменам. Все тем — четверем во главе с философом Бэконом. Да-да, слишком тонко для простого актера!..

— Ну и что? — Человечка того тут же оттащили куда-то в сторону люди, стоящие рядом, выпроводили за пределы лужайки. — И хорошо-о-о!...»

А «Токката» продолжала вести свою капельную мелодию. Нотка по нотке, нотка по нотке.

ГОЛОС АВТОРА. А Шекспир припал на одно колено перед женщиной в белом, перед Лаурой — возлюбленной Петрарки. Так и стоял он, пока звучала эта «Токката».

Вечерело. Солнце садилось за горизонт, и все принимало розовый цвет. Адам Мицкевич смотрел то на порозовевшее платье Лауры, то на белое лицо Вильяма Шекспира. Преподнося Лауре свое — Адам Мицкевич. «Спокойной ночи».

Голос Автора в пении сонета под свою мелодию.

«Спокойной ночи! Спи. Я расстаюсь с тобой.

Пусть ангелы навеют сновиденье.

Спокойной ночи! Спи. Да обретешь забвенье.

И сердцу скорбному желанный дашь покой.

И пусть от каждого мгновения со мной...

ГОЛОС АВТОРА. Белое, романтическое лицо Вильяма Шекспира имело свое желанье, волю.

Чтоб за чертой черты в своем воображеньи

Меня ты вызвала из темноты ночной.

Спокойной ночи! Спи. Дай мне в глаза твои взглянуть,

В твое лицо нельзя ли? Ты слуг позвать готово.

Спокойной ночи! Дай я поцелую грудь.

Увы, застегнута. О, не беги! Два слова.

Ты дверь захлопнула. Спокойной ночи снова!

Сто раз шепнул я: «Спи, чтоб не могла уснуть»».

ГОЛОС АВТОРА.

И Адам Мицкевич передал свой свиток Вильяму Шекспиру, и уже Шекспир положил тот свиток к ногам Лауры.

Мелодия. Гитара, Армик.

ГОЛОС АВТОРА. Под упругие ритмы испанской гитары и я хотел бы положить целый венок сонетов к ногам Лауры.

«Каменная рапсодия». Изумруд. Июнь, Близнецы-Рак.

«Столешница как бит в цыганской шали.

Темно-зеленый пламень – изумруд.

За что алмаза более дают

(То убеждали, то разубеждали).

Он – камень мой, на самой магистрали.

Оправлен в золото – славный талисман

Он мне от Бога, от пророков дан

(В чем убеждали, в том разубеждали).

И блеск в глазах. И слово мое тоньше.
Напевнее, удачнее строка.
Мой амулет, наш век еще не кончен.
Еще поем мы! В голосе пока.
И тут хандру вдруг как сняло рукой.
Еще бы! В цветомузыке такой».

ГОЛОС АВТОРА. И тогда пошли поэты всей Англии к Шекспиру, сидящему тут на помосте, со своими свитками. Шекспир брал все это и все это клал к ногам Лауры, к стопам Петрарки. Потом взял и поцеловал руку Лауре. Совсем как джентльмен. Недаром присвоили ему королевским указом низшее дворянское звание. Тоже джентльмен! И подарил он целую книгу своих сонетов Лауре, вышедших недавно в Лондоне отдельным изданием.

Оказывается, не такие уж они и «оловянные» острова эти британские, если поляна эта зеленая горит пламенем людских, человеческих сердец. И тут вышел из толпы человек, взбежал на помост и поклонился Лауре, представился:

Альфред Теннисон. «Дочка мельника»

А Автор, как всегда, спел слова про этих дочек на собственную мелодию.

«У мельника славные дочери.
И так мне одна дорога, дорога.
И я бы хотел ее щечки
Коснуться слегка, как серьга.

Меня бы укрыла волнистая прядь,
И милую шейку я мог бы ласкать.
Вокруг ее нежного стана
Хотел бы я быть пояском,

Чтоб сердце ее непрестанно
Со мной говорило тайком.
И знал бы я, верно ли бьется оно,
То нежной печали, то счастья полно.

И я бы хотел ожерельем
На белой груди ее стать,
Чтоб грустью ее и весельем
Вздыматься и падать опять.

И я бы мечтал об одном, об одном,
Чтоб снять бы мечтали меня перед сном,
Чтоб снять забывали меня перед сном,
И я бы мечтал об одном».

Тот неистовый человек (вопя откуда-то из-за купы деревьев). Не сонет это! Не форма сонета!

ШЕКСПИР (вставая со своего кресла, чтобы приветствовать Альфреда Теннисона как поэта нового времени). Ну и что ж! Зато очень мило!

РАСПОРЯДИТЕЛЬ ПРАЗДНИКА, стукнув посохом о деревянный помост, объявляя торжественно.

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН. *Лирика.*

Автор и это тут же исполнил все, положив на свои музыкальные воображения и преобразования.

«Она идет во всей красе,
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.
Прибавить им или отнять,
И будет уж совсем не та
Волос гранатовая прядь.

Не те глаза, не те уста.
И лоб, где помыслов печать,
Так безупречна, так чиста.
А этот взгляд и свод ланит,
И легкий блеск, как всплеск морской,
Все в ней о мире говорит.
Она в душе хранит покой.
И, если счастье подарит,
То самой щедрою рукой».

И еще Байрон. Стихи. На мелодию Автора.

«Ты плачешь. Светятся слезой
Ресницы синих глаз.
Фиалка, полная росой,
Роняет свой алмаз.
Ты улыбнулась – пред тобой
Сапфира блеск погас.
Его затмил огонь живой,
Сиянье синих глаз».
И это не сонет, не сонет!

Неистовый человек. Оркестр Поля Мориа. «Токката».

Его прерывает

ГОЛОС АВТОРА (на фоне «Токкаты»).

Вильям Шекспир. «Сонет №73».

Под музыку Автора, под его голос.

«Во время года видишь ты во мне,
Когда один, другой багряный лист.
От холода трепещет в вышине,
На хорах, где умолк веселый свист.

Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на Западе закат.
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти, сумраком объят.

Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней.
И тот, что жизнью для меня,

Могилою становится моей.
Ты видишь все, но близостью конца
Теснее наши связаны сердца».

*Мелодии Поля Мориа, Гленна Миллера, Рихарда
Клайдермана, Бена Гудмена сменяют одна другую.
Праздник сонета продолжится завтра.*

**10 марта 2002 г.,
г. Орел.**

ОСТРОВ ЛЮБВИ

(Французский шансон)

(концерт-шоу, одноактная мелодрама)

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА. Страна Аэдия. «Звуковая поэзия мира». АЭДЫ – певцы в античной Греции, поющие свои песни. РАПСОДЫ – певцы, поющие песни аэдов.

О влюбленных, которые нашли друг друга где-нибудь в уединении, французы говорят целомудренно тонко: «Они уплыли на Остров Любви».

Поэт Джо Дассен. «О шам зелIZE» («Елисейские поля»).

ГОЛОС АВТОРА. О, эти «Елисейские поля» Парижа! Песней Джо Дассена и открывается этот концерт.

Картина первая

Мелодия из мюзикла «Собор Парижской богородицы».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Мы встретились на пороге музея Бунина в Орле. Она – француженка, Селин, студентка родом из Пикардии. И в душе зазвучала эта лирическая мелодия из рок-оперы «Собор парижской богородицы», мелодия Эсмеральды и Феба.

Шарль Бодлер. «Красота»

(на фоне мелодии)

«Прекрасна я, как в камне спящем эхо.

И кто-то пал, ударясь мне о грудь.

А в ком любовь, тот создан для успеха,

Он мой поэт, он – вечность, Млечный Путь.

Парю в лазури, лебедь молодая,

Белее снега, холоднее льда, –

Я – Красота, недвижна и горда я,

Слеза и смех, – я выше их всегда.

Они сожгут себя, мои поэты,
В трудах души, во цвете своих дней,
Чтоб только я питала их сонеты,

Во имя благосклонности моей.
В два зеркала возьми и оглядись:
Прекрасен мир, покуда длится жизнь».

Другая мелодия из той же рок-оперы, того же мюзикла.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Вот снова лето. Киев – альма мать городов русских. Селин встречает нас и сразу же ведет на остров в середине Днепра, с видом на Владимирскую горку – Остров Любви.

Воскресенье. Остров на Днестре. Волны о берег бьются. Скамейка и мы, нас трое. И мелодия в душе возникает, эта песня надежды.

И я пою а'капелла.

«Прощание с Киевом»

(моя авторская песня)

«Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить.
Француженка – тонкая грация
Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,

И будет окончено все.

О, это различие в нациях,

Вы – русские – странны, мусье»...

ГОЛОС АВТОРА. И рядом мост через Днепр, и воды Днепра, и чайки.

Гийом Аполлинер. «Под мостом Мирабо».

Читает Клер Легран – француженка из бунинского Граса, Франция.

Перевод с французского Леонарда Золотарева, читает переводчик.

«Под мостом Мирабо

Тихо Сена течет
И уносит нашу любовь.
Помни, эта печаль уйдет,
Радость снова придет.
Полночь близится,
Пробил час.
Я останусь,
А день угас.

Так и стоим мы рука в руке,
Как и глаза в глаза.
Мост наших рук на молчащей реке,
Взгляд утонул вдалеке.

Полночь близится,
Пробил час.
Я останусь,
А день угас.

Любовь за водой уплывает, плывет,
Уходит наша любовь.
Как жизнь, что идет и идет, и идет,
Как новой надежды взлет.

Полночь близится,
Пробил час.
А останусь,
А день угас.

Проходят дни, недели, года,
Их не вернуть назад.
Любовь уплывает, плывет, как вода,
Под мостом Мирабо всегда.

Полночь близится,
Пробил час.
Я останусь,
А день угас».

ГОЛОС АВТОРА. И этот перевод, как и все потом переводы с французского, французских авторов – Леонарда Золотарева.

ШАРЛЬ БОДЛЕР. «Игра воды» (из «Цветов Зла») (перевод и музыка Л.Золотарева, поющего эту песню а'капелла).

«Не открывай глаза мои усталые,
Любовница, побудь в небрежной позе.
Не в удивленье позы мне бывалые,
Скорей для мыслей об апофеозе.

А во дворе игра воды, она для нас.
И днем и ночью, ежечасно, вновь и вновь
Струя течет, мы погружаемся в любовь,
С приходом вечером нас введшую в экстаз.

Разбита трава, развеяна
На тысячи брызг.
И в каждой – цветы,
И в каждой – слова,
И в каждой жива –
Ты!

Душа моя горит и разгорается,
Пожаром схвачена, ей тоже не до шутки.
А вот до тла сгореть не догадается.
Игра воды, игра воды какие шутки.

А во дворе игра воды, она для нас.
И испаренья, поднимаясь в облака,
Уже оттуда, охлажденные слегка,
Потоком в сердце мое падают сейчас.

Разбита трава, развеяна
На тысячи брызг.
И в каждой – цветы,
И в каждой – слова,
И в каждой жива –
Ты!

Прохладна ночь, пройдет, неповторимая,
Прильну к груди и от тебя ни шагу.
Но отчего в глазах твоих, любимая,
Дрожит, слегка покачиваясь, влага?
А во дворе звучит вода, стекая вновь.
Луна, деревья, горы, годы незабвенны.
Играй, вода, – ручьи в глазах твои священны,
Ведь и в ручьях твоих, как в зеркале, любовь.

Разбита трава, развеяна
На тысячи брызг.
И в каждой – цветы,
И в каждой – слова,
И в каждой жива –
Ты!»

ГОЛОС АВТОРА. Шарль Бодлер. «Альбатрос».

Читает Клер Легран, Франция.

Перевод Леонарда Золотарева, читает автор перевода.

«Вдруг нахлынет глухая тоска на матросов!
И, спасая себя в океане тоски,
Они ловят красивых больших альбатросов
И бросают к ногам мановеньем руки.

Взмыть бы с палубы тут же, от грохота брызг,
Но, вздымая, как весла, гигантские крылья,
С мясом вырвать готов из уключин своих,
Он величье теряет порой от усилья.

Царь небес голубых, император просторов, –
Он низложен толпой, и смешон, и угрюм.
Этот – в спину ему кучу всякого вздора,
Тот – ему табачищем в развернутый клюв.

Так, Поэт, и идешь ты, белея от брани.
Волочатся крыла – властелины высот.
И от палубной дряни, кормы в Океане
Исполинская сила на Небо несет!»

Гитара, Гойя. «Французская песня»

ГОЛОС АВТОРА. Луи Арагон. «Руки Эльзы». И я пою
а'капелла на свои музыкальные фантазии.

«Дай мне руки твои, дай мне руки,
О которых молчал и молчу.
Дай мне руки твои – мои муки,
Дай мне руки, спастись в них хочу.

Я беру их, ловлю, принимаю.
Вижу нежность, смятение, страх.
И, как воду со льда, поднимаю
И держу над собою в руках.

Убегает и снова мне в руки
Ледяная, живая вода.
Потрясают такие разлуки,
Как меня потрясали всегда.

Дай мне руки твои, дай согреться,
Пусть задержится мир для двоих.
Дай мне руки, возьми мое сердце
В эти нежные руки твои».
Гитара, Гойя. «Мария-Элен».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии). Читаю я как автор стихов.

«Отправлялся на БАМ,
По Байкальским местам,
А в Москве, а в Москве с полуярда
Провожала глазами,
Оживляла устами
Монна Лиза меня, Леонарда.
Моя Монна, моя Лиза,
Не графиня и не маркиза,
А творение рук человеческих,
Красоты и понятия греческих».

И написано было это летом 1973-го, после Пушкинского музея в Москве, где была она, когда я отправлялся на БАМ. Так и живет во мне она, эта Монна, с той поры.

«Если так я хочу,
Если криком кричу,
И в Париже она, словно барду,
Все глазами своими,
Все устами живыми
Улыбается мне, Леонарду...»

И мостик отсюда, от Острова Любви, туда – к Парижу,
где находится она – это

«... творение рук человеческих,
Красоты и понятия греческих».

ГОЛОС АВТОРА. Жак Превер. «Это в Париже».

И я пою а'капелла на мелодию своей души.

«Тысячи, тысячи лет
Люди не знают страданий
Здесь даже слова ради.
Это, конечно, вечность.
Маленькая, но твоя.
Где ты меня обняла,
Где я обнял тебя
Утром в сияньи Луны,
В парке одном Монсури.
Это в Париже, на той земле,
Которая, как и звезда,
Сияет мне тысячи лет,
Тысячи лет».

Шарль Азнавур. «Богема»

Тонкая, щемящая музыка.

И голос изящный, берущий за самое сердце

Хоть француз, а хоть и меня, русского.

И переводить-то не надо.

Все ясно.

В одном слове.

«Ля мюзик. Ля воэма.

Поэма».

ГОЛОС АВТОРА. А музыка льется, льется – то ли из самого сердца, то ли из транзистора где-то рядом. А лето прекрасно.

Поет Далида. Музыка Армстронга.

«En rose» – «Жизнь в розовом свете».

ГОЛОС АВТОРА. И начинает накрапывать дождь – то ли от полноты чувств, то ли от мыслей о рано ушедшей из жизни прекрасной французской певицы египетского происхождения.

Поль Верлен. «Песня дождя» (Песня без слов)

Читает Алан Легран. – Грас, Франция. Затем читает переводчик.

«Плачет сердце мое,
А над городом дождь.
Что томишься ты, что ж,
Плачешь, сердце мое?
Нежны песни дождя.
Шум по крыше и тишь.
Что грустишь ты, молчишь
В нежных песнях дождя?
В сердце плач ни с чего.
Все пустынно, все бред.
Предал кто-то иль нет,
Грусть – тоска ни с чего».

ГОЛОС АВТОРА. **Гийом Аполлинер. «Осень»**

Читает Клер Легран, Франция.

Свой перевод читает Леонард Золотарев.

«В холодном тумане крестьянин и вол
Тащатся по дороге
Мимо поселков убогих и сел,
И сами-то тоже убоги.

Крестьянин поет заунывную песнь
О бедной, разбитой любви.
С кольцом обручальным, измученный весь,
И плачь хоть, и хоть не живи.

О осень, осень! Туманы грядут.
Сгубили, проклятые, лето.
Вол слушает песню. Вдвоем и бредут,
Шатаясь, по белому свету».

ГОЛОС АВТОРА. Поет Ив Монтан. «Опавшие листья».

Поет Леонард Золотарев. «Осенние листья» (в моем переводе).

«Северный ветер наносит кистью
В холодной ночи силуэт вдалеке.
И лижет волна опавшие листья,
И море стирает следы на песке.

Да, это стихи Жака Превера в моем переводе.

Листья слетают, редеет волна.
В грустных узорах мокрый песок.
Я не забыл. Словно из сна,
Берег любимый далек.

Это было все, это было.
В забвении ночи твои черты.
Как любил я тебя,
Как меня ты любила.
И пою я теперь,
Как пела когда-то ты.

Северный ветер наносит кистью
В холодной ночи силуэт вдалеке.
И лижет волна опавшие листья,
И море стирает следы на песке».

Гитара, Гойя. «Песня для Милана».

Картина вторая

Мелодия. **Гитара, Гойя. «Ностальгия».**

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне ее*). И все это в душе,
французский шансон, все это в песне.

Поэт Сальваторе Адамо. «Падает снег».

ГОЛОС АВТОРА. **Стефан Малларме. «Умиравший
Лебедь».**

Перевод и музыка Леонарда Золотарева.

Я пою а'капелла.

«Не знает высоты, на юг не улетает,
Он тут всегда. А пруд сковало льдом.
Он хочет пить, он бьет по льду крылом,
Но льда его крыло не пробивает.

Он – Лебедь, он встречает смерть на льдине.

Зима пришла, сурова и седа.

А он все тут – на милой на равнине,

Откуда все летят, когда зима сюда.

Тряхнет он шеей – тонкою, лебязьей

И не стремится ввысь, слабее силы вражьей.

Крылом не одолев земного притяженья,

Он сел на пруд, чтоб тут заиндеветь.

В плену у льда, исполненный презренья,

Свободный – на свободе умереть».

ГОЛОС АВТОРА. **Жак Превер. «Барбара».**

Читает Клер Легран, бунинский Грас, Франция.

Перевод Леонарда Золотарева. Читает переводчик.

«Помнишь ли ты, Барбара,
Как над Брестом дожди шли с утра?
И ты прошла, улыбаясь,
Промокшая, восхитительная,
Под этим дождем.
Помнишь ли ты, Барбара?
Как над Брестом шел дождь без конца,
А ты улыбалась, и я улыбался
Той, которую я не знал,
Той, которая не знала меня,
Помнишь ли ты, Барбара?
Помнишь ли ты тот день,
Не забудь человека, укрывшегося от дождя,
И он крикнул тебе: «Барбара!»
И ты подбежала к нему под навес,
Промокшая и счастливая,
И ты к нему бросилась в руки тогда,
Вспомни все это, Барбара!
Я говорю на «ты» с тем, кого я люблю,
Хоть и видел их только раз.
Я говорю на «ты» с тем, кто любит друг друга,
Даже если не видел их никогда.
Вспомни же, Барбара, не забудь!
Этот теплый, счастливый дождик
На твоём счастливом лице.
Этот дождик над морем, над арсеналом, над кораблем,
Идущим из Бреста.
О Барбара! Как ужасна война.

Что с тобой теперь стало
Под железным огнем, под огнем,
Проливающим кровь.
Неужели и тот, кто тебя обнимал,
Уже погиб, его нет?
Но ведь дождь шел и раньше,
И теперь он идет, ни на что не похожий,
Словно пропасть какая разверзлась,
И уже это траур от горя и слез,
Это даже уже не гроза
Из железа и крови,
Это просто огромные черные тучи
Подымают вверху, как собаки,
Как собаки, какие исчезнут вот-вот,
В дождевой завесе за Брестом,
Пропадая вдали, далеко-далеко,
От каких ничего не останется, –
О Барбара!»

ГОЛОС АВТОРА. Гийом Аполлинер. «Лу, моя Лу».

Перевод и музыка Леонарда Золотарева.

И сам же пою.

«Если б погиб я на фронте,
Плакала б ты целый день,
Лу моя – маленький зонтик,
Дни б отошли в мою тень,
Стал бы снаряд мой мимозой на фронте.

Вспыхнули б воспоминанья в пространстве,
Кровью вокруг все залив.
Горы, долины в своем постоянстве,
Звезды и море, чудесный залив,
Солнце в своем золоченом убранстве.

Всходит, зайдет, умирая, закат.
Вспоминанье лишь вечно живое.
Я бы окрасил все в красное: сад,
Губы твои, груди твои,
Кудри твои, само собою,
Их не состарил бы этот наряд.

Лу, моя Лу, если я погибаю,
Вспомни безумия редкого миг.
Нашу любовь без конца вспоминаю,
Юность как жаркое счастье двоих.

Лу, моя Лу, юная Лу, Лу дорогая,
О, моя Лу – моя слабость, любимая!
Необозримая, неповторимая!»

**ГОЛОС АВТОРА. Артюр Рембо. «Спящий в
ложбине».**

*В переводе Леонарда Золотарева,
Читает переводчик.*

«Зеленый дол, куда течет река.
В траве пожухлой стыннут берега.
И солнце. И гора молчит, строга.
Долина вся в лучах невелика.

И молодой солдат с открытым ртом
Лежит, весь обнаженный, перед небом,
Один, среди волнуемого хлеба,
Весь распростерт, на ложе спит своим.

Шаги в цветах, а он лежит, лежит.
Все улыбается, как в детстве, дома спит.
И бледен он, и в тело входит холод.

От запахов уж ноздри не трепещут.
И рядом два пятна краснеют, плещут.
А он лежит – солдат, который молод».

ГОЛОС АВТОРА. Мирей Матье. «Прощальный вальс».

Песня Армстронга. «Все в розовом свете»

Поет Далида, Леонард подпевает в душевном порыве.

ГОЛОС АВТОРА. И здесь, в Киеве, на Острове Любви, где проходят перед глазами все эти французские стихи и песни, мне кажется, что это уже не Селин – студентка родом из Пикардии, а сама Прекрасная Марианна протягивает мне свою узкую, смуглую руку и поет во мне вместе со мной.

*Поль Верлен. Отрывок из стихотворения
«Искусство поэзии».*

Читает Моник Пайяр, Грас, Франция.

Перевод Леонарда Золотарева,

Читает переводчик.

«О музыка! В твоей мы власти.
Попробуй только уследи,
Как где-то в тучах впереди
Мелькнет возможный призрак счастья.
Веди, любовь! Тяни, натура!
Гори, высокая звезда!
В ночи, впотьмах, во всем, всегда, –
Все прочее литература».

Гитара, Гойя. «Эльвира Мадиган».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Из «Прощания с Киевом» Леонарда Золотарева.

«... Над Киевом чайки кричали.
С холмов на великую Русь.
Где было нам столько печали,
Сюда никогда не вернусь».

ГОЛОС АВТОРА. И все-таки, все-таки. Остров Любви.
«И надо мной бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье»
(Николай Рубцов).

*Владимир Костров, музыка Леонарда Золотарева. Сам
пою а'капелла.*

«Скамейка в саду»

«Что хотел, то решительно выразил
Первым мальчишеским чувством. Шальной –
Так на скамейке садовой я выразил
Сердце, пробитое длинной стрелой.

Как рисовалось, теперь не рисуется.
Предусмотрительность встала стеной.
Но на скамейке никак не рубцуются
Сердце, пробитое первой стрелой.

Надо ли ждать, что стрела просвистит.
Так и живем, согрешим да покаемся.
Слишком пристрастны к людскому суду.
Надо бы плакать, а мы усмехаемся.

Сердце, стрела да скамейка в саду.
Надо бы плакать, а мы усмехаемся.
Так и живем, согрешим да покаемся,
Слишком пристрастны к людскому суду».

ГОЛОС АВТОРА. *Оркестр Поля Мориа. «Токката».*

Робер Деснос. «Куплет о стакане вина»

А'капелла пою свой перевод на свою же мелодию.

«Когда поезд ушел, опустилась рука.
Ни платка твоего и ни зонтика.
Только полный стакан золотого вина,
Только поезд, к нему устремленный.

Это длинное, длинное пламя вина
И горит, и поет, и рыдает.
Разрушая дворцы, и меня от тебя,
От твоих алых губ отделяет».

Артюр Рембо. «Впечатление»

А'капелла. Так же пою свой перевод на свою же мелодию.

«Иду тропинкой в голубой и теплый вечер.
Колосья колки. Шелковисты травы.
И ночь дыхла свежестью навстречу,
Росой легла на волосах кудрявых.

Ни слов во мне, ни мыслей никаких,
В душе любовь, одна любовь в груди.
И я бреду и счастлив хоть на миг,
Как с женщиною встреча впереди».

Мелодия, современная французская песенка «Школьные каникулы».

ГОЛОС АВТОРА. «Прощание с Киевом»

(моя авторская песня)

«Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить.
Француженка – тонкая грация,
Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,
И будет окончено все.
– О это различие в нациях!
Вы, русские, странны, мусье.

Над Киевом чайки кричали
С холмов на великую Русь.
Где было нам столько печали,
Сюда никогда не вернусь.

Днепровская, чуть с голубинкой,
Волна пропадала в волнах.
Подрагивала паутинка
В ее пикардийских глазах.

Вот так и стоит среди зноя
С цветами, как огненный флаг.
Прощается Киев со мной,
В ее утопая руках».

ГОЛОС АВТОРА. Жак Превер. «Букет»

Читает Алан Легран, Грас, Франция.

Перевод Леонарда Золотарева, читает переводчик.

«Что скажете вы, моя девочка,
На то, что цветы эти срезаны?
Что скажете вы, моя девушка,
На то, что они вдруг увянут?
Что скажете вы, моя женщина,
На то, что цветы увядают?
Что сделали б вы, мама женщины,
С цветами, которые так увядают?
Что скажете все вы? –
Я жду».

Мелодия из рок-оперы «Собор Парижской богородицы».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Шарль Бодлер.

«Парю в лазури – лебедь молодая,
Белее снега, холоднее льда,
Я – Красота, недвижна и горда я,
Слеза и смех, – я выше их всегда».

ГОЛОС АВТОРА. *Остров Любви. Гитара, Гойя. «Песня без слов».*

И я пою, подпеваю эту «Песню без слов» под эту мелодию, под эти прекрасные звуки из сферы небес. И заканчивают концерт бравурные ритмы современной французской песенки «Каникулы».

Занавес.

АНДАЛУЗСКИЕ НОЧИ (Испанская гитара)

Концерт-шоу. Из «Звуковой поэзии мира». Стихи испанских поэтов, пропетые моим сердцем и голосом.

ВМЕСТО ПРОЛОГА.

Одноактная мелодрама.

Испанская гитара. Армик, «Малага».

Энергичные ритмы гитары.

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне ее*). Леон Филиппе. «Брат».

«Брат, с тобою твое добро:

Лотос, очаг, ружье.

Мой только древний голос Земли,

Все остальное твое.

Ты оставляешь меня нагим,

Гоня по дорогам земным.

Но я оставляю тебя немым,

Ты понимаешь, немым.

И как ты станешь седлать коня

И в поле точить косу,

И как ты будешь сидеть у огня,

Если песню я унесу?»

Романтик. Гитара, Армик.

ГОЛОС АВТОРА. Испания, Андалузия. Темная, благоуханная ночь. Человек выходит на высокую острую крышу. Воздевая руки к звездам, высокому небу. Это Поэт. Он считает яблоки звезд, летящие на него в виде музыки слов. Слов – звезд, песен – звезд. Сюда к нему летят они со всей Испании, недаром еще со времен Кордовского халифата поэтов тут зовут «звездочетами».

И этот поэт-звездочет – чудо Испании XX века, это поэт Гарсиа Лорка. Сдваиваясь и сменяясь, образы кутают мистику ритмов в бархаты ночи, страхов и ужасов, чудесных превращений и опасений.

Первая ночь

Хоры небесные. Сумраки ночи. Оркестр, ритмы «фламенко».

«Гранада», поет Николай Басков (на испанском языке).

ГОЛОС АВТОРА. Это молодой голос издалека откуда-то, из России, из XXI века. Но уже сейчас, в свои годы начала XX века, Гарсиа Лорка слышит его, Николая Баскова, в своей Гранаде.

ГОЛОС АВТОРА. Шевелятся тонкие, бумажные губы звездочета. Зеленым отсвечивает сердце поэта.

Гарсиа Лорка. **«Романс о Луне».**

Читает **Франсиска Плата**, из Гранады, Испания. Поет затем во всех переводах **Леонард Золотарев**. А переводы, стихи поэтов положены на музыку моей души.

Итак, **Гарсиа Лорка. «Романс о Луне».**

«Луна в цыганскую кузню
Вплыла жасмином воланов.
И смотрит, смотрит ребенок
И глаз не отводит, отпрянув.

Луна закинула руки.
И дразнит ветер полночный
Своей оловянною грудью,
Бесстыжей и непорочной.

Луна, луна моя, скройся.
Если вернуться цыгане,
Возьмут они твое сердце
И серебра начеканят».

Возьмут они твое сердце,
Возьмут они твое сердце...»

Гитара, Армик. «Фламенко».

ГОЛОС АВТОРА. *Голос трубы в ночи. Хосе Каррерас.*
«Валенсия».

И опять после пения звуки ночи. Хоры и оркестры.

ГОЛОС АВТОРА. Монсеррат Кабалье и Николай Басков.

Дуэт. Голоса с оркестровыми, хоровыми импровизациями.

ГОЛОС АВТОРА. Испания, 14-й век. Готье де Сетине.
«Светлые глаза». Мадригал.

Перевод: «Он хотел, чтоб в ее взгляде
Была любовь».

Читает Паола Маури, Северная Испания, Страна Басков.

Романтическая гитара. «Аранхуэзский концерт».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне его). Сказал поэт поэту, а это уже прекрасные стихи, положенные на музыку моей души. Это мои диалоги с поэтами Испании, свобода моего духа, импровизации, разговоры мои по душам с поэтами – «звездочетами», которые жили во мне всегда, хоть и были когда-то, еще в давние, даже древние времена.

Итак, переводы поэтов Испании, пропетые мной – музыкой моей души.

И все это как бы мыслит высоко на крыше стоящий «звездочет» – поэт Гарсиа Лорка. Итак, как бы турнир испанских поэтов перед Гарсиа Лоркой и в моей душе начинается.

Мануэль Мачадо. «Песня»

«Пока не поет их народ,

Песни еще не песни.

А когда их поет народ,

Сочинитель уже неизвестен.

Такая судьба, без сомненья,
Всем песенникам суждена.
Остаются их сочинения,
Забываются их имена.

Ты сделай так, чтобы в людях
Хранилась песня твоя.
Пусть не твоей она будет,
А каждого и своя.

Пусть растворится голос
В тысячах голосов,
Ты имя отдашь во имя
Бессмертия твоих слов».

ГОЛОС АВТОРА. Хуан Рамон Хеменес. «Я просто
сказал...» Под мою мелодию, а'капелла.

«Я просто сказал однажды,
Услышать она сумела,
Мне нравится, что весною
Любовь одевалась белым.

Глаза голубые вскинув,
Взглянула с надеждой зыбкой.
И только пухлые губы
Светились детской улыбкой.

С тех пор, когда через площадь
Я шел на майском закате,
Она стояла у двери
Одетая в белое платье».

«Юность».

Под мою мелодию, а'капелла.

«Когда сказал ей в тот вечер,
Что я уеду наутро,
Она, взглянув, улыбнулась,
Но только странно и смутно.

Зачем ты едешь? – спросила. –
В долинах нашего края.
Какая тишь гробовая,
Как будто сам умираю.

– Зачем ты едешь? – я слышу,
Что сердце крикнуть готово.
Готов кричать, и ни звука.
Хочу сказать, и ни слова.

Куда ты едешь куда-то,
Где выше небо ночное
И где не будет так тихо,
И столько звезд надо мною.

Ее глаза потонули
В тиши долин беспробудной.
И, погрузившись, она смолкла
С улыбкой странной и смутной».

Под мою мелодию, а'капелла.

«Серебро тишины».

«Что хоронишь ты, птица,
В соловьиной гортани
И серебряной розой
Роняешь на плиты?

Отголосками звона,
Подобного тайне,
Словно синей гирляндой,
Сады перевиты.

В одинокой ночи
Среди смутных жасминов,
Над садами, над белой метелью в июне,
Сердце полное слез,
Высоко запрокинув,
Ты кропишь серебром
Тишину полнолуныя.

И другой соловей
У меня в заточенье,
Как во сне к тебе тянется
Взглядом незрячим.
Раскрывается ясно,
Врывается пенье,
И еще одно сердце
Откликается, плачет.

И понять невозможно
В серебре и дремоте,
Кто кого окликает
В ожидании чуда.
Или дружные струны
Об одном вы поете,
Из-за гроба ваш голос,
Или он ниоткуда».
Под мою мелодию, а' капелла.

«Лунная птица».

«Кем он был изначально,
Твой напев соловьиный –
Родником или розой, или ранней звездой?
Вспомни, лунная птица,
За какой луговинной
Он поил первоцветы водой золотою.

И твои это в небе
Самоцветные трели?
Или бог в тебе плачет
В тот миг сиротливый.
Или сам не припомнишь,
У какого апреля
Ты и сам их укроешь, свои звезды в разливе?»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Конечный путь»

«Я уйду, а птица будет петь,
Как пела,
И будешь сам, и дерево в саду,
И мой колодец белый.

На склоне дня
Прозрачен и спокоен,
Замрет закат, и вспомнят про меня
Колокола окрестных колоколен.

С годами будет улица со мною,
Кого любил я, тех уже не станет.
И в сад мой за зеленою стеною,
Тоскуя, только тень моя заглянет.

И я уйду один без ничего, –
Без дерева, без утренней капели,
Без белого колодца моего.

А птицы будут петь, как пели».

Мелодия. Гитара, Гойя. «Аранхуэзский концерт».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии). И такое, как бы мое импровизационное пение – это мой разговор с поэтом, с самим собой. Поэта с поэтическим космосом.

А ведь этот «Аранхуэзский концерт» написал когда-то слепой музыкант, как Гомер, разговаривая как бы с самим собой, зрячим и незрячим, но всевидящим оком Гомера.

Антонио Мачадо. «Смерть раненого ребенка»

Под мою мелодию, а'капелла.

«И снова ночь. И молотом тяжелым
Стучит озноб в горячие виски.
И видит мама: птица в платье желтом
И черно-золотые мотыльки.

«Усни, дитя! – и мать склонилась ниже,
Когда не знаешь, в агонии чем помочь.
Ручонка жаркая. Кроватка в нише.
Лекарством и лавандой пахнет ночь.

А за окном луна висит, кругла.
И где-то самолет незримый кружит.
И белизна легла на купола,
И где-то самолет незримый кружит.

«Ты спишь, мой маленький!
Ответ уж лишний,
Короткий всхлип оконного стекла.
И холод входит, холод, холод,
Под тихий всхлип оконного стекла».

«Туманы».

Под мою мелодию, а'капелла.
«Туманы, как женские платья,
Шуршат над бесплодной землей.
Колокола на закате
Исходят звонкой слезой.

Дни со стынувшим жаром.
Западный край земли.
Белые призраки Мары
Поднялись и звезды зажгли.

Близится час мечтаний,
Выходи на балкон!
В тишине снова туманен,
Колокол плачет во сне».

«Белый цветок».

Под мою мелодию, а'капелла.
«Была на площади башня!
И был на башне балкон.
Была на балконе синьора,
Синьора с белым цветком.

Но вот прошел кабальеро,
Кто знает, зачем прошел?
Он площадь унес и башню,
Башню унес и балкон,
Унес балкон и синьору,
Синьору с белым цветком».

А.Гонсалес.

Под мою мелодию, а'капелла.

«Если бы силы у нас хватило,
Кусочек дерева стиснуть, как должно,
В наших руках осталась бы только
Щепотка пыли.

А будь у нас еще больше силы,
Чтоб сжать до предела эту щепотку,
В наших руках осталась бы только
Капля воды.

В если бы нам удалось напоследок
Сдавить и эту жалкую каплю,
В наших руках бы осталось только...
А ничего б не осталось...
В наших руках».

Оркестр Клайдермана. «Танго».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии). Испания,
Андалузия.

Гарсиа Лорка на высоком берегу, на острой крыше,
ближе к звездам. Стоит, покачиваясь, под мелодию танго.
Грустно и хорошо. Освещая ветер ночи.

ГОЛОС ПОЭТА. «Испания! Глубже, чем море
Любая тропинка твоя».

Мелодия сменяет мелодию. За танго следует танго. А слова об Испании остаются, витают в воздухе, в звездах, в сердце поэта.

Вторая ночь

ГОЛОС АВТОРА. Испания. Андалузия. Танго. Ночь вторая. Гарсия Лорка, как и все поэты, на высокой острой крыше, ближе к звездам. Недаром поэтов в Испании издавна зовут «звездочетами».

Гарсия Лорка стоит и считает над собой яблоки звезд, предвосхищая явления звуков. А ночь глубока и таинственна.

Оркестр Клайдермана. Танго.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии, ритмов). И снова поэты со всей Испании слетаются сюда к нему, как какие-нибудь валькирии. Белые, черные тени мечутся перед ним. Поэты и звезды. Они глубоко западают в душу Гарсия Лорки. Небо становится светлее от обилия звезд.

А где-то в углу, за спиной Лорки, чья-то сиятельная тень, это со своей гитарой Армик.

Длинные, бегущие по волнам поэзии ритмы. Это «Фламенко», «Фламенко»!

ГОЛОС АВТОРА. Луис Сернуда. «Поэзия»

«Тебе в служенье отданный судьбой

Мечтательный ребенок, безоглядный,

Как мог он за тобою не пойти?

Став юношей, изведал он, влюбленный,

Ярмо твое и вопреки всему

Служил тебе, как никому на свете.

Но, повзрослев, он вдруг спросил себя:

У тех – богатство, у других – слова,

А он за рабство чем вознагражден?

Решил он стать собой, а не рабом
Твоим же, для себя, как все другие.
Ты не мешала детскому капризу.
И вот всего лишившись, без тебя...»

*Затихает звук, возникает другая мелодия, другие слова
того же автора.*

Луис Сернуда. «Мир, где правят...»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Мир, где правят ложь и порок, –
Я прошу тебя лишь об одном,
О, оставь лазури клочок
В небе и в сердце моем!
Ни богатства, ни славы, ни власти –
Я не жажду, к чему мне все это?
Я тобой одной буду лишь счастлив,
Моим единственным светом.

Мир, где правят ложь и порок, –
Я прошу тебя лишь об одном,
О, оставь лазури клочок
В небе и в сердце моем!»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Сентябрь тишиною повит.
И тополя лист золотой
Сорвавшейся с неба звездой,
Вращаясь, на землю летит.

Пусть цаплей, кружась не спеша,
И легкой, сияющей тенью
С дерева жизни в забвеньи
Слетит беспечально душа.

Сентябрь тишиною повит.
И тополя лист золотой
Сорвавшейся с неба звездой
Вращаясь, на землю летит».

Луис де Гонгора. «Не так неистово».

Под мою мелодию, а'капелла.

«Не так неистово сквозь вихрь и свет
Спешит стрела вонзиться в плод мишени.
Не так летит квадрага по арене
Венчать затишье проклятых побед.

Так потаенно мчится в беге лет
К концу наш век в однообразной смене.
Безумный зверь преследующей тени,
Круженье солнца, мелькание комет.

Свидетель Карфаген, беги от смуты.
Не верь, одни нам призраки даны!
Иль ты не знаешь ждут тебя невзгоды,
О лица, отомстят тебе минуты,
Минуты, что подтачивают дни!
Дни, что грозой и пожирают годы».

«Дары фортуны»

Под мою мелодию, а'капелла

«Фортуна дары раздает, как придется,
Когда улыбнется, когда отвернется.
По-быстрому делит, и все шито-крыто,
Кому кучу денег, кому сан бенито.

Дает и не знает, кого награждает.
И пусто, и густо, и всяко бывает.
Дает и не знает, кого награждает.
И пусто, и густо, и всяко бывает.

Бродяга яйцо из курятника свистнет,
И вот он, как персик, на солнышке виснет.
А этот почище любого бандита
Ворует и грабит, и все шито-крыто.

Фортуна на это глядит, как придется.
Когда улыбнется, когда отвернется.
Фортуна на это глядит, как придется.
Когда улыбнется, когда отвернется».

Рафаэль Альберти. «Раненый».

Под мою мелодию, а'капелла.

« – Подари мне, сестренка, платок
Перевязать мои раны».

« – А какой тебе выбрать платок –
Розовый или шафранный?»

« – Дай любой, вся в крови моя грудь.
Струйка крови скользит по руке.

Только сердце свое не забудь,
Вышито в каждом его уголке».

Мелодия. Гитара, Армик.

**Мануэль Мачадо. «Кастилья. Легенда о
Сиде»**

«Слепое солнце раскаляет латы,
Огнем летучим воинов кропя.
Дробится в искры на стальном забрале
И полыхает на конце копья.

Слепое солнце. Жажда и усталость.
Да по степи кастильской стук копыт.
В изгнание с двенадцатью своими
В поту, в пыли, в железе скачет Сид.

Вот постоянный двор. Он словно вымер.
Он весь закрыт от ставен до ворот.
В ворота бьют копьём, шатаются ворота.
А ветер обжигает, солнце жжет.

Но гулкий гром ударом отозвался.
Серебряные хрупки голоса.
И маленькая девочка несмело
Открыла дверь и вышла на порог.

Была она и худенькой, и бледной.
Одни глаза и слезы на глазах.
Но на лице ребячьем любопытство
Превозмогало страх.

«Уйдите, добрый Сид! Король убьет нас.
Разрушит этот дом.
Прикажет соль посеять в нашем поле,
Распаханном отцом.

Скачите дальше, Сид. Храни вас, Бог.
Несчастье наше не пойдет вам впрок».
И девочка заплакала безмолвно.
Потупясь, воины стояли перед ней.
И в тишине, густой и накаленной,
Суровый голос крикнул: «На коней!»

Слепое солнце. Жажда и усталость.
Да по степи кастильской стук копыт.
В изгнание с двенадцатью своими
В поту, в пыли, в железе скачет Сид».

Домоса Алонсо. «Звездочеты»

(То есть Поэты – по традиции, оставшейся еще от арабов).

Под мою мелодию, а'капелла.

«Я устал, равнодушно и строго
Созерцаю огни во мгле.
Это город обычный, город,
Я прожил в нем двадцать лет.

Все затихло. Ни смеха, ни плача.
Пахнет пылью вечерний воздух.
На соседнем балконе мальчик
Упоенно считает звезды.

Начинаю и я считать,
Но мне его не догнать.
Одна, две, четыре, пять, –
Нет мне его не догнать.

Пять, одна, две, три, четыре,
Пять, четыре, три, два, одна».

ГОЛОСАВТОРА. Какою-то опасностью чувствует Гарсиа Лорка от пространств и ночи вокруг. Это предсказывают ему звезды. Судьба есть судьба.

Мелодия. Гитара, Армик. «Фламенко».

Третья ночь

Там же. Испания, Андалузия. Гарсиа Лорка под звездами.

ГОЛОСАВТОРА. Гарсиа Лорка. «Сомнамбулический романс».

Читает Паоло Маури, Испания, Страна Басков.

«Любовь моя – цвет зеленый,
Зеленого ветра всплески.
Далекий парусник в море.
Поближе – холм в перелеске.

Ночами по грудь в тумане
Она у перил сидела.
Серебряный иней взгляда
И зелень волос и тела.

Любовь моя – цвет зеленый.
Лишь месяц цыганский выйдет,
Весь мир с нее взгляд не сводит,
И только она не видит.

Земляк, я коня лихого
Сменял бы на эту кровлю.
На зеркало – ночь, а сбрую –
На краешек изголовья.

Земляк, я из дальней Кабры
Иду, истекая кровью.
Хочу умереть, как люди,
Оплаканные любовью.

Не видишь ты эту рану.
От горла и до ключицы
Все кровью пропахло, парень,
Все кровью твоей сочится.

И я то уже не я то...»

ГОЛОС АВТОРА. Окончание романса теряется где-то в душе, в ночи, а за спиной Гарсия Лорки появляется

другая тень. Приглядевшись, он узнает русского поэта Сергея Есенина. «Ну, и почему Есенин тут?» – вы спросите меня. А я так чувствую, что поэты эти очень близки друг другу, как братья духовные – по яркости, поэзии, по восприятию и передаче поэтики мира. По восточному колориту, по сдвоенности образа, то по глоссе, то по метафоре в красоте и странности, тайны слова и чувств.

Гарсия Лорка жил в Испании, где-то на границе Кордовского халифата, Сергей Есенин жил на Руси, на Рязанщине, где-то на границе с Дикой полем – ковыльной степью.

Итак, Фредерико Гарсиа Лорка. «Древо жизни».

Под мою мелодию, а' капелла.

«Все дрожит еще голос –
Одинокая ветка
От минувшего горя
И вчерашнего ветра.

Ночью девушка в поле
Тосковала и пела
И ловила ту ветку,
Но поймать не успела.

Пусть луна на ущербе,
А поймать не успела.
Сотни серых соцветий
Оплели ее тело.

И сама она стала,
Как певучая ветка,
От минувшего горя
И вчерашнего ветра».

«На Севильской дороге»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Антонио Торрес Соренья
Шагает с ивовой палкой
В Севилью, где нынче коррида.
Смутлее Луны зеленой
Он чинно и важно шагает.
Его вороненые кудри
Глаза ему закрывают.
Беспечно на полдороге
Нарезав лимонов спелых,
Он ими швырялся в воду,
Ее золотую сделав».

ГОЛОС АВТОРА. **Сергей Александрович Есенин.**

«Песни, песни»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри влетать.

Я хочу быть тихим и строгим,
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по тропе одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать».
Под мою мелодию, а'капелла.

С.Есенин

«Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам.
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище»...

ГОЛОС АВТОРА. Гарсиа Лорка. «Поступь Сигирийи»

Под мою мелодию, а'капелла.
«Бьется о смуглые плечи
Бабочек целая стая.
Белые змеи тумана
Снег заматают.
И небо земное
Над млечной землею.

Идет она пленницей ритма,
Который постичь невозможно.
С тоскою в серебряном сердце,
С кинжалом в серебряных ножнах.
Куда ты несешь, Сигирийя,
Агонию певчего тела?
Какой ты Луне завещала
Печаль олеандров белых?

И небо земное
Над млечной землею».

«Солеас»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Одетой в черное платье
Весь мир ей кажется малым,
А сердце большим, необъятным,
Одетым в черное платье.

Ей кажется, горькие стоны
И неги страстные вздохи
В потоке ветра утонут,
Одетые в черное платье.

Балкон остался открытым
И сквозь перила балкона
Заря по небу разлита,
Заря по небу разлита,
Одетая в черное платье».

«Танец»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Танцует в Севилье Кармен
У стен, голубых от мела.
И жарки зрочки у Кармен,
А волосы снежно-белы.

Невесты, закройте ставни,
Невесты, закройте ставни,
А-а-а... а-а-а...

Змия в волосах желтеет.
И, словно из дальней дали,
Танцуя, встает былое
И бредит любовью давней.

Невесты, закройте ставни,
Невесты, закройте ставни,
А-а-а... а-а-а...

Пустынны двory Севильи.
И в их глубине вечерней
Сердцам андалузским снятся
Следы позабытых терний.

Невесты, закройте ставни,
Невесты, закройте ставни.
А-а-а... а-а-а...»

ГОЛОС АВТОРА. Сергей Есенин. «Не бродить, не мять»...

Под мою мелодию, а'капелла.

«Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли.
Имя тонкое растаяло, как звук.
Но остался в складках смятой шали.
Запах меда от невинных рук.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда».

«Ты такая ж простая...»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Ты такая ж простая, как все.
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой оконный строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я не эти иконы... ковал...
Чтил я грубость и грубость в повесе.
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так тело твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, не жалок, не мал.
И умею услышать за пылом.
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для себя и для этой –
Невеселого счастья залог,
Сумасшедшего сердца поэта».

ГОЛОС АВТОРА. Гарсиа Лорка. «Мemento»
Читает Франсиско Плата – Гранада, Испания.
Под мою мелодию, пою а'капелла.

«Когда умру, схороните меня с гитарой –
В речном песке.

Когда умру, в апельсиновой роще старой,
В любом цветке.

Когда умру, буду флюгером я на крыше,
На ветру.

Тише –

Когда умру».

ГОЛОС АВТОРА. Сергей Есенин.

Под мою мелодию, пою а'капелла.

«До свиданья, друг мой, до свиданья.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой,

Без руки, без слова

Не грусти и печаль бровей

Мне при жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей».

Гитара Гойя. «Фламенко».

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне мелодии*). И возникает утро
из дня. И проходит дневной поэт Мигель Унамундо, и,
как всегда, любовь жива не утолением, а жаждой.

«Отчизна»

Под мою мелодию, пою а'капелла.

«Отчизна, я мерил немало

Своими шагами дорог.

Дороги твои протоптало

Великое множество ног.

Безмолвную вел беседу

С холмами и ширью полей,
Шагая, Отчизна, по следу
Бездомных твоих сыновей.

Но песни лишь смолкнут, нагорья
Измерят твои поля.
Испания! Глубже, чем море,
Любая тропинка твоя».

«Испания»

Под мою мелодию, пою а'капелла.
«Пусть я умру с открытыми глазами,
Вершины гор твои в себе тая.
Мне будет свежий ветер над горами
Дыханьем жизни, ветром бытия,
Испания моя! Испания моя!»

ГОЛОС АВТОРА. Великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка был расстрелян 19 августа 1936 года в 8 километрах от Гранады, близ селения Биснар. Сергей Александрович Есенин погиб 28 декабря 1925 года в Санкт-Петербурге, в гостинице «Англеттер».

Пост скриптум. Редко читаемый 2-й катрен.

«До свиданья, догорели свечи.
Мне так страшно уходить во тьму.
Ждать всю жизнь и не дожидаться встречи.
И остаться навек одному».

Испанская гитара, Армик. Возникает мелодия оркестра.
«Валенсия». Поет Хосе Каррерас. И где-то в отдалении
голос Николая Баскова.

Конец

КАРНАВАЛ I (Бразилия)

(музыкально-лирическая новелла)

Музыка, оркестр.

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне*). Это одноактная мелодрама.

Диалог Автора и Ведущего. Оркестр Клайдермана, «Аргентинское танго».

Надо же, как раз сегодня Дмитрий Медведев – наш президент там, в южных широтах. На саммите стран азиатско-тихоокеанского региона. Вот стихи из Редьярда Киплинга.

«На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» –
Быстроходные суда,
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
И я хочу в Бразилию –
К далеким берегам!»

Немного фантастики, немного иронии, юмора, желания перемен, и вы со мной тоже в Бразилии, в Бразилии моей. Жюль Верн тоже ведь не был в Америке, а объял фантазией мир.

И музыка, музыка! То «ламбада», то «аргентинское танго», ими тут наполнено все. Жаркое лето в Бразилии. «Рио-де-Жанейро» – в переводе «река января». А январь, в южном полушарии, – самый летний месяц в году. Гигантской рекой, почти Амазонкой, течет народ по ночному главному городу Бразилии.

Это карнавал, народное празднество, которого люди ждут с нетерпением целый год. Карнавал! Разливанное море мелодий, но это особая, как заноза, – в самом сердце. Он лишь начинается, разгорается – Карнавал этот. День, когда совершаются всякие чудеса, люди находят друг друга. Играют свадьбы прямо на улицах, прямо тут на глазах люди венчают своих героев.

Все у всех на виду.

ГОЛОС АВТОРА. На сей раз португалоязычная Бразилия принимает испаноязычных поэтов Перу. А завтра перуанцы будут принимать у себя бразильцев.

Ламбада! Ламбада! Звучит Ламбада! Упругие синкопы восторженных криков, счастливого смеха. Аргентинское танго! Опьяняющая ламбада! Смешались времена, то в масках поэты, то маски в самих поэтах. Море надежд, океаны грез.

ВЕДУЩИЙ. Гостю – первое слово, поэту Перу – Сесару Вальехо!

ГОЛОС АВТОРА. **Сесар Вальехо.** **«Игральные кости»** Слова, положенные на музыку моей души. Однако поэт сначала читает свои стихи на испанском, а уж затем я их пою а'капелла.

«Бросай, игрок, и с первого броска
Слепая власть бестрепетной десницы
Пусть обратит два траурных очка
В орбиты смерти топкие глазницы.

И эта ночь – конец твоей игры.
И не в нее ли, злую, как ненастье,
Летит земля сквозь сонные миры,
Игральной костью брошена на счастье.

Заиграна уже до круглоты,
Летит, чтобы в последнее мгновенье
Остановиться в недрах пустоты,
Внезапной пустоты исчезновенья.

И в этой тьме, где глаз я не сведу
С огня свечи, как смертник на помосте,
Зажги, Господь, последнюю звезду,
И вновь метнем заигранные кости!»

Испанская гитара, Армик.

ВЕДУЩИЙ (*на фоне гитары*). Бразильцы, вперед!
Турнир на звание «принца» поэтов бразильских
начинается. Первому слово – Мануэлю Бандейро. Это
он еще в 1919 году выпустил сборник стихов, который
так и называется «Карнавал».

Итак, поэт Мануэль Бандейро. «Ню – обнаженная».

В упругие ритмы гитары, вдруг врывается ламбада. И
голос ведущего меняет ориентиры.

ВЕДУЩИЙ. Но сначала поэт читает стихи свои – белые
стихи, свободный верлибр.

«В мыльном переулке»

«Смотрите, шарик сейчас поднимется
И засверкает маленькой искоркой
В пасмурном небе.
Однако шарик надут был не сразу.
Упадешь вдруг ты, шарик,
И разобьешься.

Мальчишки стреляли в него из лука,
А проходящий мимо сеньор
Предупредил,
Что запуск воздушных шаров
Запрещен
Постановлением муниципальных властей.
А шар летал, неспешно и плавно,
Все дальше и дальше.
В Мыльном переулке он не упал,
Он упал далеко-далеко
В открытом море,
В чистых океанских водах».
Мелодия обрывается.

ГОЛОС АВТОРА (*подхватывая*). Да-да в открытом море – чистые океанские воды. А что дальше? А дальше поэт читает свою обнаженную – «Ню», перевод которой и пою я затем.

«Когда ты одета,
Нельзя догадаться,
Какие богатства
Ты прячешь под платьем.
Так в свете дневном
Неприметны для глаза –
Миров мириады
В глубинах Вселенной.
Лишь ночь обнажает
Сокровища неба,
Но даже, как ночь,
Ты сияешь во мраке.
Блестит белизна
Отдаленных коленей
И линии бедер
Сверкают, как лира.

Две маленьких груди,
Как яркие яблоки,
Дарит мне дева
Цветущего чрева.
Мерцают сквозь сумрак
Соски твои твердые,
Гладкие плечи
И теплое тело...
Когда ты раздета,
Твой взгляд обнажается,
Делаясь долгим, глубоким и влажным.
И я в твоём взоре
Купаюсь, как в озере,
Ныряя и плавая
В глазах твоих плавных.
На дно опускаюсь
И сердца касаюсь.
Оно улыбается мне,
Обнажаясь».

ВЕДУЩИЙ. Гильерме де Алмейда. «Алая гармония».

АВТОР. А я это музыкой своего сердца пою а' капелла.

«Как взгляд твой прям
Душист, горяч и ярок,
И поцелуй твой счастлив я принять,
Любви пленительный подарок,
Волшебный освященный сплав.
Твоих трагедий я во власти,
Твоих палящих уст
Влюбленный пан
Играет дивной страстью
На пятиструнной лире чувств.

Как тонок вкус
И свеж в твоей безбрежной власти
Раскрытых губ твоих цветка.
Хочу взирагь, внимать, вдыхать,
Вкушать, впиваться
В их огненные лепестки.
И алыми аккордами взорваться
От счастья и тоски!»

ВЕДУЩИЙ. «**Ветка ивы**» того же автора.

АВТОР. «Была хрупка, стройна ты и дика.

В тот день, когда в моем
Призывном взгляде
Ты отразилась, ветка ивняка,
Склонившаяся к озерной светлой глади.
С тех пор душа моя
Лишилась сна,
Опутана мечтой, как паутиной.
А мнилось мне, она зацевлена
Не устоявшей перед тобой плотиной.
По уровню несбывшейся любви
Вдаль поплывут, легки, неторопливы,
Прощаясь, листья мертвые твои,
Моя прекраснейшая, ветка ивы».

Гитара, Армик. Романтическая гитара.

ВЕДУЩИЙ (на фоне). **Марио де Андраде. «Гитара»**

Автор поет а'капелла.

«Гитара моя ласковая,
Ласковая гитара,
Росла ты со мной, подрастала
В Аравии.

Гитара ты моя сладостная,
Сладостная гитара,
Со мной ты пела, играла
В Гранаде.

Гитара моя израненная,
Израненная гитара.
С ветром любовь улетела
На Запад.

Гитара моя усталая,
Невзгоды, отчаянье, жалость.
Боль и тоску испытал я с тобой
В Сан-Пауло».

АВТОР. И пока поэты исповедуются друг другу и своим любителям поэзии в тихом уголке парка, где-то у Океана, из глубины города несутся прекрасные звуки, голос сам наполнен духом красоты и поэзии. Это где-то на площади перед тысячами тысяч поет гость страны, всего карнавала – испанский певец Хосе Каррерас. Он споет три теноровые вещи («Звезда», «Принсесита», «Валенсия»). На испанском, конечно.

Приведем тут одну из них, какую и мы знаем: «Принсеситу».

«Принсесита! В лунном свете твой сад,
Тени робко дрожат у балкона.
Принсесита! Если ты обещаешь награду,
Я спою в честь тебя серенаду.

Песня! Ночи нарушит молчанье.
Песня! Скажет, что я жду свиданья.
В песне – нежное слышу признание,

В ней вдохновенный порыв ли мой страстный,
Призыв. Эту песню пою для тебя я.
Выйди в сад ты скорей,
Внемля песне моей.

На балкон тихо дверь отворилась,
По ступенькам легко ты спустилась.
И, вокруг озираясь пугливо,
Подбежала ко мне шаловливо принсесита.

И в честь милой
Льются песни с новой силой.
А-а... Принсесита! Твои очи горят,
Словно звезды блестят, золотые.
Принсесита, этой ранней душистой весною
Мое сердце полно лишь тобою».

АВТОР. Оркестр Клайдермана.

Энергичные ритмы. Немного грустно, но много прекрасного.

АВТОР. А турнир поэтов продолжается. Но почему победитель должен называться «принцем» поэтов? Ведь вся Америка – республики.

ВЕДУЩИЙ. Раун Бонн. Стихи. «Черный человек»

«Скорби в груди твоей голос
Неведомого происхождения.
Сумрак лесной сохранит
Тайну твоих корней.
Твоя история высечена бичами
На спинах гранитных.
Однажды тебя впихнут
В брюхо черного корабля.

И после ночами,
Долгими, томительными ночами
Шум моря будет тебе казаться
Стоном».

**ВЕДУЩИЙ. Жорже де Лина. Стихи. «Богиня из
слоновой кости»**

«Богиня из кости слоновой,
О богиня с крылами!
Печальная, стройная башня
Под небом серым.
Туман ледяной расплзается
По углам и...
Отданы галереи жалобам, эфемерам.
Башня из кости слоновой.
Вдруг высохнет остов,
А остров уж прахом распался
И крут, и светел,
Богиню из кости слоновой
Я видел живую.
Но рухнула башня
Грудой углей раскаленных,
Кровью стало то, что было
Огненной пылью».

ВЕДУЩИЙ. Сесилия Мейрелес. «Песенка»

АВТОР. Я пою ее а' капелла. На свою мелодию, чем-то
похожую на неаполитанскую.

«Я внимала словам твоим нежным
И тебе пела песни мои.
А теперь на песке на прибрежном
Лишь обломки чернеют любви.

Эти песни, что я напевала,
И слова, что ты мне повторял,
Сколько раз солнце их освещало,
Лунный свет сколько раз озарял.

Все, что было и будет со мною,
Только морю узнать суждено.
Унесет мои песни волною,
А слова твои стерлись давно.
Я внимала словам твоим нежным
И тебе пела песни мои.
А теперь на песке на прибрежном
Лишь обломки чернеют любви».

ВЕДУЩИЙ. Ледо Иво. «Баллада мужчины»

АВТОР. А я пою под свою мелодию а'капелла.

«Женщина эта танцует,
Но танцует она с другим.
Женщина эта уходит,
Но уходит с другим.

Женщина звонко смеется,
Но смеется с другим.
Женщина эта уходит,
Но уходит с другим.

Ночь, ты пришла подарить
Волнение и дрожь.
Обелишь и заманишь,
Покою меня обоймешь.

Женщина эта поет,
Но поет для другого.
Ляжет она в постель,
Но ляжет в постель другого.

Ветер и ночь, грохот моря
Повис над грохом бар.
Набегают волны по скалам,
За ударом наносят удар.
Рокот. Танго. Фандонго.
Громогласно»...

АВТОР. Из толпы кричат: «Самбинью», «Самбинью»!
ВЕДУЩИЙ. Вот и поэт Марио де Андраде.
«Самбинья».

АВТОР. А я пою, как всегда, свою мелодию а'капелло.
«По пальмовой улице две модистки
Спешат, взявшись под руку, стучат каблукками.
До чего хороши!
Немея, глядят с вождельем мужчины.
А модисточки чинно идут, ошеломление сея.
Платьица шелковые, сорочки батистовые.
Поравнявшись со мною, беспечно болтают.
– Ты пойдешь?
– Нет, не пойду.
Кажется, слушает их даже улица.
На отполированных рельсах замирают трамваи.
Даже солнце вечернее поглядывает на них
Сквозь воспаленные веки двух облаков.
Облака багровые, розовый вечер.
Я просто влюбился в обеих,
Гобоем сердце запело в груди:
«Такие ладные!»

Такие модные!

Такие бразильские!»

ВЕДУЩИЙ. Так кто же, скажите, станет «принцем» бразильских поэтов?

Андраде или Алмейда?

Танго! Ламбаду!

Танцуем танго! Кумпарситу!

АВТОР. И появляются братья Лапенские из России. Припоздали маленько. Слишком долго добирались сюда из-за Океана.

«Аргентинское танго» (старая грамофонная запись, Рига)

«В годы юные

Встречали ночи лунные

Мы в нашем парке старом.

Помним, как под кленами,

Под кронами зелеными

В ночи звенят гитары.

Помним встречи давние

И ночи карнавальные

Мотив знакомый танго.

И тогда мотив

Нам не разнять вовек,

Нам не разнять вовек

Горячих рук.

Танго, это старая пластинка,

Ты полон счастья.

В глазах красив любимый дом.

А кто-то грезит.

А черноокий аргентинец,

Друзья не верят,

Любовь далекою зовет».

Переход, переливы. Игра звуков, чувств, высоких энергий.

Из толпы: «Ламбаду!» «Ламбаду!». И «Ламбада». Женский голос. И женская фигура гитары дорогой. И силуэт женщины, и голос в темной бразильской ночи. «Ламбада!». «Ламбада!».

И крики: «Ай-яй-яй-я-я!»

АВТОР. Карнавал в самом разгаре.

И под ламбадой эти слова.

Ритмы такие, что, кажется, качаются, сближаются континенты. Южная Америка – Африка, имеющие форму сердца вовне и внутри, они то сходятся, то расходятся через всю Атлантику.

«Ай-яй-яй-я-я-я!»

Потомки конкистадоров – белых португальцев, испанцев, черное, красное дерево – негры с Африки, коренные индейцы. О белое солнце Рио! Ветры с Атлантики, ритмы танго из Аргентины – они уносят жару, приносят ливни. Ливни, Ливны! Они не смоют с масок, с лица загара...

А на завтра самолетом лететь в Лиму – столицу Перу. Состязание поэтов, карнавал продолжается.

Еще не финита, друзья, анкор ля комедия.

КАРНАВАЛ II

(Перу)

(музыкально-лирическая новелла)

(диалог Автора и Ведущего)

Музыка. Оркестр Клайдермана. Звучит «Аргентинское танго».

ГОЛОС АВТОРА. Лима – столица Перу. Там сегодня проходит саммит стран азиатско-тихоокеанского региона. Там сегодня наш Президент Дмитрий Медведев. Почему именно там собрались они, чтобы решать вопросы финансового кризиса, как чума, охватившего мир? Перу – страна с непростым историческим прошлым. В бесплодной горной местности в Андах империя инков сумела достичь когда-то просто фантастического уровня цивилизации. Может, тут легче искать ответы?..

Однако народ живет своей неиссякаемой жизнью. Народ веселится, пишет стихи и поет. Карнавал продолжается.

На фоне «Кумпарситы».

Лима в Перу. К вечеру ветры несут с гор прохладу. Тогда люди и выходят на улицы. Многие в национальных костюмах индейцев. Дети разных племен спустились с гор, приплыли даже с Амазонки. Трещотки, песни, тамбурины...

Толпы стекаются к центру города. Праздник песни, поэзии. Людей в масках все больше и больше. В палатках, лотках, павильонах дары местной природы: маис, картофель, овощи, фрукты, много чего пошло отсюда по всему миру...

ГОЛОС АВТОРА. Не в масках только поэты. В гостях у Перу поэты Бразилии.

Смотрите! Всюду лозунги «Все золото инков!» «Золото инков!» Золото Перу – это Поэты. Они своей интуицией

всегда пробивали дороги в горы, в Неведомое, затем уже строили в непроходимом террасы, дороги. Из практики, из обожествления выводили науки. Здесь поэтов слушают все...

Романтическая гитара. Красота серебряных струн. Как серебряные потоки, исходят они в перуанские города от самого солнца.

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне музыки*). Центр Лимы. Площадь. Голоса из толпы:

– Флориан! Марио Флориан!... «Индийскую голубку!»
«Призыв к перуанцу!...»

– Гостю слово – поэту Бразилии Ледо Иво?.. Иво!.. Иво!..

На сцене появляется Марио Флориан.

ВЕДУЩИЙ. Ему и слово. Итак, Марио Флориан.
«Индийская голубка».

АВТОР. А я пою ее а'капелла, как она легла мне на душу.

«Индийская голубка»

«Плачь источник, поивший ее водой,
Любовавшийся красотой ее перьев.
Умерла Урпильяй, умерла голубка!
Плачь, каменистый скат, накаленный солнцем,
Обжигавший ее карминные лапки.
Умерла Урпильяй, умерла голубка!
Плачьте, налитые колосья пшеницы,
Вскормившие ее своими зернами.
Умерла Урпильяй, умерла голубка!
О, эти горькие слезы, влюбленные голуби,
Ворковавшие с ней всю весну напролет!
Умерла, Урпильяй, умерла голубка!
Плачь, бессмертник, глядящий из рощи,
Так горячо и нежно она любила.

Умерла Урпильяй, умерла голубка!»

ВЕДУЩИЙ. Слово поэту – бразильцу Ледо Иво!

АВТОР. И крики восторга, овации!

Бразилец Ледо Иво становится рядом с поэтом Перу Марио Флорианом. Возникает «Ламбада». Под ее энергичные ритмы идут сексуальные извивы мелодии.

ВЕДУЩИЙ. Читает стихи Марио Флориан. Как дань великому поэту Испании **Гарсиа Лорке**.

МАРИО ФЛОРИАН.

«Со мною под солнцем

Шагает день.

Он схож с человеком,

И я словно тень.

Шагаю с оливковым маслом

И красным вином

По топкой тропинке,

Среди тростников.

Мой спутник расстрелян!

Окровавленный день

Уводит тебя, о Испания,

Среди облаков и камней.

О, безмерный камень,

Брошенный в мир и время,

В меня, – одинокий,

Словно Испании

День уходит.

И вот, как цыган на осле,

В ущелья спускаются,

Меня оставляют там.

А все было это в Гранаде,

В Испании,

Где ты упал, мой поэт».

АВТОР. О поэты Земли!
Толпа замерла, толпа замерла.
И поэт Марио Флорин делает шаг
Становится – плечо в плечо –
К поэту Бразилии.

ВЕДУЩИЙ. Марио Флориан. «Призыв к перуанцу»

АВТОР. А я пою это а'капелла на мелодию моей души!

«Проснись же, перуанец,
Наследник дел великих.
Воспрянь, расправив плечи,
Бесстрашен и могуч.

Как предок твой – строитель
Империй в дебрях диких,
Первопроходец бездны,
Властитель горных круч.

Ступи на эту землю.
Уверенно и твердо.
Пускай, блистая бронзой,
Горит на гребне гор

Твой облик. Будь как кондор!
Над миром взмывши гордо,
Простерши крылья в небо,
Поднявши к солнцу взор.

Проснись же, перуанец,
Наследник дел великих!
Воспрянь, расправив плечи,
Бесстрашен и могуч!»

ТОЛПА (вопя и неистовствуя). «Все золото инков!»
«Все золото инков!»

Срывается ламбада, и люди все срываются в ламбаду, в неистовство ритмов. Оркестр Клайдермана, в более спокойных, размеренных тонах.

ВЕДУЩИЙ. Хосе Мария Эгурен. «Золото инков»

Автор поет а'капелла на свои музыкальные импровизации.

«Смотрел я в полдень
На печальный андский кряж,
И вдруг усталому открылся
Мне мираж.
Великий Инка, а за ним его касики
В зеленой дымке склон одолевают дикий.
Напев безрадостный на горной крутизне
Слепым предчувствием тревожил душу мне.
Две золотые индианки юных лет,
Две благородные красавицы, след в след,
На кручу мрачную поднявшись отрешенно,
Забыв о солнце, что катилось с небосклона,
Вступили в битву над темнеющей рекой, –
В сердцах отвага, а глаза полны тоской!
Сошлись бестрепетно две скорбные юницы.
Толпа индейцев, цвета гор, отроковицы
Из храма Солнца и старухи – жрицы, –
Весь этот пышный маскарад в лучах заката
Стал таять в сумерках свинцовых, и тогда-то,
Обнявшись нежно, ринулись во мрак ночной
Две девы дивные, чтоб стать речной волной».

ВЕДУЩИЙ. Мануэль Марено Сименес. «Найди меня взглядом».

Автор поет а'капелла.

«Найди меня взглядом,
Пробуди свой голос,
Веди меня в самую глубь твоей мглы,
Где я воспламеню твое сердце.
Сейчас, когда весело пляшут огни,
Так звонко поблескивает роса,
Раскинь свои руки, соедини их с моими,
И мы вместе развеем хмурые тучи,
Обнимем радость зари».

АВТОР. И всколыхнулся народ, глядя на розовеющие горы, ловя лицом свежий ветер с вершин. Вот маленькая девочка выбегает. В белом платье, с большим белым бантом.

– А можно мне, можно?

Это испанский поэт Вилья Эспес. И я прочитаю сразу и два.

ВЕДУЩИЙ. Читай.

АВТОР. Ну, а я спою а'капелла сразу два перевода.

Вилья Эспес. «Сестра»

«Есть где-то страна,
Где, сев у окна,
Тоскует сестрица,
Всю ночь ей не спится,
Когда наступает весна.
И ласточку мая
Улыбкой встречая,
Спешит она гостье шепнув:
«О, птичка немая!
Молю тебя снова,
Промолви хоть слово,
О брате скажи что-нибудь».

Но робкая птица,
Вспорхнув невпопад,
В ту сторону мчится,
Где гаснет закат.
Оставшись одна,
Грустна и бледна.
Зовет пилигрима
Сестрица в печали.
Во имя любви,
Что тобою хранима,
Ответь, пилигримы
Его не встречали?
Но странно ей слышать,
И мимо
В молчанье бредут пилигримы.
Они продолжают дневные труды.
А пыль заметает за ними следы».

ВЕДУЩИЙ. «Андалузские мотивы»
Автор поет на свою мелодию, а'капелла.

«Из-под траурной мантильи
Эти огненные взгляды
Манят розами Севильи
И решетками Гранады.
Два огня сверкнули, или
Два кинжала, схватке рады,
Мрак окрестный осветили
В час полуночной прохлады.
Взглядов тех лечу я муку,
Вдруг заноеет сердце сладко,
В нем огонь и дрожь,
В нем огонь и дрожь.

И прижму я к сердцу руку,
Словно в грудь по рукоятку,
Словно в грудь по рукоятку,
Мне вонзился нож.
Из-под траурной мантильи
Эти огненные взгляды,
Эти огненные взгляды
Манят розами Севильи
И решетками Гранады».

АВТОР. На сцену поднимается высокий статный человек в сером костюме.

ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ КОСТЮМЕ. Я – француз. Можно мне на французском прочесть стихи Стефана Малларме «Умирающий Лебедь»?

ТОЛПА. Можно, можно!

АВТОР. А можно мне спеть свой перевод с французского на музыку моей души?

ТОЛПА. Можно, можно!

ВЕДУЩИЙ (*махнув рукой*). Читайте, пойте.

Поэт читает свои стихи,

Автор поет их в своем переводе.

«Не знает высоты, на юг не улетает,
Он тут всегда, а пруд сковало льдом.
Он хочет пить, он бьет по льду крылом,
Но льда его крыло не пробивает.

Он – Лебедь, он встречает смерть на льдине.
Зима пришла, сурова и седа.
А он все тут – на милой на равнине,
Откуда все летят, когда зима сюда.

Тряхнет он шей – тонкою, лебяжьей
И не стремится ввысь, слабее силы вражьей.
Крылом не одолев земного притяженья,

Он сел на пруд, чтоб тут заиндеветь.
В плену у льда, исполненный презренья,
Свободный – на свободе умереть».

Музыка, испанская гитара, Армик. Четкие, энергичные ритмы затихают вдали.

АВТОР. А можно мне прочесть 130-й сонет Шекспира в переводе Маршака?

ВЕДУЩИЙ. Ну, и почему именно 130-й?

АВТОР. А потому что когда-то в далекой России, в Москве, артист Дмитрий Журавлев, вечером прочитав этот сонет, утром проснулся уже знаменитым... Ха-ха! Да нет, просто прекрасен этот сонет.

ВЕДУЩИЙ. Читай.

АВТОР. **130-й сонет Вильяма Шекспира**

«Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать.
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой – алой или белой –
Нельзя сравнить оттенок этих щек,
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе,
Не знаю я, как шествуют богини,

Но милая ступает по земле.
И все ж она уступит тем едва ли,
Кого с рожденья, вспыхнув, оболгали».

Музыка как ветры с гор, как шум морской волны. Нежная, щемлящая. Фортетианная.

ВЕДУЩИЙ. Прекрасный поэт Перу Хуан Гонсалос
Росе. Стихи «Мама»

Читаются под гитару.

«Когда я тянусь рукой
К отчей двери,
Все существо мое, затаив дыхание,
Стоит на цыпочках рядом с онемелой рукой.
Там спит моя мама:
Чутко,
Словно сторожит все счастье земли.
И свет стольких зим и лет разлуки,
Искушая вазы, купается в воде, придавая
Фотографиям на стене
Оттенок правдоподобия.
Там обо мне помнят. Там знают,
Как маются мои дни и которая
Ступенька моей лестницы
Станет счастьем.

Там золотится похлебка, и любовно
Властвует в каждом шорохе.
Все существо мое, затаив дыхание,
Стоит на цыпочках рядом с онемелой рукой,
Которая тянется к отчей двери,
Где спит моя мама...»

Гитара заканчивает свое очарование дня.

АВТОР. Послушайте, с какой любовью пою я а'капелла свой музыкальный экспромт.

Хуан Гонсалос Росе. «Стакан»

«Я знаю, мама, ты не виновата,
Но он упал, чтоб мелко разлететься...
Как он умел, тот мой стакан шербатый,
Вместить всю воду, выпитую в детстве!

Вот так случилось бедствие из бедствий,
По воле рук, таких родных и милых, –
И вся вода расколотого детства,
Осиротев, мне душу затопила.

Конечно, это вышло ненароком,
Но в этот миг я вздрогнул на чужбине!
Я умоляю: как зеницу ока
Поберегите детские святыни.

Я замок с детства возводил со смехом,
За смех платил слезами, так ли странно,
Что здесь вчера меня настигло эхо
Далекого падения стакана?

И, осененный вдруг догадкой вещей
Я понял – это он судьбой изломан...
И я молю вас: берегите вещи
Того, кто нынче далеко от дома!»

Гитара, Армик.

АВТОР (на фоне гитары). Господи! И меня разбило это эхо далекого падения стакана. Вот поэт! Настиг и меня через океаны своей любви.

Оркестр Клайдермана. «Кумпарсита»

АВТОР (на фоне ее читая нараспев).

«Напиши мне письмо

Ты, которой я обязан своими черными глазами
И четким почерком;

Напиши мне письмо,

Неграмотная подружка первой моей страсти;

Напишите мне, деревья моей земли,

Напишите мне, ветры моего моря,

Напиши мне хотя бы записку,

Задумчивая сестренка моя, –

Ты ведь уже читаешь букварь.

В день, когда я умру...

Разовите на мне рубашку,

Люди, которые любили меня,

И на грудь мою, около самого сердца,

Положите это письмо».

Ритмы меняют направление, это романтическая гитара. Это радость души, это счастье жить.

АВТОР. Смотрите, как толпа зачарована. Стоят, слушают все на едином дыхании. и я готов тут быть с ними хоть до утра. Карнавал продолжается, если песня летит, готов... до утра... слушать... внимать... этим словам прекрасных поэтов далекой земли... и даже читать им свои...

«Твоя рука опять в моей реке

И мы вдвоем, мы – островок в реке.

Какое счастье! За спиной угрозы.

Мир выстрадан, мы не сошли с тропы.

Глядите, вы: как мотыльки на розы

Летят, в себя одолевая слезы,

И все ж идут на острые шипы,

Идут на розы».

Ламбада срывается вдруг ветром в гор, шумом океана.

Ламбада! Ламбада-а-а!

АВТОР (на фоне ее). А это Заповедь пятая из Заповедей блаженства, переведенных когда-то мною в стихи.

«Блаженны, милостливы те,
Кто милосердны, сострадальцы.
Ведите падших к Красоте,
Как к алтарям бредут скитальцы.

Скрываясь в тернии души,
В никем не видимые слезы.
Спускайтесь со своих вершин,
Чтоб отвести от павших грозы.

Дадут ли голому одежды,
Возьмут ли на себя чей грех,
Они несут тебе надежды,

Что ты ведь тоже человек.
За подвиг их, великий труд
Им боги руку падают».

АВТОР. А карнавал давно перешел за экватор ночи, и Солнце уже готово выкатиться из-за океана и озарить все.

А выкатывается тонкая, изящная мелодия из Клайдермана. Токкатные звуки, очарование сада, самой жизни, поэзии.

И на фоне мелодии – голос, читающий стихи Уинстона Орильо «С добрым утром».

«Утро! Да будут добры
Тебя населявшие люди
С чистыми глазами.

Утро! Да будет добрым
Теплый утренний ветер.
Утро! Да будет доброй
Твоя гулкая улица.
Да будут добрыми
Твой хлеб и молоко мечты.
Ко всем проснувшимся людям земли
Обращаюсь со словом я:
Да будет доброй вся ваша жизнь, –
Сегодня, завтра, всегда.
И каждое утро пусть будит вас, люди,
Своим поцелуем».

АВТОР. Это желает нам поэт из Перу Уинстон Орильо от имени всех поэтов Земли, все поэты карнавала, и я вместе с ними.

А на завтра Карнавал ждет Аргентина – Буэнос-Айрес, а за ними Париж, Москва, Тегеран. Поэты, художники, люди всех стран, воспевающие Красоту и Любовь и внедряющие им в божественных звуках с Небес, – соединяйтесь! Я посылаю свой голос в Лиму.

Занавес.

ПТИЦА, ЛЕЖАЩАЯ НА ТРАВЕ

(Тихо поет Америка)

(музыкально-лирическая одноактная мелодрама)

Оркестр Рея Кониффа. «Колыбельная листьев»

ГОЛОС АВТОРА (на фоне музыки). Берег озера. Вокруг него – прерии. Холмы вдали. На берегу женщина в белом. Это американская поэтесса из XIX века Эмили Дикинсон. Перед ней на траве замертво лежащая птица. Эмили пытается отогреть ее – душою, словами. Птица лежит неподвижно.

«Машина времени» по Аристотелю, машина слова, машина пространства.

Эмили Диксон закрывает глаза, и все это происходит и в ней самой, и вне ее, тут же, на берегу.

Часть первая

Наплывает мелодия. Оркестр Рея Кониффа. «Зеленые поля».

Эмили Дикинсон (США). Под ритмы музыки, волнами слов. Стихи.

«Если сердцу, хоть одному,
Не позволю разбиться,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Если ношу на плечи возьму,
Чтобы кто-нибудь мог распрямится,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила...

ГОЛОС АВТОРА. Запевая (на фоне музыки).

Если сердцу, хоть одному,
Не позволю разбиться,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Если ношу на плечи возьму,
Чтобы кто-нибудь мог распрямиться,
Боль хоть одну уйму,
Одной замерзающей птице
Верну частицу тепла,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила».

Не напрасно жила и живет вся Америка благодаря этой Эмили Дикинсон. Благодаря ей тихо поет Америка, а не гремит канонерками.

ГОЛОС АВТОРА. К берегу подплывают бобры. Высовываясь из воды, глядят на Эмили, на лежащую птицу. За бобрами приходит их друг Серый Сова, индеец, написавший книгу о них. Где-то в отдалении появляется бледнолицый, белый человек. Садится на берегу. Все хотят одного: помочь Эмили оживить лежащую замертво на траве птицу.

В отдалении возникает знакомая мелодия.

Это Фрэнк Синатра с дочерью.

«Глупая песенка».

ГОЛОС АВТОРА. Видите?

Появляется машина. Это приехал на «машине времени», как и Эмили, из XIX века, поэт Эдгар По.

ЭДГАР ПО. **«Эльдорадо»** (в переводе К.Бальмонта).

ГОЛОС АВТОРА. Поет моим голосом, а'капелло, Музыкальные фантазии мои из оперетты «Роз-Мари».

«Между гор и долин
Едет рыцарь один.
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдорадо.

Но в скитаньях один
Дожил он до седин,
И погасла былая отрада.
Ездил рыцарь везде,
Но не встретил нигде,
Не нашел он нигде
Эльдорадо.

И, когда он устал,
Пред скитальцем предстал
Странный призрак
И шепчет: «Что надо?»
Тотчас рыцарь ему:
«Расскажи – не пойму,
Укажи, где страна Эльдорадо?»

И ответила тень,
Где рождается день
Лунных гор чуть горела громада.
Через ад, через рай
Все вперед поезжай,
Если хочешь найти Эльдорадо».

ГОЛОС АВТОРА. И кто там плывет по озеру в лодке? Это поэт Генри Лонгфелло. Со своей песней о Гайавате (в переводе Бунина), северным коварным ветром Кабибонойкой».

Читая стихи из «Песни о Гайавате».

«В ледяных горах, в пустыне
В царстве кролика Вабассо,
В царстве снежных бурь и выюги
Обитал Кабибонока.

Вышел раз Кабибонока
Из своих чертогов снежных,
Меж горами ледяными,
Устремился с воем к югу
По замерзшим белым тундрам.
И, осыпанные снегом,
Волоса его рекою,
Черной, зимнею рекою
По земле за ним струились».

ГОЛОС АВТОРА. И как ни пугает этим северным ветром Кабибонокой поэт Генри Лонгфелло, Эдгар По все равно поет моим голосом, а' капельно, мою любимую «Анабель-Ли».

Высунувшись из вод озера, бобры смотрят на Эмили, на птицу, лежащую перед ней.

Эдгар По. «Анабель-Ли»

«Это было давно
В королевстве Приморской земли.
Там в желанье цвела,
Та, что звалась всегда,
Называлась Анабель-Ли.
Я любил, был любим,
Мы любили вдвоем.
Только этим мы жить и могли.
И, любовью дыша,
Были оба детьми
В королевстве Приморской земли.

Но любили мы больше,
Чем люди земли,
Я и нежная Анабель-Ли.
И, взирая на нас,
Серафимы Небес.
Той любви нам простить не могли.
Оттого и случилось
Когда-то давно
В королевстве Приморской земли.
С неба ветер повеял
Холодный из туч.
Он повеял на Анабель-Ли.
И родные толпой
Многозатной сошлись
И ее от меня унесли,
Чтобы навек ее
Положить в саркофаг
В королевстве Приморской земли.
Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли.
Оттого и случилось,
Как ведомо всем,
В королевстве Приморской земли.
Ветер ночью повеял
Холодный из туч
И убил мою Анабель-Ли.
Но, любя, мы любили
Сильней и полней
Тех, что старости бремя несли.
Тех, что мудростью нас
Превзошли, превзошли.

И ни ангелы неба,
Не демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить
Мою душу с душой
Обольстительной Анабель-Ли.
И всегда луч Луны
Навевает мне сны
О пленительной Анабель-Ли.
И зажжется ль звезда,
Вижу очи всегда
Обольстительной Анабель-Ли.
И в мерцанье ночей
Я все с ней, я все с ней,
С незабвенной невестой,
С любовью моей.
Рядом с ней распростерт,
Я вдали –

В саркофаге Приморской земли».

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО (*после того, как спел, обращаясь к поэту Уолту Уитмену*). Ты, Уолт, подплыл как-то тихо, совсем беззвучно к нашему берегу со своими на шумевшими «Листьями травы».

УОЛТ УИТМЕН. Зато твой Гайавата в молодости плыл на каноэ по крутой горной речке так громко...

АВТОР (*вмешиваясь*). Да, так громко! Крича во всю силу легких... что известный русский писатель Леонид Леонов, выступая перед молодыми на Софийской набережной в Москве, сказал нам тогда о чувстве меры. Гайавата, мол, пел так, что камни сыпались с гор в реку и преграждали путь самому Гайавате в каноэ.

ЭДГАР ПО (*улыбаясь*). Америка любит петь громко. Особенно отправляясь по морям и океанам на больших кораблях.

АВТОР. Лучше думали бы о себе. На днях при обсуждении на телепередаче имени Россия... при обсуждении Екатерины Великой... сказали, что, если бы не Россия, возможно, США вообще бы не существовало... это Россия тогда послала к берегам Америки охранные корабли...

ЭМИЛИ ДИКИНСОН (*взволнованно*). Но этой птице, чтобы она ожила, нужно петь тихо, да, Уолт?

УОЛТ УИТМЕН. Да, мэ. Друг другу, а получается – всем людям.

АВТОР. Пусть же тихо поет этой птице, лежащей на траве, вся Америка, вся! – *сказали все мы тут перед Эмили*. – Уолт! Прочитай нам всем тут про это из своих «Листьев травы» в переводе Кашкина.

Отогрей, Уолт! Эту птицу, лежащую на замерзших листьях твоей травы...

Мелодия. Оркестр Рея Кониффа. «Кольбельная листьев». Затем оркестр Бена Гудмена. Что-то не совсем весело у него получается.

УОЛТ УИТМЕН. Вот моя «Песня Америки».

«Слышу поет Америка.

Разные песни слышу.

Поют все, каждый свою песню.

Плотник свою, измеряя брусками балки.

Каменщик свою, готовя утром рабочее место

Или покидая его к вечеру.

Лодочник свою, звучащую с его лодки,

Матросы свою с палубы кораблей.

Сапожник поет, сидя на табурете,

Шляпник перед шляпной болванкой.

Поет лесоруб, поет пахарь,
Направляя свет на поля.
Я как чудесная песня матери
Или молодой жены,
Или девушки.
Каждый поет свое,
Днем дневные песни,
Вечером голоса молодых,
Распевающих свои звонкие песни».

УОЛТ УИТМЕН. Да, мэм?

ЭМИЛИ ДИКИНСОН. Спасибо тебе, Уолт.

А оркестр Бена Гудмена все ведет свою мелодию.

АВТОР. Спасибо тебе, Серый Сова.

Спасибо вам, бобры, которые
Смотрят во все глаза на Эмили,
На птицу, лежащую на траве.

Мелодия Бена Гудмена гаснет.

АВТОР. И тут ко всем сюда подошел тот – бледнолицый, белый человек, который сидел в отдалении. (Обращаясь к нему). Неужто тоже поэт?

БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да, Джон Гритлиф Уитлер. Можно я расскажу о человеке – о женщине, которую знавали во все времена? О Барбаре Фритчи

АВТОР. Ну, а я спою про нее свои музыкальные импровизации, как я это чувствую, понимаю, мэм. Да поможет это птице твоей, лежащей на траве.

Оркестр Гленна Миллера. И голос Автсра.

Джон Гритлиф Уитлер. «Барбара Фритчи»

«Утром сентябрьским над жнивом полей
Фридрих с гор блестел светлей.
Шпилями крыши и зеленый вал
Холмов Мериленда его окружал.

Фармеров вознаграждали сады
Золотом яблок за все их труды.
Но привлекали, как рай, их сады
Взгляды голодной, мятежной орды.
Полднем осенним через город прошли
Отряды южан с генералом Ли.
Пешие, конные шли войска
По улицам тихого городка.
Немало флагов утром взвилось,
Серебряных звезд и красных полос.
Но в полдень в тот город ворвался враг,
Спущен был всюду звездный флаг.
Барвара Фритчи врагам в ответ –
Старуха почти девяноста лет –
Отважилась дряхлой рукой опять
Мужчинами спущенный флаг поднять.
И взвился флаг с чердака из окна,
Ему до конца она будет верна.
Отряд свой по улице мимо вел
Верхом на мустанге Джексон Стонвол.
Надвинув шляпу, смотрел он вокруг
И флаг северян он увидел вдруг.
«Стой!» – И встал смуглолицый отряд.
«Огонь!» – И грянул ружейный раскат.
Звякнуло в раме оконной стекло,
Флаг изрешеченный с дровка снесло.
Но грохот ружейный еще не смолк,
Когда подхватила Барбара шелк.
На улицу, высунувшись из окна,
Простреленным флагом взмахнула она.
«Стреляйте в седины моей головы,
Но флага Отчизны не трогайте вы!»

Тень раскаянья, краска стыда
По лицу командира скользнула тогда.
На мгновенье задумался он, молчалив,
И победил благородный порыв.
«Кто тронет ее, как собака, умрет!» –
Он крикнул, промчавшись галопом вперед.
И целый день проходили войска
По улицам тихого городка.
Но флаг развевавшийся взять на прицел
Никто из мятежников больше не смел.
Не рвал его шелка внезапный шквал,
Но ласковый ветер его развевал.
И солнце меж холмами из туч
Ему посылаю прощальный луч.
Барбары Фритчи на свете нет,
И прахом развеян мятежников след.
Честь ей и слава! О ней мы поем.
Стонвола помянем не лихом – добром.
Над прахом Барбары Фритчи родным
Союзное знамя с почетом склоним.
Принес и порядок, и мир, и закон
Тот флаг, что был ею к окну прикреплен.
Пусть звезды неба смотрят сквозь мрак,
Как веет над городом звездный флаг».

ГОЛОС АВТОРА. Уважаем флаг каждой страны!

Пауза.

ГОЛОС ЭМИЛИ ДИКИНСОН. Заметили? Как подул на эту Барбару Фритчи теплый южный ветер – Шавондазн? Скажи о нем, Генри, скажи...

ГОЛОС АВТОРА. И Лонгфелло повернулся лицом к озеру, к бобрам, высунувшимся из воды с любопытством.

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО.

«Шавондази обитал на крайнем юге,
 Где в дремотном блеске солнца
 Круглый год царило лето.
 Дым из трубки Шавондази
 Небеса туманит паром,
 Наполняет негой воздух,
 Мягкий блеск дает озерам,
 Очертанья гор смягчая,
 Веет нежной лаской лето.
 И бродил в равнинах знойных
 Южный ветер, полный вздохов.
 О, мечтатель, Шавондази!
 Не по девушке вздыхал ты,
 Не на женщину смотрел ты –
 На цветок, на одуванчик,
 Бедный, бедный Шавондази».

ГОЛОС АВТОРА. О Шавондази! Помоги же Эмили отогреть эту птицу, лежащую на траве. Помогите же все, кто идет сюда, к озеру, с песней!..

Смотрите же! И вот он идет сюда, этот Льюис Армстронг! Прошел из Африки через всю Атлантику, почти через всю Америку и – сюда, к озеру. Полошел к Эмили, положил руку на плечо Серой Сове, улыбнулся бобрам, и бобры заплескали своими хвостами. Улыбнулся Эмили, тронул рукой птицу, лежащую на траве, и упал дождь на нее, на перья, и они, кажется, сделали движение под южным ветром, под мокрыми пальцами Армстронга... Ничего, ничего, как-нибудь проживем! И споем.

ЛЬЮИС АРМСТРОНГ. *«Жизнь в розовом свете»*

Подхватывает эту песню француженка Далида. Музыка. О да! Жизнь в розовом свете, – с трубой Армстронга. Голос Армстронга и Далиды.

ГОЛОС АВТОРА. И так чувством единения со всеми поэтами, со всеми певцами земли охватывает меня эта песня, эта птица, лежащая на траве. Но что сделаю я, именно я для нее – этой птицы?! И вспоминается не такая уж и давняя встреча с песней замечательного русского поэта – песельника Алексея Фатьянова уже ушедшего из жизни. Там, на Эльбе где-то, написана была эта песня, тоже о птице, тогда еще, в 45-м, победном. И которую тогда слушали все, и солдаты русские, американские, французские – все...

Слушай и ты, птица, лежащая на траве!

Оживи, птица!

Алексей Фатьянов. «Соловьи».

ГОЛОС АВТОРА.

«Соловьи, соловьи,
Не тревожьте солдат.
Пусть солдаты
Немного поспят.

И к нам на фронт
Пришла весна,
Солдатам стало
Не до сна.

Не потому что пушки бьют,
А потому что вновь поют,
Забыв что тут идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи,
Не тревожьте солдат.

Пусть солдаты
Немного поспят».

Оркестр Глена Миллера.

ГОЛОС АВТОРА. Под эти ритмы шевелятся «листья травы», перья птицы, лежащей на берегу озера перед взором Эмили Дикинсон, которая, как мне кажется, живет в нас, поэтах земли, не напрасно.

Конец первой части.

Часть вторая.

Там же, озеро Эмили, Эльдорадо. Оркестр Глена Миллера. И все мы, люди, перед птицей, лежащей на траве.

ГОЛОС АВТОРА. Эмили, мы с тобой! Эмили, мы с тобой навсегда!..

ЭМИЛИ ДИКСОН. «Малиновка моя». Стихи.

«Малиновка моя. Набор ее вестей

Прерывист, краток, тороплив,

Лишь март прогонит снег.

Малиновка моя. Трель ангельских щедрот

Едва апрель придет.

Малиновки моей молчание пойми.

Нет лучшего гнезда,

Чем святости семьи».

ГОЛОС АВТОРА. И все Гленн Миллер, все он со своими ребятами, и тут, с Эмили, с нами. Эффектен финал музыкальной композиции Гленна Миллера.

ГОЛОС АВТОРА. И что за птица, лежащая на траве? Малиновка или дрозд, или соловей? О, как мне хочется отогреть ее, эту птицу, своим сердцем, своими стихами, своей песней.

«Спасское Луговиново» (стихи).

Это «фазенда» великого русского писателя Ивана Тургенева тут у нас, в середине Руси.

«Две липы, две кроны, у Спасского сада.

Вплетается в шепот гобой.

То блюзы, то роки – живая эстрада,

То Рознера «джаз голубой».

Качаются скрипки – под веткою, с краю.

Как флейты, играют лозой.

И первыми первый удар принимают,

Последними спорят с грозой.

Зеленою музыкой бредит макушка,

Сюжет на макушке двойной:

Повыше, с романсом, садится кукушка,

На джаз – соловей озорной».

ГОЛОС АВТОРА. «Дрозды» (песня XX века).

Пою а'капельно.

«...Звуки вырастают, как цветы.

Грустные, веселые, любые.

То горячие до красноты,

То холодновато-голубые.

Вы слышали, как поют дрозды?

Нет, не те дрозды, не полевые,

А дрозды, волшебники – дрозды,

Певчие избранники России».

ГОЛОС АВТОРА. Так кто она, эта птица, лежащая на траве?

«Очарована, околдована» (Николай Заболоцкий).

Пою а'капелла. Эмоционально, проникновенно.

«Очарована, околдована,

С ветром в поле когда-то обвенчана,

Вся ты, словно в оковы закована,

Драгоценная ты, моя женщина.

Невеселая, непечальная,
Словно с темного неба сошедшая.
Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою
И слезами, и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.
Что прибавится, не убавится,
Что не сбудется, не позабудется
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или все это мне только чудится?»

ГОЛОС АВТОРА. И вместе с этой песней улетел ветер южный и на смену ему примчался ветер западный – Меджекивис. И сказала Эмили, обратившись к Лонгфелло:

«Инокомис часто стала
Говорить, твердить Веноне:
– О, страшись, остерегайся
Меджекивиса, Венона!
Никогда его не слушай,
Не гуляй одна в долине,
Не ложись в траве меж лилий...
Но не слушалась Венона,
Не внимала мудрой речи,
И пришел к ней Меджекивис,
Темным вечером подкрался,
С тихим шепотом склоняя
На лугу цветы и травы.
Там прекрасная Венона
Меж цветов она лежала.
Там нашел ее, коварный,
Ветер западный и начал
Очаровывать Венону.

Сладкой речью,
Нежной лаской, –
И родился сын печали,
Нежной страсти и печали,
Дивной тайны – Гайавата,
Так родился Гайавата.
А коварный Меджекевис
Уж покинул дочь Нокомис.
И недолго после билось
Сердце нежное Веноны.
Умерла она в печали».

ГОЛОС АВТОРА. Вечерело. Из прерий показалась жалкая, одинокая фигурка. Пошатываясь, человек приблизился к озеру, подошел совсем близко.

ЭМИЛИ. Кто ты?

ЧЕЛОВЕК. Поэт.

ЭМИЛИ. Ну, и что ты хочешь нам рассказать?

ПОЭТ. Про вечеринку свою – мистера Флада. Откровенно сказать, про себя – про свое житье, бытие.

ГОЛОС АВТОРА. Эдвин Армингтон Робинсон.
«Вечеринка мистера Флада»...

Откровенно сказать, и у меня с «Вечеринкой» этой связаны воспоминания. Помню, не так давно, приехал я в Курск. Отмечали в доме Евгения Ивановича Носова год ухода его из жизни. И вот после того я пришел к своему старинному другу Володе Ефремову (тоже из Малоархангельска, друзьями стали еще до первого класса школы).

Вечер, поздно уже. Сели вот так. Сидим за столом, сто лет не виделись, и смотрим друг другу в глаза с поволокой. «Ну и что? – думаю. – А дай-ка включу ему маг свой – «Япошу», эту «Вечеринку мистера Флада». Больно похоже все, как у нас там в Малоархангельске... вид на городок от Беленького, с Костюринского бугра»...

Послушал друг мой все это и аж прослезился. А я вспомнил артиста Журавлева с его 130-м сонетом из Шекспира в переводе Маршака. Вечером прочитал – утром проснулся знаменитым.

«Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле».

ГОЛОС АВТОРА. «Не знаю и я, – думаю. – насчет того, чтоб стать кем-то... Да ведь прошибает, а? И поют песни не песни, а сказ, – артистично, драматично... ну живьем все... как Щепкин, судьбу на глазах вершу... Людям надо это показывать... Вот и вставляю сюда в эту, щепку – прищепку, в эту спицу – пиццу, боже мой, в репризу «Птицу, лежащую на траве».

Итак. Эдвин Армингтон Робинсон.

«Вечеринка мистера Флада»

«Однажды ночью старый Ибен Флад

На полдороге между городком

И той забытой будкой на горе,

В которой был его последний дом,

Остановился, ибо не спешил,

И сам себе ответил на вопрос,

Что любопытных нет ни впереди, ни сзади,

Церемонно произнес:

«Ах, мистер Флад! Опять на убыль год

Идет среди желтеющих дубрав.

Пернатые в пути, – сказал поэт. –

Так выпьем за пернатых», – и подняв

Наполненную в лавочке бутыль,

Он сам себе под круглою луной

С поклоном отвечал: «Ах, мистер Флад!

Ну разве за пернатых по одной».

В бесстрашных латах раненых надежд,
Среди дороги, горд и одинок,
Он возвышался, как Роландов дух,
Вотще трубящий в молчаливый рог.
А снизу из темнеющих домов
Приветный, еле различимый хор
Былых друзей, ушедших навсегда,
Касался слуха и туманил взор.
Как мать свое уснувшее дитя,
С великим тщаньем, чтоб не разбудить,
Он опустил бутылку, держа в уме,
Что в жизни многое легко разбить.
Но, убедившись, что бутылка стоит
Потверже, чем иные на ногах,
Он отошел на несколько шагов,
И гостя встретил, словно был в дверях:
«Ах, мистер Флад! Пожалуйста ко мне.
Прошу, давненько я не видел вас.
Который год уж минул с той поры,
Когда мы выпили в последний раз».
Он указал рукою на бутылку
И дружески привел себя назад.
И, соглашаясь, сипло прошептал:
«Ну как не выпить с вами, мистер Флад.
Благодарю. Ни капли больше, сэр.
Итак, мы выпьем за старые года».
Ни капли больше пить ему... его...
Уговорить не стоило труда,
Поскольку, обнаружив над собой
Две полные луны, он вдруг запел.
И весь ночной серебряный пейзаж
Ему в ответ созвучно зазвенел:

«За старые года». Но, захрипев,
Он оборвал торжественный зачин.
И, сокрушенно осмотрев бутыль,
Вздыхнул и оказался вновь один.
Не много проку двигаться вперед,
И повернуть назад уже нельзя.
Чужие люди жили в тех домах,
Где отжили старинные друзья».

ГОЛОС АВТОРА. «Где отжили старинные друзья»? Налетел западный ветер... И тут я подумал обо всех ветрах, не только о Меджекивисе, но и о Шавондазе, о Кабибоноке, о самой «Песне о Гайавате», ее переводчице Бунине... Цепь такая вытянулась по линии мистификаций. Совсем молодым был Иван Бунин в «Орловском вестнике», в том же отделе газеты, где и я, когда переводил он эту песню свою. Я чувствовал его, как себя самого... Да мог бы он без старшего брата Юлия, этого эрудита, человека со вкусом, осуществить перевод качеством выше оригинала? Да, братцы, да... Конечно Шолохов как автор «Тихого Дона» талантлив, но без Крючкова, согласитесь, был бы другим. И, наконец, в этой цепи вот что. Поэт Александр Яшин, умирая, просил Господа-бога дать ему жизни еще хотя бы на месяц, чтобы осуществить задуманное. Умер. А Василий Белов в те времена написал свою единственную удачную повесть «Дело привычное». Что же это Василий-то стихи, романы писал, а повесть ту – одну лишь осилил?... А что было бы с революцией, если бы царь не повесил у Ульянова – Ленина любимого старшего брата Сашу?.. Повесили бы Достоевского, не было бы и Льва Толстого такого... Великие и большие, большие и великие.. многоликие... Вот я сейчас член французского общества

«Друзья Бунина», друзей у меня полно в бунинском Грасе, и я Бунина чувствую, как самого себя... Да знаю, знаю, что лишне это, а взял и вставил, когда и где еще это удастся?..

ГОЛОС АВТОРА (*откашлявшись*). Ах ты, боже ты мой! Налетел этот западный ветер Маджекивис, перебуровал все тут. И волны на озере такие развел, что даже бобры попрятались за спину Серого Сова. А птица, лежащая на траве, покрылась мелкими брызгами.

АРМСТРОНГ (*махнув рукой*). А-а! Надо менять погоду. Ну и сменил.

ГОЛОС АВТОРА. Итак, Армстронг... «Хелло, Долли?»

Поет Армстронг со своими ребятами.

Какова энергетика! Какое чудо эти орлеанские ребята! Недаром Скарлетт со своим Батлером в свое время ездили со своей красной земли слушать их в Новый Орлеан.

ГОЛОС АВТОРА. И это, слышите? Тоже Армстронг. Да. Это же «Кабаре»... Французское слово? Да. Это же Орлеан, некогда французская провинция в штатах.

И далее.

ГОЛОС АВТОРА (*объявляющий*). Фрэнк Синатра – друг папы Римского и президента Кеннеди. Нет, вы только послушайте! Соединение песни с классикой, голоса с ночью, с любовью.

«Одиночество в ночи».

И далее опять же Фрэнсис Альбер Синатра.

ГОЛОС АВТОРА. Вот что делает музыка! Бобры вышли на сушу берега, а люди вошли... в воды озера. Серый Сова набросил свой пиджак на плечи Эмили.

ЭМИЛИ (*вздрогнув*). Кажется, она дышит? (Глядя на птицу, лежащую на траве).

ГОЛОС АВТОРА. И вздрогнул, кажется, берег весь от звуков оркестра Гленна Миллера?

Волшебная музыка. Поднебесные сферы.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Карл Седберн. «Три слова» (стихи).

«В детстве я слышал три слова.
Тысячи французов умирали на улицах:
«Свобода! Равенство! Братство!»

Я подрос, и почтенные люди
Все говорили три слова:
«Мать. Семья. Небо».
Годы отстукивали свое,
И суровые люди говорили:
«Хлеб. Мир. Земля».

А недавно я видел моряка,
Портовая девчонка сидела у него на коленях,
А он говорил: «Нужно сказать три слова,

Только и всего.
Ветчина, яичница и что еще?
И немножко любви».

Музыка уходит куда-то и возникает...

ГОЛОС АВТОРА (под мелодию своей души).

Джо Уоллес. «Мать героев».
«— Что плачешь ты, мать героев,
Не знавших, что значит страх?
— Душа моя славит героев,
А плачет по сыновьям».

ГОЛОС АВТОРА (напевая). И снова Джон Уитлер.
«Мой капитан».

«О капитан, мой капитан!
Рейс трудный завершен.
Все бури выдержал корабль,
Увенчан славой он.

Уж близок порт,
Я слышу шум,
Народ глядит, ликуя,
Как неуклонно наш корабль
Взрезает килем струи.

О, сердце, сердце, сердце!
Как кровь течет ручьем
По палубе, где капитан
Уснул последним сном.

Ликуют все на берегу,
Останусь я вдвоем
На палубе, где капитан
Уснул последним сном.

Ликуют все на берегу,
Останусь я вдвоем
На палубе; где капитан
Уснул последним сном.

О капитан, мой капитан!
Встань и прими корабль,
К тебе салютом рвется флаг,
И трубачи гремят.

Тебе букеты и венки,
К тебе народ теснится.
К тебе везде обращены
Восторженные лица.

И снится мне: моя рука
Лежит на лбу твоём.
А ты на палубе уснул,
Как будто вечным сном.

Ликуют все на берегу,
Останусь я вдвоем
На палубе, где капитан
Уснул последним сном».

ГОЛОС АВТОРА. **Эдгар По.** «Звон» (в переводе
В. Брюсова, положен на мои музыкальные фантазии).

«Внемлют сани тонким звоном,
Звоном серебра,
Что за мир веселый
Предвещает их игра.
Звоном-звоном, звоном-звоном
В льдистом воздухе ночном
Под звездистым небосклоном,
В свете тысяч искр зажженном
Кристаллическим огнем.
С ритмом верным, верным – верным,
Словно строфы саг размерным,
С перезвякиванием мягким,
С сонным отзывом при нем –
Звон – звон – звон – звон – звон – звон – звон,
Звон – звон – звон
Бубенцов скользящих санок,
Многозвучный перезвон».

ГОЛОС АВТОРА. Но вот небо на Востоке засветилось, там, куда улетели эти звоны. Оттуда, от озера, где птица лежала на траве. Все смотрели на нее, а видели Небо и ощущали восточный ветер Вэбон из «Песни о Гайавате».

«Одинок на Небе Вэбон
Для него все птицы пели,
Для него цветы в долинах
Разливали сладкий запах.
Утром раз, на Землю глядя,
В час, когда спала деревня
И туман, как привиденье,
Над рекой блуждал, белея,
Он увидел, что в долине
Ходит дева. Он возлюбленную все нежил
И ласкал улыбкой Солнце
Нежной вкрадчивою речью,
Тихим вздохом, тихой песней,
Тихим шепотом деревьев,
Ароматом белых лилий.
К сердцу милую привлек он,
Ярким пурпуром окутал,
И она затрепетала».

ГОЛОС АВТОРА (*восхищенно*). И тут все увидели идущую с Востока женщину в белом. Это Розмари Уилкинсон – современная американская поэтесса с ее «Эльдорадо» – книгой стихов и на белой обложке с птицей, сидящей на ветке. А за этой Розмари шли поэты из Европы, Азии, со всего мира – сюда через Атлантику, по всей Америке, сюда – к озеру Эмми.

И звучал голос звонкий, молодой, как в каноэ, спускавшемся вместе с Гайаватой по горной речке, с вершин скалистых, в широкую голубую долину:

«И – э – а – о – у – ы!..
Между гор и долин
Едет рыцарь один.
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдorado.
Но в скитаньях один
Дожил он до седин,
И погасла былая отрада...»

Розмари наклоняется над птицей, лежащей на траве, и читает из белой своей книги стихи.

«Когда пробился розовый рассвет
И по лощинам стелются туманы,
Душа томится, ощущенья странны,
Ты ждешь чего-то, а его все нет.
Вот-вот пробудится, вот-вот оно придет.
Кору ты гладишь старенького древа.
Быть может, почка эта прорастет,
И род людской вновь осчастливит дева».

ГОЛОС АВТОРА (*радостно*). Смотрите, люди! Кажется, приоткрылся один глаз у птицы, лежащей на траве. И приоткрылся другой! И Солнце брызнуло с Неба! И люди закричали от любви и восторга, а бобры заплескали хвостами. Ол – ля – ля!..

Оркестр Рея Кониффа. «Зеленые поля».

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне мелодии*).

«Эмили Дикинсон» (США). Читая стихи.

«Если сердцу, хоть одному,
Не позволю разбиться,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Если ношу на плечи возьму,
Чтобы кто-нибудь мог распрямится,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Запевая голосом Автора, моим голосом.

Если сердцу, хоть одному,
Не позволю разбиться,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Если ношу на плечи возьму,
Чтобы кто-нибудь мог распрямиться,
Боль хоть одну уйму,
Одной замерзающей птице
Верну частицу тепла,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила».
Америка, пой!

*1 марта 2002 г.,
г. Орел, Россия.*

Занавес.

СМЕЮЩАЯСЯ АНГЛИЯ

(Прометей, раскованный песней)

Концерт-шоу. Из «Звуковой поэзии мира»

(одноактная мелодрама)

Оркестр Рея Кониффа. Мелодия. Джон Леннон, Макартни. «Вчера».

ВМЕСТО ПРОЛОГА.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (на фоне мелодии). Берег Стивенсона. Приморская деревушка где-то в Шотландии. Праздник поэзии, День одного стихотворения. Съезжаются поэты со всей Шотландии, Англии, со всего туманного Альбиона. На сей раз приплыли корабли даже из-за моря. Из Скандинавии, Африки, Бразилии. И из России пришел белопарусный корабль «Товарищ», из Петербурга.

Здесь, на откосе, откуда когда-то сбросили старого пикта, и читаются любимые стихи, поются любимые песни.

Картина первая

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Роберт Льюис Стивенсон и его «Вересковый мед» (баллада). Маленькие пикты, эти малютки-медовары, оказывается, не погибли тогда. Они живы, оказывается, в разных странах и тут, на «Оловянных островах». Теперь они собираются у этого леса, где пришельцы когда-то сбросили со скалы, как им думалось, последнего пикта, и будут собираться теперь каждый год. Пепел последнего пикта стучит каждому в сердце. Маленький, ушедший народ с большой душой жив!

У этого поселка, собираясь читать балладу Стивенсона, Роберту Льюису подносят кубок с вересковым медом.

Из толпы звучит «Шотландская застольная».

Акапелла, поет Леонард Золотарев.

«Налей! Выпьем, ей богу, еще.

Бетси нальет нам стакан.

Последний в дорогу,

Бездельник, кто с нами не пьет.

Налей, налей, стаканы!

Кто врет, что мы, брат, пьяны?

Мы выпили просто, ей богу,

Ну кто так бессовестно врет?»

ГОЛОС АВТОРА. И тут на сцену выбегает парень.

ПАРЕНЬ ЭТОТ. Я из Ливерпуля. От битлов привет и от себя лично, вот этой песней.

ГОЛОС АВТОРА. Поет парень а'капелла моим ироничным голосом, на мои музыкальные фантазии.

Роберт Браунинг. «В Англии весной»

«Быть сегодня в Англии –

В этот день апреля.

Хорошо проснуться в Англии

И увидеть, встав с постели,

Влажные ветви на вязах и кленах,

В маленьких клейких листочках зеленых.

Слышать, как зяблик щебечет в саду, –

В Англии в этом году.

А после апреля, в начале мая,

Ласточки носятся, не уставая.

И там, где цветет над оградой груша,

Цветом своим и росой осыпая,

Поле, поросшее клевером. Слушай
Песню дрозда. Повторяет он дважды
Песню свою, чтобы чувствовал каждый,
Что повторить он способен в мгновенье
Первого, вольного вдохновенья.

И пусть еще хмурится поле седое.
В поле день проснется от света и зноя,
Лютики – вешнего солнца подарки,
Что перед ними юг этот яркий!»

ТОЛПА (крича). «**Вересковый мед!**»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И глава поселка читает балладу
Стивенсона, держа кружку перед собой наотлет.

«Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А он был слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки – медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам,

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый на живом.

Оркестр Рея Кониффа. Ритмическая мелодия «Ты мне нравишься».

ИЗ ТОЛПЫ. Автора, автора! Пусть сам Роберт Льюис Стивенсон читает дальше свою балладу.

Роберт Стивенсон (*появляясь из небытия*).

Лето в стране настало.
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.
В своих могилах тесных,
В горах родной земли
Малютки – медовары
Приют себе нашли.
Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.
Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем».
Но вот его вассалы
Приметили двоих –
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, –
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.
К берегу моря крутому
Их привели на допрос,

Но ни один из пленных
Слова не произнес.
Сидел король шотландский,
Не шевелясь в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.
Гневно король промолвил:
«Пытка вас, пикты, ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед».
Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.
И вдруг голосок раздался:
«Слушай, шотландский король!
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь.
Старость боится смерти,
Жизнь я изменой куплю.
Выдам заветную тайну», —
Карлик сказал королю.
Голос его воробьиный
Резко и четко звучал. —
«Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал.
Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.
Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод,

А я научу шотландцев
Готовить старинный мед».
Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.
Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец – старик:
«Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.
А мне костер не страшен.
Пускай же со мной умрет
Моя святая тайна,
Мой вересковый мед».

МАТРОС С БРАЗИЛЬСКОГО КОРАБЛЯ (*выбегая
вслед за Стивенсоном*). Я прибыл из-за океана! И я
знавал вашего англичанина Редьярда Киплинга, слова
его стихов «На далекой Амазонке», «Горб верблюжий».

ГОЛОС АВТОРА. А я положил их на музыку своей
души. Давай читай Киплинга, а я как бы за тебя буду
петь а'капелла.

Редьярд Киплинг. «На далекой Амазонке».

«На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» –
Быстроходные суда,
Только «Дон» и «Магдалина
Ходят по морю туда.

На Ливерпульской гавани
Сюда по четвергам
Суда уходят в плаваньё
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
В Бразилию, в Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам.

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длинноватых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей
Такое изобилие
Невиданных зверей.

Увижу ли Бразилию,
Бразилию, Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?»

*Продолжение мелодии. Рея Кониффа «Ты мне нравишься»
переходит на мелодию «У ковбоя дел по горло».*

ГОЛОС АВТОРА (читает под мелодию оркестра, а
потом поет под свой речитатив).

Эдвард Лир. «Джамблей»

«В решете они в море ушли, в решете,
В решете по седым волнам.
С берегов им кричали:

«Вернитесь, друзья!»
Но вперед они мчались
В чужие края,
В решете по крутым волнам.

Колесом вертелось в воде решето.
Им кричали: «Побойтесь греха,
Возвратитесь, вернитесь назад, а не то
Суждено вам пропасть
Ни за что ни про что!».
Отвечали пловцы: «Чепуха!»

Где-то, где-то вдали
От знакомой земли
На неведомом горном хребте
Синерукие джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.

Так неслись они вдаль
В решете, в решете,
В решете, словно в гоночной шлюпке.
И на мачте у них
Трепетал, как живой,
Легкий парус зеленый –
Платок носовой
На курительной пенковой трубке.

И матросы, что с ними
Встречались в пути,
Говорили: «Ко дну они могут пойти».
Ведь немислимо плыть
В темноте в решете,
В этой круглой дырявой скорлупке».
А вдали, а вдали
От знакомой земли,
Не скажу, на какой широте,
Острова зеленели,
Где джамбли живут,
Синерукие джамбли
Над морем живут,
И неслись они вдаль в решете.

Но проникла вода
В решето, в решето.
И, когда обнаружилась течь,
Обернули кругом –
От колен до ступни –
Промокашкой розовой ноги они,
Чтоб от гриппа себя уберечь.

И забрались в огромный
Кувшин от вина.
А вино было выпито
Раньше до дна,
И решили немного прилечь.

Далеко-далеко
И доплыть нелегко
До земли, где на горном хребте
Синерукие джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.
По волнам они плыли
И ночи, и дни.
И, едва лишь темнел небосклон,
Пели тихую, лунную песню они,
Слыша гонга далекого звон.
Как приятно нам плыть.
В тишине при луне
К неизвестной, прекрасной, далекой стране.
Тихо бьется вода
О борта решета,
И такая кругом красота.

И приплыли они
В решете, в решете
В край неведомых гор и лесов
И купили на рынке
Гороха мешок и ореховый торт,
И зеленых сорок,
И живых дрессированных сов.

И живую свинью,
И капусты кочан,
И живых шоколадных морских обезьян,
И четырнадцать бочек
Вина ринг-бори,
И различного сыра
Рокфора и бри,
И двенадцать котов без усов.

А морями вдали
От знакомой земли
Есть земля, где на горном хребте
Синерукие джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.
И неслись они вдаль в решете.

И вернулись они
В решете, в решете
Через двадцать без малого лет.
И сказали друзья:
«Как они подросли,
Побывав на краю
Отдаленной земли,
Повидав по дороге весь свет».

И во славу пловцов,
Что объехали мир,
Их друзья и родные
Устроили пир.
И клялись на пиру:

«Если мы доживем,
Все мы тоже туда
В решете поплывем».

За морями вдали
От знакомой земли,
На неведомом горном хребте
Синерукие джамбли
Над морем живут,
С головами зелеными
Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете».

ГОЛОС АВТОРА. Смех и аплодисменты. И выскочил вперед небольшой, круглый такой, лысый человечек и кричит: «Это я написал, я! А аплодисменты – артисту. А теперь я скажу сам о себе...» Ну, а я за него спою, на свой мотив, как всегда, а'капелла.

Эдвар Лир. «Эдвар Лир о самом себе»

«Мы в восторге от мистера Лира,
Исписал он стихами тома.
Для одних он ворчун и придира,
А другим он приятен весьма.

Десять пальцев, два глаза, два уха
Подарила природа ему.
Не лишен он известного слуха,
И в гостях не поет потому.

Книг у Лира на полках немало,
Он привез их из множества стран.
Пьет вино он с наклейкой «Марсала»,
И совсем не бывает он пьян.

Есть у Лира знакомые разные,
Кот его называется Фрос.
Тело автора шарообразное,
И совсем нет под шляпой волос.

Если ходит он, тростью стуча,
В белоснежном плаще за границей,
Все мальчишки кричат: «Англича –
Нин в халате сбежал из больницы».

Он рыдает, бродя в одиночку,
По горам, среди каменных глыб.
Покупает в аптечке примочку,
А в ларьке – марципановых рыб.

По-испански не пишет он, дети,
И не любит он пить рыбий жир.
Как приятно нам знать, что на свете
Есть такой человек – мистер Лир».

ГОЛОС АВТОРА (*иронично*). А эта мелодия приехала из Америки. На шее верблюда. Инструментально-хоровая пьеса.

Оркестр Рея Кониффа. Опять-таки «У ковбоя дел по горло».

ЛЬЮИС КЕРРОЛ (*английский поэт*). Этот пройдоха Эдвар Лир сказал о самом себе. А мне тоже, может, хочется тоже сказать о самом себе под видом старого Вильяма.

ГОЛОС АВТОРА. Ну и давай, говори. Итак, **Льюис Керрол**.

«Баллада о старом Вильяме»

«Папа Вильям сказал: «Любопытный малыш,
Голова твоя белого цвета.
Между тем, ты всегда вверх ногами стоишь.
Как ты думаешь, правильно это?»

– «В ранней юности, – старец промолвил в ответ, –
Я боялся раскинуть мозгами.
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами».

«– Ты, старик, – продолжал любопытный юнец. –
Этот факт ты отметил вначале.
Почему же ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальто-мортале? –

И не бранию сыну ответил старик, –
Натираюсь я мазью особой.
По два шиллинга банка, один золотник,
Вот не купишь ли банку на пробу?»

«– Ты не молод, – сказал любознательный сын. –
Сотни лет ты без малого прожил.
Между тем, двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил».

«– В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права.
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился на славу».
Ха-ха-ха...

И все рассмеялись вслед. И, кажется, весь берег смеялся.
И даже маленькие пикты под землей рассмеялись. И
даже английский поэт Вильям Блейк (выступая вперед).
И поет стихи его со своей музыкой Автор.

Вильям Блейк. **«Смеющаяся песня»**

«В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь.
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы.

И смеется рожь и хмельной ячмень.
И кузнечик рад хохотать весь день.
И вдали звенит, словно гомон птиц,
Звонкий смех молодых девиц.

А в тени ветвей стол накрыт для всех
И, смеясь, трещит меж зубов орех.
В этот час приди, не боясь греха,
Насмеяться всласть, хи-хи-хи, ха-ха-ха».

«Мой кошелек»

«Тра-та-та... тра-та-та...
Есть у меня богатство дум,
Восторги духа, здравый ум.
Жена любимая со мною,
Над этим я с казной одною.

Я перед Богом день и ночь,
С меня он глаз не сводит прочь.
Но дьявол тоже неотлучен,
Мой кошелек ему поручен.

Он мой невольный казначей,
Имел бы тыщу богачей,
Когда бы стал ему молиться,
И не хочу, а дьявол снится...

Мне и в нужде живется славно.
А все же, черт, служи исправно».

«**Что оратору нужно?**»

– «Что оратору нужно?
Хороший язык?
– Нет, – ответил оратор, –
Хороший парик.

– А еще?
Не смутился почтенный старик
И ответил:
– Опять же хороший парик.
– А еще?
Он задумался только на миг
И воскликнул:
– Конечно, хороший парик!»

* * *

– «Что важнее всего в портретисте?
Он ответил:
– Особое качество кисти.

– А еще?
Он, палитру старательно чистя,
Повторил:
– Разумеется, качество кисти.

А еще?

Становясь понемногу речистей,

Он воскликнул:

– Высокое качество кисти!»

Оркестр. Игорь Крутой. «Пальма де Майорка».

«Утро неслышно ступает по крыше

В доме своем, безмятежная, спишь ты.

Снам улыбаясь в рассветном блаженстве,

Самая лучшая в мире из женщин.

Пусть тебе приснится Пальма де Майорка,

В Каннах или в Ницце ласковый прибой.

Или в Подмосковье, в роще вдоль пригорка,

Только чтобы вместе были мы с тобой...»

ГОЛОС АВТОРА. А я все смеялся на эти британские шутки, стихи, песни, – вот здоровы иронизировать! А потом думаю: дай и свое покажу. Что я привез сюда из России, из Петербурга, на своем белопарусном корабле «Товарищ». С берега Маклая, как и Игорь Крутой свою песню из Пальмы де Майорки.

Итак, мои авторские песни (сам же их и пою а'капелла). «Капитан Немо», «Попугай Робинзона», «Аборигены съели Кука», «Акуля перчатка».

* * *

«И однажды капитан

Вдруг полез к себе в карман,

А в кармане – темнота и тишина.

И зачем полез в карман

Этот самый капитан?

Напортачили чего-то штурмана.

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Это лучше людям всякого вина.
Капитан, капитан, вы же витязь,
«Наутилус», Солнце, Море и Луна.

Капитан, капитан, улыбнитесь.
Это лучше людям всякого вина.
Капитан, капитан, подкрепитесь:
Пей до дна за тех, кто в море, пей до дна!»

«Попугай Робинзона»

«На острове диком вдвоем с Робинзоном
Средь банго и пальм мы живем.
На правом сажу я плече Робинзона,
На месте привычном своем.

Когда все нормально, сажу я на правом,
За нашим привычным столом.
Но только качнется, но только коснется
Про Англию он, про диплом,

Я тут же на левое перелетаю,
На левое сяду плечо.
Вот так тут права я свои и качаю,
Когда мне не нравится чё.

– «Пиастры, пиастры! – кричу я. – Пиастры!»
– «Зачем нам пиастры?» – он мне.
А сам научился, как Фидель Кастро,
За так не сидеть на огне.

Когда все нормально, сижу я на правом,
За нашим привычным столом.
Обидно вот только и мне за державу,
По пятницам не подаем!»

Аборигены съели Кука.

(Школьный урок)

«С детства слышу: «Мука – мука,
Сахар – бяка, мясо – яд».
Ну а люди съели Кука,
Знатоки так говорят.

Ну и дело, вот так штука!
Повторите, нука – нука.
Это людям всем наука:
Аборигены съели Кука.

С детства слышу: «Вегетарьянцы –
Называются все те,
Что навроде итальянцы,
Жарят мясо на плите».

Нука – нука, вот так штука!
Повторите, нука – нука.
Это людям всем наука:
Аборигены съели Кука».

ГОЛОС АВТОРА. Оркестр Рея Кониффа. «Голубая
луна».

Акуля перчатка

(моя авторская песня)

«По южным морям океана,
Откуда светило встает,
Разносятся звуки баяна,
Наш парень там в рабстве живет.

Джек Лондон все это поведал,
Я сам у него прочитал.
На острове маленьком кредо:
Качать океанский причал.

Патрон там, как барин, на стуле.
И парню чуть что, как жюри,
Вдоль шкуры перчаткой акульей, –
И смейся, о черт побери!

Но вот лихорадка со стула
Патрона взяла моего.
И черный уж этот акула,
Перчаткою белой его.

В Москве по Останкино пуля,
Какой-нибудь насморк в Твери,
А парень перчаткой акульей, –
И смейся, о черт побери!

Кораллы хрустят – ну картина,
Баян же играет, bravo!
У нас тут одна Акулина
За сына считает его.

По южным морям океана,
Откуда светило встает,
Разносятся звуки баяна,
Наш парень там в рабстве живет».

Оркестр Рея Кониффа. Мелодия с хором. «Голубая река» (продолжение).

Ритмы «Бездомного кота».

РЕДЪЯРД КИПЛИНГ (*выходя вперед*). Вот к этой мелодии как раз подойдут слова из моих стихов **«Кошка поет»**.

ГОЛОС АВТОРА (*а я пою, это а'капелла на свою неприхотливую мелодию*).

«Кошка поет»

«Кошка чудесно поет у огня,
Лазит на дерево ловко.
Ловит и рвет, догоняя меня,
Пробку с продетой веревкой.

Все же с тобою мы делим досуг,
Бинки послушный и верный.
Бинки – мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если набрать из-под крана воды,
Лапы намочите кошке,
Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке.

Кошка царапает, рвется из рук,
Ширкает, воеет, мяучит.
Бинки – мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трется о ваши коленки.
Только вы ляжете, кошка за дверь,
Мчится, читая ступеньки.

Кошка уходит на целую ночь,
Бинки мне верен и спящий.
Он под кроватью храпит во всю мочь,
Значит, он друг настоящий».

ГОЛОС АВТОРА. Все тот же берег Стивенсона, все та же вересковая земля. И люди, толпа. И выходит, смотрите кто опять – английский поэт Вильям Блейк. И что говорит?

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК. Раз тут читались стихи «Смеющаяся Англия», то я спою тут свое «Смеющееся эхо».

И поет голосом Автора а'капелла.

«Солнце взошло, и в мире светло.
Чист небосвод, звон с вышины
Славит приход, новой весны,
Чащи лесной радостный гам,

Вторит весной, колоколам.
А мы, детвора, чуть свет на ногах,
Играем с утра на вешних лугах.
И вторит нам эхо раскатами смеха.

Вот дедушка Джон, смеется и он.
Сидит он под дубом со старым народом,
С таким же беззубым и седебородым.

Натешившись нашей веселой игрой,
Седые папаши бормочут порой:
«Кажись, не вчера ли на этом лугу
Мы тоже играли, смеясь на бегу?»

И взрывали смеха нам вторило эхо.
А после заката пора по домам.
Резвятся ребята вокруг своих мам.
Так в сумерках вешних

Скворчата в скворешне,
Готовясь ко сну, хранят тишину.
И с криками смеха впотьмах на лугу
Устало и эхо, молчит ни гу-гу».

Оркестр Рея Кониффа. Мелодия «Доброй ночи».

ГОЛОС АВТОРА. И вот «Смеющееся эхо» Вильяма Блейка отозвалось эхом и во мне самом. И думаю я, дай продолжу свои «экзотические» песни.

На фоне «Пальмы де Майорки» Игоря Крутого возникают слова Константина Бальмонта.

ГОЛОС АВТОРА. Мои музыкальные импровизации на слова Константина Бальмонта «На Макарийских островах». При чем поются мной а'капелла –сходу, с листа.

«На Макарийских островах»

«На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входят смерть и страх
И не доходят великаны.
На Макарийских этих островах,
На Макарийских островах
Живут без горя человеки.

Там в изумрудных берегах
Текут, текут, текут-текут
Текут пурпуровые реки.

Там пальмы ценные цветут,
Там все в цветенье вечно юно,
Там птицы райские живут,
Волшебный филин с гамаюном.
На Макарийских этих островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входит смерть и страх
И не доходят великаны,
На Макарийских этих островах.

И, если только мы во сне,
Ты, убаюкан, засыпая,
Как эта птица гамаюн,
Поет, неизвестно голубая,
На Макарийских этих островах,
На Макарийских островах
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных, изумрудных,
Изумрудных берегах
Текут, текут пурпуровые реки».

Оркестр Рея Кониффа. Игровая мелодия.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии). Не успел я закончить свою «экзотическую» песню, как на смену мне рвется какой-то пассажир с африканского корабля, с Берега Слоновой Кости. Это **Мильн** (английский поэт). Стихи поются Автором, положены на его музыкальные импровизации.

Итак, А.А.Мильн. «Непослушная мама»

«Джеймс. Джеймс Моррисон, Моррисон,
А попросту маленький Джим
Смотрел за упрямой, рассеянной мамой
Лучше, чем мама за ним.

Джеймс, Джеймс говорит: «Дорогая,
Помни, что ездить одна
В город до самого дальнего края
Ты без меня не должна».
Но очень упряма была его мама.
Так люди о ней говорят:
«Упрямая мама надела упрямо
Свой самый красивый наряд».

«Поеду, поеду, – подумала мама. –
И буду к обеду назад».
Король объявление велел написать
И вывесить там, где надо:
«Пропала, ушла иль украдена мать.
И тем, кто сумеет ее отыскать,
Сто золотых награда».

Искали, искали пропавшую маму,
Искали три ночи, три дня.
Был очень английский король озабочен,
И свита его, и родня.

Английский король говорил королеве:
«Но кто же из нас виноват,
Что многие мамы ужасно упрямы
И ездят одни без ребят?»

Я знаю, – сказал он, – тут площадь в столице.
Где мой расположен дворец.
Но в нашей столице легко заблудиться,
Попав в отдаленный конец».

Джеймс, Джеймс Моррисон, Моррисон,
А попросту маленький Джим
Смотрел за упрямой, рассеянной мамой
Лучше, чем мама за ним.

Он очень скучал по уехавшей маме,
Но «чья, – говорил он, – вина,
Что бедная мама решила упрямо
Куда-то поехать одна».

Но вот отыскалась пропавшая мама,
С дороги пришла от нее телеграмма,
В которой писала она:
«Целую, здорова, и, честное слово,
Не буду я ездить одна».

ГОЛОС АВТОРА. И тут опять не выдержал этот поэт
Вильям Блейк и продолжил стихи про заблудившуюся
маму Мильна своими стихами «Заблудившийся
мальчик». А мне, как всегда, пришлось положить их на
свои музыкальные фантазии и спеть а' капелльно.

Вильям Блейк. «Заблудившийся мальчик»

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное «я».
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем твоя.

Я не могу любить сильней
Ни мать, ни братьев, ни отца,
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца.

Услышав это духовник,
Дитя за волосы схватил.
И поволок за воротник,
А все хвалили этот пыл.

Потом, забравшись на амвон,
Сказал священник: «Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей.

И не был слышен детский плач.
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре другим на страх
Преступник маленький сожжен.
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?»

ГОЛОС АВТОРА. Вот как! Смех незаметно перешел к трагедии. Налетела тучка, и толпа на вересковом берегу сплотилась в сообщество, и стало оно осмысленным, одухотворенным. И вышел вперед норвежский шкипер с судна, прибывшего из Скандинавии, и передал привет от всей своей Скандинавии, и особо от знаменитого Нобиля, особо английскому поэту Перси Биши Шелли, который когда-то жил в Петербурге и

очень любил Прометея раскованного в переводе под авторством этого Шелли.

И где-то в стороне стояли музыкальные группы, например «Динамит», а шкипер пел моим голосом стихи Перси Биши Шелли «**Зима**».

«Тоскует птица о любви своей,
Одна в лесу своем.
Шурша крадется ветер меж ветвей,
Ручей затянут льдом.
В полях живой травинки не найдешь,
Обнажены леса.
И тишину колеблет только дрожь
От мельничного колеса».

ГОЛОС АВТОРА. И молния сверкнула над головой. Шкипер преобразился, гордо поднял голову к небу и стал читать «**Прометея освобожденного**» Перси Биши Шелли.

Оркестр Рея Кониффа. «Лунная река». На фоне мелодии голос шкипера, читающего голосом Автора.

Ночь. Прометей прикованный, над пропастью.

«О царь богов и демонов! И дум!
Над всеми вставший, кроме одного,
Взгляни и ты бессонными глазами
На эту землю, где твои рабы,
Полны неверия в себя и страха,
И жалких грез, дарованных тобой,
За их труды, мольбы и преклоненья.
Моя держава – три тысячелетья
Мгновенной боли, долгих, словно годы,
Отчаянья, бессонницы и тьмы.
Она величественнее, чем твоя,
О, самодержец на бесславном троне!

Могучий, но не всемогущий бог!
Затем, что я твоей постыдной власти
Не признаю и все еще распят,
На недоступном для орлов утесе».

Гермес – посланец Зевеса, взамен предлагающий титану прощение царя богов.

«И ты, и я – мы можем избежать
Ненужных мук,
Скажи мне лишь одно:
Ты знаешь срок владычества Зевеса?

Прометей. Я знаю только то,
Что он наступит!»

ГОЛОС АВТОРА. И тут в толпе, как грома с неба, раздалось на берегу Стивенсона, на вересковом берегу:

– Джона Китса вперед!
– Джона Китса вперед!

И вышел Китс. И слушал его весь этот берег, все люди, поэты, и с ними слушал его песни, раскованные Прометеем, и сам Прометей, и, кажется, даже маленькие пикты, ушедшие в недра родимой земли.

Итак, **Джон Китс.** «Слава»

«Дикарка – слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,
Кто без нее счастливым быть не хочет.
Ей кажется, кто говорит о ней
Иль ждет ее, тот честь ее порочит.

Она – цыганка, нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Поэт влюбленный, заплаши сполна

Презреньем за ее пренебреженье.
Ты с ней простишься учтиво, и рабой,
Быть может, она станет за тобой».

Оркестр Рея Кониффа. «Лунная река».

ГОЛОС АВТОРА *(на ее фоне, читая свои стихи, запевает как песню).*

«Лох – несс»

«Мелькнет и исчезнет удача твоя,
Как спинка Лох-несс, как морская змея.
Мелькнет и исчезнет на озере том,
А тайна останется. Дело не в том,

А дело, а дело совсем ведь не том,
Что кто-то кого-то ударил кнутом.
Не в том, что на место какое-то сел,
А в том, что Лох – несс от души пожалел.

Подводная лодка или батискаф.
Пусть белые пятна останутся, граф.
Пусть чудеса морские в озерах живут,
Пусть тайны мирские зовут и зовут».
ГОЛОС АВТОРА.

*Оркестр Рея Кониффа вместе с его «Лунной рекой»
утекает куда-то в небытие, в чудеса этой солнечной
земли.*

**3 марта 2002 г.,
г. Орел, Россия**

ХАЛИФ НА ЧАС

(музыкально-лирическая новела, одноактная
мелодрама)

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА. Космическая стихия, первооснова мира. Отзвуки наших чувств из веков, состояние и нынешней нашей души человеческой. Охвачено огромное пространство от Гималаев до Атлантики. И все это Восток – персидский, арабский, турецкий языки. Условно выделим один литературно-творческий источник – персидский. Персидские напевы.

Мужчина и женщина, взаимная любовь, равенство, свобода, согласие во имя любви. Влюбленные ставят на карту жизнь, чтобы только быть вместе. Беспредельность, самозабвенность.

И вот Багдад. Когда-то тут нашел покой Александр Македонский. На исходе VIII века здесь творит великий лирик Ибн аль-Мутаз – внук, сын и брат аббасидских халифов, он пишет свои газели и никогда не борется за светскую власть. Однако после дворцового переворота он наутро проснулся халифом.

Халиф, он же поэт Ибн аль-Мутаз, во дворце. Большой праздник готовится – поэзии, песни, любви. Так повелел новый халиф. И все во имя самого прекрасного на земле – Женщины, Красоты, самого Слова.

НОВЫЙ ХАЛИФ (*приказывая*). Созвать во дворец всех поэтов Востока! Поэтов всех времен и народов. Всех, которые были, есть и будут.

Это «машина времени» и пространства (Аристотель).

Картина первая

Звучит Романтическая гитара. «Мужчина и женщина». ГОЛОС АВТОРА (на ее фоне). Восточная поэзия – одно из высших достижений человеческого духа. Эта – Красота, поклонение Женщине. Это просто изящное, музыкально-ограниченное Слово, это стихи написаны как бы вчера. А ведь им порой за тысячу лет, с 6-го по 18-й век.

И вот поэты Востока во дворце халифа.

Поэт Ибн аль-Мутаз (*читая свои стихи*), под Романтическую гитару.

«Только ночью встречайся с любимой.

Когда же с высот светит Солнце,

Не надо встречаться, оно донесет.

Все влюбленные мира встречаются неспроста

Только ночью, когда все уснут.

И вокруг темнота.

У Хакала красавица,

Видя, что я в седине,

«Черный дуб в серебре», – так сказала она обо мне.

Я сказал: «Нет, я молод,

Еще ведь не старый я, нет».

Но поддельная молодость

Услышала резкий ответ:

«Ну так что же,

Юностью я насладиться успел.

Был когда-то я молод

И зависти полон, и смел.

Возлюбил ее голос,

Который нежнее свирели,

Волшебный голос певуны,

Глазастой, томной газели».

ГОЛОС АВТОРА.

Спокойную лирическую мелодию сменяет энергичная, игровая молодая мелодия серебряных струн.

ПОЭТ ИБН АЛЬ-МУТАЗ (продолжая).

«Края своей белой одежды
Влачит чаровница устало.
Как солнце, что распустило
Жемчужное покрывало.

Браслетов ее перезвоны,
Как звоны обители горной,
Которые славят, смывая,
Простор животворный».

ГОЛОС АВТОРА. Выступают поэты из разных стран. И я пою их слова, положенные на мелодии моего сердца.

ПЕРСИЯ

Рудаки. «О, пэри!»

«О, пэри! Я люблю тебя,
Мой разум сокрушен тобой.
Хоть раз обрадуй Рудаки,
Свое лицо ему открой.

Ужель так тягостно тебе
Открыть лицо, поцеловать?
И так легко меня терзать,
Губить навеки мой покой?

Что для меня легко, тебе
Великим кажется трудом,
Что тяжело мне, то тебе
Забавой кажется пустой.

Поцелуй любви желанный –
Он с водой соленой схож.
Чем сильнее жаждешь влаги,
Тем неистовее пьешь».

ГОЛОС АВТОРА (*а'капелла, все слова поэтов поются мной под музыку моей души*).

Омар Хайям. «Лунолика»

«Лунолика, чашу вина и греха
Пей сегодня, на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на землю, луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха.

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь,
Пусть без устали хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили – и друг, и любовь.

Когда веер у розы подол разорвет,
Мудрый тот, кто кувшин на двоих разопьет
На лужайке с подругой своей белогрудой
И об камень ненужный сосуд разобьет».

Омар Хайям.

«Желания»

«Пей с достойным, который
Тебя не глупей.
Или пей с луноликой, с любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом, пей с разбором,
Умеренно пей.

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы, но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть.

Когда песню любви
Запоют соловьи,
Выпей сам и подругу свою напой.
Видишь, роза раскрылась в любовном томленьи.
Утоли, о влюбленный, желанья свои».

ГОЛОС АВТОРА.

Низами. «Я полюбил»
«Я полюбил тебя,
Куда теперь шагнуть?
Путь правильный избрать
Или позорный путь?

Пока жива душа,
Живешь в моей душе.
И, если мне не быть,
То ты на свете будь.

Из-за любви со мной
Враждуют города.
Раз не прощаешь ты,
Простит ли кто тогда?

С протянутой рукой
Твой локон стерегут.
Забытого держать
И презирать забудь.

О пусть никто, как я,
Не будет без тебя.
Не я проник к тебе,
Тоска проникла в грудь.

Я полюбил тебя,
Куда теперь шагнуть?
Путь праведный избрать
Или позорный путь?»

ГОЛОС АВТОРА. И все это происходит во Дворце халифа, в Большом зале приемов. Халиф Ибн аль-Мутаз восседает среди поэтов, певцов, женщин. Напротив стоят придворные, царедворцы. А над поэтом Ибн аль-Мутазом веет Женщина в белом, нашептывает ему стихи.

София Ротару. «Лаванда»

«Лаванда, горная лаванда,
Наших встреч с тобой
Синие цветы.
Лаванда, горная лаванда,
Сколько лет прошло,
Но помним я и ты».

Людмила Сенчина. «Любовь и разлука»

«Еще он не сшит, мой наряд подвенечный,
И хор в нашу честь не поет.
А вечер короткий, возница беспечный,
И просятся кони в полет.
Ах, только бы тройка не сбилась бы с круга,
Бубенчик не смолк под дугой!
Две вечных подруги – любовь и разлука –
Не ходят одна без другой.

Мы сами раскрыли ворота, мы сами
Счастливую тройку впрягли.
И вот уже что-то сияет пред нами,
Но что-то погасло вдали.

Святая наука – расслышать друг друга
Сквозь ветер на все времена.
Две странницы вечных – любовь и разлука –
Поделятся с нами сполна.

Чем дольше живем мы, тем годы короче,
Тем слаще друзей голоса.
Ах, только б не смолк под дугой колокольчик,
Глаза бы глядели в глаза!

То берег – то море, то солнце – то вьюга,
То ласточки, то воронье.
Две вечных дороги – любовь и разлука –
Проходят сквозь сердце мое».

ГОЛОС АВТОРА. Женщина в белом веяла круги, все
веяла эти круги над Халифом. Читала светлые слова,
слова любви и обожания. Женщина в черном стояла
напротив, среди придворных, в упор смотрела на Ибн
аль-Мутаза.

АРАВИЯ

ВЕДУЩИЙ (объявляя). Мелодия. Романтическая гитара.

Маджнун. Стихи. «Целую след»

«Целую след любимой на земле.
Безумец, он толкует обо мне.
Целую землю, глину и песок,
Где разглядел следы любимых ног.
Целую землю, уголок следа.

Безумец я, не ведаю стыда.
Живу в пустыне, гибну от любви.
Лишь звери – собеседники мои».

ГОЛОС АВТОРА. (*И сам драматически исполняю, пою на музыку моей души*).

«Перед Каабой».

«Мне ты, всемогущий, повелел
Любить, не зная меры.
Зачем от верного слуги
Ты требуешь измены?

Ты пожелаешь, я уйду
От искушений милых,
Но от любимой даже здесь
Отречься я не в силах.

В любви не каюсь даже здесь,
Безумец, грешный слабый,
В священном городе твоём,
В пыли перед Каабой».

ГОЛОС АВТОРА. *Пою а'капелла на мою мелодию.*

«Рисунок на песке».

«Что я делаю, безумец,
В этот вечер темно-синий.
На песке тебе рисую,
Эти серые пустыни.

Крики ворона услышу,
Наземь падаю в тоске.
Ветер горе замечает,
Твой рисунок на песке.

Люблю! В пустыне жажда
Слабей моей любви.
Люблю! В накале слезы
Бессонные мои.

Иду молиться в рощу,
Любовью обуян.
Люблю! И вспоминаю
Каабу и Коран».

ГОЛОС АВТОРА. Ибн аль-Рабиа.

Пою на мою мелодию. «И сам не чаял»

«И сам не чаял я, а вспомнил
О женщинах, подобных чуду.
Их стройных ног и пышных бедер
Я до скончанья не забуду.

Немало я понаслаждался
Сжимая молодые груди.
Клянусь восходом и закатом,
Пороков в том не видят люди.

Теперь себя я утешаю,
Язвя неверную упреком.
Ее приветствую быть гостьей,
Как ты живешь в краю далеком?

Всевышний даровал мне милость
С тобою встретиться, премилой.
А ты желанна мне, как ливень,
Как по весне поток бурливый.

Ведь ты подобие газели
На горке с молодой травой,
Или унынье звезд небесных
С их вечной пляской круговую.

Зачем так жажду я свиданья,
И убиваюсь, и тоскую?
Ты пострадай, как я страдаю
И поревнуй, как я ревную».

ГОЛОС АВТОРА. И тут халиф Ибн аль-Мутаз, он же поэт, вскочил и поднял тост за прекрасных поэтов Востока и за того, конечно, кто положил эти прекрасные слова на свои музыкальные фантазии. И тогда вышел вперед поэт из Аравии Абу Нуваз и тоже поднял свой кубок.

(И спел моим голосом на мою же мелодию).

«**Пью старинное вино,**
Ясноглазую целую.
Будь что будет, все равно,
Веселюсь напропалую.

И, пока не прорвалась
Бытия живая нить,
Полон жажды, буду пить
Эту влагу золотую.

Ничего не утаю,
Все на свете отдаю
За хмельную твою
За улыбку молодую.

В руки смуглые прими
Чашу, полную вина.
Осуши ее до дна,
Возврати ее пустую.

Помани меня рукой,
Позабывшего покой.
Губы нежные раскрой
Обещаньем поцелуя.

Пью старинное вино,
Ясноглазую целую.
Будь что будет, все равно,
Веселюсь напропалую».

ВЕДУЩИЙ (*объявляя*). **ТУРЦИЯ.**

ГОЛОС АВТОРА (*Поет моим голосом под мою мелодию*).

Махмуд Абдул Баки
«Кравчий, бокалы налей.
Нынче не время пиров.
Слышишь, из ближних садов
Вешний доносится зов.

Там аромат ветерка,
Свежее благоуханье.
То, чем весною аллах
Нас осчастливить готов.

Не проводи эту жизнь
Вечно в греховной печали.
Место влюбленных в садах,
Возле речных берегов.

Случай не упускай.
Помни, на свете мгновены
Молодость, счастье людей,
Время цветенья цветов.

Ты совершенен, Баки,
В тонком искусстве газелей.
Сладки для мудрых твои
Хитроspлетения слов».

ГОЛОС АВТОРА. И тогда, перебежав весь зал, подбежала к халифу Женщина в черном, стоявшая напротив, но мы с Филиппом Киркоровым отстранили ее. И тем внесли свою лепту в состязание поэтов Востока.

Мы с Филиппом Киркоровым поем о «Настоящей женщине».

Затем **«Я поднимаю свой бокал,**
Чтоб выпить за твое здоровье.
Но не вином хочу быть пьян,
Хочу быть пьян твоей любовью.
Поем вдвоем. Слепая ревность мучит нас,
Но отойдут пустые муки,
И буду пьян я всякий раз,
Когда сомкнутся наши руки.

Глазами умными в глаза мне посмотри,
Словами нежными меня заговори,
Чтоб снова дрогнуло, как в юности в груди,
Чтобы остался я с тобою до зари.

Могу объехать много стран,
Чтоб только встретить твои руки,
И я при встрече буду пьян,
Я буду пьян концом разлуки
Я поднимаю свой бокал»....

ПОЭТ ИБН АЛЬ-МУТАЗ. (*встав на колено перед Женщиной в белом, перед элинкой, перед прекрасной поэтессой Эллады, великой поэтессой Земли*). О Сапфо! Эти все слова поэтов, в том числе и мои, – тебе, о Сапфо!

ГОЛОС АВТОРА. А Женщина в черном, оттесненная в сторону, успела все-таки крикнуть Халифу: «Халиф! Ты халиф на час! Твоя жизнь коротка. С воробьиный хвостик твоя жизнь, о Халиф!»

Мелодия. Оркестр П.Мория **«Мужчина и женщина»**. *Но поэт Ибн аль-Мутаз, стоя на колене перед Женщиной в белом, читал ей свои стихи.*

«Я столько кубков осушил,
Похожих на небес пыланье,
С лобзаньем чередуя их
Иль с мольбою о свиданье.

В их озаренье просветлел
Судьбы моей постылый жребий.
Они, как солнышко, как перл,
Упали из отверстий в ветер.

Наполнив кубок до краев,
Укрыть попробуй покрывалом.
Сквозь ткань игривое вино
Проступит сверху ярко-алым».

* * *

«Как прекрасна сонная вода,
Лотос на поверхности пруда.
День рожденья, влажные зрачки
Смотрят от усилья в лепестки».

Мелодия. Песня В.Добрынина.

ГОЛОС АВТОРА (пою под ансамбль).

«Ко мне пришла любовь,
Широкая, как море.
Хоть где-то там вдали
Есть жизни берега.
Я чувствую острей и радости, и горе.
Пусть солнце так палит и падают снега.

Никто тебя не любит так, как я.
Ни лучшие подруги, ни друзья.
С ответом я тебя не тороплю,
Поскольку все равно не разлюблю».

Картина вторая

Испанская гитара, Армик. «Фламенко».

ГОЛОС АВТОРА. А царедворцы напротив волновались. Крики оттуда раздались: «Смерть! Смерть халифу!». Поэты только сплотились вокруг поэта Ибн аль-Миртаза. «Открыть окна! Освежить помещение – приказал халиф. – Пусть люди и на площади слушают нас».

Мелодия. Гитара, «Фламенко».

А в окно летело оттуда, с площади:

– Да здравствует поэт Ибн аль-Мутаз!

– Да будут всегда звучать у нас песни, стихи, поэтов,
певцов всего мира!

ГОЛОС АВТОРА. И опять я не выдержал, преклонил колено перед Сапфо вместе с группой «Фристайл».

«В шумном зале ресторана,
Средь веселья и обмана,
Пристань загулявшего поэта.
Возле столика напротив
Ты сидишь вполоборота
Вся в луче ночного света.
Так само случилось вдруг,
Что слова сорвались с уст.

Поем вместе.

Закружили голову хмельную.
Ах, какая женщина! Какая женщина!
Мне б такую!

Пол не чуя под собою,
Между небом и землею,
Как во сне с тобой танцую.
Аромат духов так манит,
Опьяняет и дурманит.
Ах, как сладко в нем тону я!

Как близки наши тела.
И безумные слова
Двести раз тебе шепчу я:
Ах, какая женщина! Какая женщина!
Мне б такую!

Ты уйдешь с другим, я знаю,
Он тебя давно ласкает.
И тебя домой не провожу я,
Но в груди сильней огня:

«Не моя ты, не моя!»
Так зачем же я ревную?
Сколько нужно мне вина,
Чтоб из памяти прогнать
И забыть мечту свою шальную?
Ах, какая женщина! Какая женщина,
Мне б такую!

Так само случилось вдруг,
Что слова сорвались с уст.
Закружило голову хмельную:
«Ах, какая женщина! Какая женщина!
Мне б такую!
Ах, какая женщина! Какая женщина!
Мне б такую!»

ГОЛОС АВТОРА. А площадь за окном то замирала, то бушевала, исходила криками. И вдруг под самым окном раздался знакомый голос. Надежда Кадышевой? «Золотое кольцо»? Из XXI века? Надо же. Как где застолье у нас на Руси, так и она с этой песней.

Широко, мелодично.

«Напилася я пьяна,
Не дойду я до дому.
Довела меня тропка дальняя
До вишневого сада.

Там кукушка кукует,
Мое сердце волнует.
Ты скажи-ка мне, Расскажи-ка мне,
Где мой милый ночует?..

Если с любушкой на постелюшке,
Накажи его, боже...
Я хорошая, пригожая,
Только доля такая»...

ГОЛОС АВТОРА. И вся площадь уже подпевала ей. И тут, в зале, сидящие и стоящие, все слушали Кадышеву. И все равно Женщина в черном кричала свое: «Халиф на час! Тебе осталось жить с воробьиный хвостик! В последний раз ты слышишь поэтов...»

ХАЛИФ. Распахнуть все двери! Пусть люди все входят сюда и слушают своих поэтов, певцов! Они поют и читают для всех!

Романтическая гитара.

ГОЛОС АВТОРА. Поэт, он же халиф Ибн аль-Мутаз.

Читает свои стихи.

«Ах, из кубка первой она отпила!
Льют прозрачные кубки струю вина.
Щедро льют. Сделай жадный глоток,
И по жилам твоим потечет тот глоток,
Пролетит огоньком».

Гитара, Армик.

«О ветер отчего края,
Родных пустынь и урочищ!
Уж лучше забудь меня,
Если моих дум развеять не хочешь».

* * *

«Уйду от тебя, не заплачу, не жди.
Уеду, забуду, не вспомню ни разу.
Неважно, где сушу найду впереди
Иль даль океана откроется глазу».

ГОЛОС АВТОРА. Выходят вперед персидские поэты.

Испанская гитара, Армик. «Фламенко».

Рудаки. «Рубин вина».

Низами. «Спеши, о спеш!».

Саади. «О утренний ветер!»

Амир Хосров Дехлеви. «Соль на рану».

ГОЛОС АВТОРА (*поют моим голосом на мои мелодии*).

* * *

«Прекрасен день весны – пахучий, голубой.
Но мне милее ночь свидания с тобой».

* * *

«По струнам Рудаки провел рукой,
Запел он о подруге дорогой.
Рубин вина, расплавленный рубин,
Но и с губами схож рубин такой.
Одна первооснова им дана.
Тот затвердел, расплавился другой.
Едва коснулся, руку обожгло.
Едва пригубил, потерял покой.
Луною, Бухара, небесный свод
Луною озарен, меня зовет».

* * *

«Спеши, о спеш, без тебя умираю.
Молю я на помощь – без тебя пропадаю.
В крови мое сердце, стенаю в разлуке,
Свиданья, тоска, часа встречи не знаю.

Уж раз ремесло твое – быть музыкантом,
Я звуков высоких и низких желаю.
Ты муки бровей не натягивай грозно.
Скорее стрелу посылай, ожидаю.

Ты знаешь, что жить без тебя я не в силах,
Ты жизнь мою хочешь – бери же, бросаю!
Я вижу, удачи я жаждал напрасно!
Я вздохом последним тебя призываю.

Тебе Низами отдает свою душу.
Прими, как страдания я принимаю».

* * *

«О утренний ветер, когда долетишь до Ширази!
Друзьям передай этот свиток рыдающих строк.
Шепни им, что я одинок,
Что гибну я, гибну в изгнаныи.

Спроси меня, так в чем вина моя,
Что ты не смотришь на меня?
Куда ушла твоя любовь
И ласковость минувших лет?

Я хочу в уединеньи
До рассвета быть с тобой
В неизвестности и тайне
От врагов и от друзей».

* * *

«За грехи да будет кара,
Почему же за любовь
Вкруг меня все гуще злоба
И гоненья все сильнее?»

* * *

«Скитайся на путях любви,
О сердце, неустанно!
Бессильно тело без тебя,
Бессильней тела танец.
Винят влюбленные тебя
В жестокости – пускай.
Еще сильнее мучь меня,
Еще больней тирань.
Слезами скорбными Хосров
Оплакал каждый стих.
Да будет счастлив он от слез
Соперников своих».

ГОЛОС АВТОРА. И тут влетела в окно большая черная птица и стала виться над головой халифа. И тут же зазвучали струны гитары, это испанская гитара, Армик, это они взяли внимание на себя.

Гитара, Армик. «Фламенко».

Большая черная птица в окне. Но тут вперед выступил певец из Турции.

ГОЛОС АВТОРА (*поет а'капельно – моим голосом на мою мелодию*).

Махмуд Абдул Баки. «Прекрасная»

«Прекрасный облик твой
Я вижу вдалеке.
Я вижу тонкий стан,
Цветок в твоей руке.

Я вижу, твой пушок
Над верхнею губою
И родинку твою
На розовой щеке.

Твой стан, как нить души.
Грудь, что сосуд хрустальный,
И две серьги в ушах –
Две капли на цветке.

И локоны, и взгляд –
В тебе все совершенно.
Лишь верность возведена,
Что крепость на песке.

Пусть на любовь твою
Нет у Баки надежды,
Тебе повелевать,
Ему страдать в тоске».

ГОЛОС АВТОРА (поет а'капелла на свою мелодию).

Караджаоглан. «Ты не пришла»

«Я вечером пришел на место встречи,
Но не судьба, ты не пришла ко мне.
Быть может, ты уснула в этот вечер,
Все проспала и не пришла ко мне.

Ужель ты наряжалась и сурьмилась?
И то, о чем мечтали мы, не сбылось?
Над местом ожидания тьма сгустилась,
Луна взошла, ты не пришла ко мне.

Ты, милая, забыла клятву, что ли?
Иль, может быть, чужой послушна воле,
Чтоб с этих пор меня не видеть боле,
С другим ты, не пришла ко мне.

Судьба ко мне, Караджаоглану, милость
Не проявила. Все переменялось.
Кого любил, та, словно лебедь, скрылась,
Прочь уплыла и не пришла ко мне».

ГОЛОС АВТОРА. Лицо поэта-халифа изменилось. Он
огляделся беспокойно по сторонам. Смотрел на окно, но
большая черная птица не возвращалась. Однако чего бы и
мне не спеть свою авторскую песню, например, «Зеленые
глаза» или «Черную вуаль»?

Ну давай, Леонард, эту вот –

«Зеленые глаза».

«Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?

Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача,
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того – она не человек.

Стареем мы, сполна дается сдача,
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем – и слава богу.
Приходит ночь – и это не беда.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!»

Романтическая гитара.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). А ночью в распахнутое окно дворца влетела большая черная птица и убила поэта-хадифа, великого поэта-лирика Багдада, всей персидской, мировой поэзии Ибн аль-Мутаза. О, эти междоусобицы! Эти черные птицы! Веками реют они над прекрасными поэтами Земли! «Проклятыми» – назвали таких поэтов французы (Поль Верлен), которые идут впереди, несут людям прекрасное, любят женщин, любят жизнь, любят Слово поэтическое, и их любят века.

«Лучше не упустите,
Когда встает Солнце на заре».

* * *

«Уйду от тебя, не заплачу, не жди,
Уеду, забуду, не вспомню ни разу.
Неважно, брег суши найду впереди
Иль даль Океана откроется глазу.
Нет, все-таки лучше полет корабля,
Чей парус трепещет, как сердце в тревоге,
И тайны свои не раскроет Земля,
Хотя и сама-то не знает о многих».

Занавес.

ЗОЛОТАЯ ЦЕПОЧКА ХАФИЗА

(«Пой, Хафиз, стихи свои»)

(музыкально-лирическая новелла)

Персия. 14-й век. Накануне эпохи Возрождения в Европе. Шираз. В Соловьином саду. Мелодия А.Рубинштейна.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА. Ночь. И соловьи в саду, соловьи. Старец – поэт-дервиш, из секты софов, сидит в окружении поклонников и поклонниц. Это Хафиз. Луной был полон сад. Одна из поклонниц склонила голову на плечо поэта. Лютня Хафиза исторгает прекрасные звуки. Под переборы струн он читает свои стихи (в переводе Фета).

«О если бы озером был я большим,
А ты Луною, по ней плывущей!
О, если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, над ним растущей!
О, если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой на нем цветущей!
О, если бы сладостным был я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!»

Появляется старец в зеленой чалме:

– О Хафиз! Ты сменил дворец великого визиря Хаджи-Али на этот сад. И песни свои, в которых ты достиг наивысшего, став учителем многих, на простые газели. А ведь ты мистический поэт, многие тебя осуждают.

Другой старец, появляясь в белой чалме:

– О, Хафиз, Хафиз! Не слушай его, ты прекрасен в своем обновлении! Газели твои полны утренней свежести, с ними ушел ты в народ, к людям, ты омолодил свою кровь и тем продляешь жизнь себе на века. Спой же мою любимую, спой! И ты знаешь – какою. Где ты сам не знаешь, кто ты и

что ты. Где поешь о свече, сладких лунных минутах любви и о грехе. Песню для избранных, кто с тобой, да и о тех, кто не с тобой, кто даже против тебя, о Хафиз!

ХАФИЗ (*поднимая лютню с земли*). Ну, хорошо. Мы – дети солнца, а не тьмы, дети радости.

Автор поет Хафиза, положенного на музыку своей души (слова в переводе с немецкого Фета, а с Фета – Л.Золотарева).

«Мы, Шемзеддин, со чадами своими,
Мы, шейх Хафиз, и весь его народ,
Что странно так, особенно живет,
Удручены и жалоб мы полны; такими
Без устали ярмо свое влача,
Роняем перлы часто сгоряча.
Однако веселы и таем, как свеча.
О тени, исчезая, часто метим!
О как улыбкой, словом счастье светим!
Пронизаны кинжалами ресниц,
Мы в сладких муках, упадая ниц,
Творим в греховном – Верой и Любовью.
С раскаяньем крепка не так уж связь,
А, между тем, свободные от зла,
Мы – дети света, а не тьмы; глумясь –
Три сорта за людей тут почитают.
Во-первых, варвара. тупого и ханжу,
Еретика, их мрак за свой считают.
А во-вторых, развратнику, ножу
Кровавому, ничтожным присягают.
И, наконец, – в обычной колее
Бредущие, и их немало.
Однако для таких, как мы, змея
Понятья и названья недостало».

Первое отделение

Мелодия из Соловьиного сада.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Какой змее – змее мудрости? Какие же три главные крыла искусства? Эстетическое, нравственное, развлекательное. И все три – в узле нерасторжимом, все – у Хафиза. Тонкость, точность, раскованность, одухотворенность слова – прямое попадание в сердце. Это – первый среди интеллигентов, это умный, одаренный, совестливый слой в народе; сам еще не зная, пишет об этом Хафиз.

ГОЛОС ИЗ ВЕКОВ. И еще один извив мысли о неоднозначности Хафиза. Хафиз был мистическим поэтом, он дервиш, из секты софов. Таковы корни его неоднозначной поэзии. В тех местах Средней Азии некогда существовали такие государства, как Мидия и Гиркана со своей мистикой, черной магией. Это туда еще в 3 веке до н.э. стремился Александр Македонский в своем великом персидском походе. Даже Сталин, этот атеист, и то считал возможным, чтобы благодаря Тамерлану, захороненному в Самарканде, Русь одолела Золотую Орду, преодолев «трехсотлетнее иго». «Железный хромой» первый победил сибирского хана Тохтамыша. По его легенде, один из его шейхов, будучи софом, кинул в уже дрогнувшего Тохтамыша горсть мелких камней со словами «они побежали». И Тохтамыш, действительно, был разбит. И потом уже на Иртыше был добит Ермаком Тимофеевичем.

ГОЛОС ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ. Человек – частица сущего, единого целого. О Хафиз! Мы с тобой, мы единое там и тут в «золотой цепочке» поэтов на груди твоей, о Хафиз!

Ах, не слететь бы за пределы чисел! (Шарль Бодлер)

Прекрасны «Персидские напевы» Сергея Есенина.

«Если сердце вылюбить до дна,
Станет сердце глыбой золотою».

«... Значит, я вовек не из Шираза».

Сергей Есенин был женат на орловчанке Зинаиде Райх, бывал в Орле, так что – разве не читал Фета? Его переводов с немецкого самого Хафиза? Да чтоб не попасть со своими «персидскими мотивами» в золотую цепочку Хафиза? Да не может этого быть!..

Мелодия из Соловьиного сада.

ГОЛОС АВТОРА (*поет на фоне ее*).

«Никогда я не был на Босфоре,
И ты мне не говори о нем!

Все равно глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем».

ХАФИЗ (*читая далее под эту мелодию*).

«Если осень наносит
Зло морозом, узоры, – не сетуй.
Смотря в миры за осень
Вешние воды, – не сетуй.

Если умрут, золотые
Листья, чем и спасаются,
Знай, что оттуда живые
Розами возвращаются.

Если тернист пустынный
Путь до Каабы, – не сетуй.
Ни на колючки сильных,
Ни на занозы слабых.

Если Юсуф одинокий
Плачет, оторван от родины,
Знай, уж звездой высокой
Путь слезы пройден.

Все переходчиво в мире,
Чарам, Хафиз, способствуй, – не сетуй.
Только играй на лире,
Не изменяй ей, не злобствуй».

Мелодия. «Очарование сада» А.Рубинштейна.

ГОЛОС АВТОРА (*под эту мелодию*). Соловьи путают все в саду, в том числе и само время, века, создавая «машину времени» (Аристотель), гибкое состояние духа в пространстве и времени. Появляются два молодых человека из будущего.

ДВОЕ ИЗ БУДУЩЕГО. Мы из XX века: Гарсиа Лорка, поэт из Испании. А Сергей Есенин, поэт из Руси... Мы знаем и любим тебя, о Хафиз! В золотой цепочке поэтов, мы отдаем тебе пальму первенства, о Хафиз! Твое звено в этой «цепочке» – первое. А она, «золотая цепочка», нескончаема.

ГОЛОС АВТОРА. И оба они вешают эту «золотую цепочку» на шею Хафизу. Так спойте, поэты, покажите Хафизу себя...

Издали доносится мелодия. Это вокальное трио «Реликт». И поют они стихи Сергея Есенина.

«Ты поила коня из горсти в поводу.
Отражаясь, березы ломались в пруду.
Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.
Мне хотелось в кипеньи пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

Пряди солнечных дней время выткало нить.
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

Ты поила коня из горсти в поводу»...

ГОЛОС АВТОРА. И слова этой песни из «Радуницы» – первой книги поэта. И сам поэт Сергей Есенин стоит какое-то время в оцепенении, слушая «Реликт» как мелодию о себе Соловьиного сада.

Испанская гитара, Армик. Энергичные ритмы.

Сергей Есенин.

«Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа.
Не видать конца и края,
Только синь сосет глаза.

Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте родину мою”.

* * *

«Край родной, поля как святцы,
Рощи в венчиках иконных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных».

Продолжение мелодии.

«Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персиянин
Держит женщину... под чадрой».

* * *

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Оттого, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне,
Шаганэ ты моя, Шаганэ».

ГОЛОС АВТОРА (*поет Сергея Есенина под музыку
своей души*).

«Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени Россия
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки –
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре –
Я тебе придумаю о нём.
Всё равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнём».

Мелодия. Соловьи в Соловьином саду.

Ритмы «**Весенней песни**» Мендельсона.

ГОЛОС АВТОРА (*под эти ритмы*). Поет свои
музыкальные фантазии

Гарсиа Лорки. «Сомнамбулический романс»

«Любовь моя – цвет зеленый,
Зеленого цвета всплески.
Далекий парусник в море,
Поближе конь в перелеске.

Ночами по грудь в тумане
Она у перил сидела –
Серебряный иней взгляда
И зелень волос и тела.

Любовь моя – цвет зеленый.
Лишь месяц цыганский выйдет,
Весь мир с нее взгляд не сводит,
И только она не видит.

Земляк, я коня лихого
Сменила на эту кровлю,
На зеркала ночь, а сбрую
На краешек изголовья.

Земляк, я из дальней Кабры
Иду, истекая кровью.
Хочу умереть, как люди,
Оплаканные любовью...»

ГОЛОС АВТОРА (*под таинственные ритмы мелодии*).
И снова поэты со всей Испании слетаются сюда к нему,
как какие-нибудь валькирии. Белые, черные тени мечутся
перед ним. (*Продолжая*)

«И видишь ты эту рану –
От горла и до ключицы,
Все кровью пропахло, парень,
Все кровью твоей сочится»...

Гарсиа Лорки. «Поступь Сигирийи»

«Бьется о смуглые плечи
Бабочек целая стая.
Белые змеи тумана
Снег заматают.
Небо земное над млечной землею.
Идет она пленницей ритма,
Который постичь невозможно.
Тоскою в серебряном сердце,
Кинжалом в серебряных ножнах.

Куда несешь, Сигирийя,
Агонию певчего тела?
Агонию мне завещала,
Печаль олеандров белых».

* * *

Гарсиа Лорка. «Когда умру,
Схороните меня с гитарой
В речном песке.
Когда умру,
В апельсиновой роще старей,
В любом уголке.
Когда умру,
Буду флюгером я на крыше,
На ветру
Тише!
Когда умру».

ГОЛОС АВТОРА. И опять соловьи. Соловьиная роща.
Все, кто в саду, и те, кто за садом.

Спой и ты, о Хафиз!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. «Иду я разросшимся садом
Лицом задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень».

ХАФИЗ (*весело*). Знаем, знаем.

ВСЕ, КТО ТАМ, ЗА ОГРАДОЙ, СОЛОВЬИНОГО
САДА. **О вы, поэты! Так пойте же, пойте! О Хафизе!**

ХАФИЗ (*в ответ*). Знаю, знаю.

*Все кто тут, за оградой, поклонницы и поклонники.
Неистовствуя вместе с соловьями.* Пой, пой, о Хафиз!

СЛОВО АВТОРА. *Хафиз начиная читать, переходит
на пение, заканчивая свою газель.*

«Я был пустынной страной,
Огонь мистический спалил
Моей души кристалл и пыл;
Песок пустыни огневой –
Я так взвивался и пылил.
И, ветром уносимый,
На небеса летел, там был;
Хвала Творцу, что он, родимый,
Унял убийственный огонь
И дождик мне послал – короткий
И краткий, охлажденный; конь
Мой отыскал покой
Цветущий, радостной страной».

ПОКЛОННИКИ И ПОКЛОННИЦЫ. Пой, пой же,
Хафиз! Мы любим тебя!

ШАГАНЭ, подавая лиру ему. Пой, пой, о Хафиз!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*обращаясь к Шаганэ и Хафизу,*
поет музыкальные фантазии Автора).

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!
От того, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

От того, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз.
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли».

ПОКЛОННИКИ ТУТ, ВСАДУ, И ТАМ, ЗА ОГРАДОЙ
САДА. Так пой же, пой еще, о Хафиз! Мы любим поэтов!
Мы любим тебя! Мы тебя обожаем!

И опять соловьи в саду. «Весенняя песня» Мендельсона, переходящая в сложные ритмы.

ХАФИЗ (*читая*). «Ветер нежный, окрыленный,
Вихрь летящий красоты!
Отнеси привет влюбленной,
Той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что заманят
И сразят ее черты,
Если от нее не станет
Тех наград, что знаешь ты.

Невозможно ведь при этом
Видеть райские цветы.
Несвободна, под запретом
Та печаль что знаешь ты.

(*Запевая слова на мои музыкальные фантазии*).

И зачем сады Эдема,
Если в душу пролиты
Аромат долин, гарема,
Тех грехов, что знаешь ты?

Не орлом парить желаю –
Соловьями с высоты.
Я, Хафиз, и воспеваю
Розу ту, что знаешь ты!»

ГОЛОС АВТОРА. И тут появляется вино в кувшинах – золотое вино. Начинается состязание поэтов, поклонников Хафиза. Каждый выступает вперед и читает стихи Хафизу.

ПЕРВЫЙ ПОКЛОННИК. «Десять языков лилеи
Жаждут песни соловьи
С уст Хафиза льет, немея,
Ароматная струя».

ВТОРОЙ ПОКЛОННИК. «О помыслах Хафиза
Лишь он один да бог на небе знает.
Хафиз ему лишь доверяет
Греховное и пылкое свое.
И не одним прощеньем
Всемилосердный благ – молчанья рвеньем.
Но ангелам и людям Бог дает,
А ни словечка не роняет».

ТРЕТИЙ ПОКЛОННИК. «Гиацинт твоих кудрей
За колечком вьет колечко.
Но шепнет ему зефир,
И колечко нырь в словечко,
За словечком – мир».

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОКЛОННИК. «Твой вечно, неизменно,
Пока дышу, дышу ли,
Ценю ли незабвенно.
Взлечу ли я, лечу ли –
К тебе моей вечно живой
Я пылью гробовой».

ПЯТЫЙ ПОКЛОННИК. «Сошло дыханье свыше,
И я снова распознаю:
– Хафиз, зачем, когда ты пишешь,
Смеясь, выводил песнь свою?»

ХАФИЗ (всем в ответ). «На лилиях и розах,
На лилиях и розах
Узор в волшебных позах
Начертан мной в раю».

ХАФИЗ (*и далее, говоря самым близким*). «А это вам дано.

Уж если все навеки решено,
Так что ж мне делать?
Назначено мне пить вино, –
Так что ж мне делать?
Указан птице лес, пустыня – льву,
Трактир – Хафизу.
Так, бедный, по указке и живу –
А что мне делать?»

ГОЛОС АВТОРА. *Сам и поет под музыку моих сфер.*

«Не будь, о богослов, так строг!
Не злись на наш успех!
Блаженства людям дарит Бог, –
А это уж не грех!

Нам, утомленным, – истомясь,
Пустыня медлит бег.
У неба просим пить – не есть,
А это уж не грех!

Прости Хафизу.

В раю деревья вдоль кромы,
Но суть на небесах.
Вот дверь в трактир и ищем мы, –
А это уж не грех!

Прости Хафизу.

Да, нам трактирщик старый друг,
Сознаемся при всех!
Едим, как все, а пьем – за двух, –
А это уж не грех!
Чего поем, когда мы пьем
В честь воинских потех!
Кровь виноградную мы льем, –
А это уж не грех!

Мы славим милую в стихах,
Поверь, нас ждет успех.
Пленен поэтами поэт, –
А это уж не грех!

– Ты, как осел, верблюд худой,
Кряхтя, все тащишь мех.
А мы свой груз с плеча долой, –
А это уж не грех!

Прости, прости Хафизу!»

ГОЛОС АВТОРА. Слегка пошатываясь, Хафиз идет по Соловьиному саду, спрашивая у каждого.

ВСЕ ЕМУ. Пей и пой! Любимую нашу «Трактирную»!
Хафиз, валясь на землю, поет уже лежа, на ту же мелодию.
Соловьи прислушиваются к нему, а люди подпевают.
Всем Соловьиным садом тут и там – за оградой.

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

«Трактирная песня»

ГОЛОС АВТОРА

«Падет ли взор чей гордый
На голову во прахе,
В тракторе на пороге
Лежу я – пьян – на плахе.
– Не троньте, – вас прошу я, –
То голова Хафиза.
Богов не поношу я,
Собаками облизан.
Смотрите же, Хафиз лежит!
Не наноси ему обид,
Восторженный пиит!

Не зная меры,
Пил он, пел,
Все существо его из пыли
Трактирных ужасов и былей.
Всемилосердный дал тот вид,
А он ведь знает, что творит.
– Прохожий, стань, остановись!
Подумай и про это,
Со снисхождением глядя вниз:
Ведь это тут твой брат лежит,
Бедняга – старец, тень поэта.
А мог, состаряся и ты,
Упав, лежать с Хафизом где-то».

ГОЛОС АВТОРА. Подхватив мелодии Соловьинного сада и «Трактирную песню» Хафиза, поэты, поклонники его поют, пьют, пляшут, неистовствуют, и хоры, и голоса летят в эту соловьиную, глубокую, темную, беспредельную ночь.

И снова идут одна за другой «Богословская песня», а за ней и «Трактирная песня».

– «Прохожий, стань, остановись!
Подумай и про это,
Со снисхождением глядя вниз.
Ведь это тут твой брат лежит,
Бедняга – старец, тень поэта,
А мог, состаряся, и ты,
Упав, лежать с Хафизом где-то.
Всемилосердный дал твой вид,
А он ведь знает, что творит».

ХАФИЗ (*передавая лиру, двум поэтам из будущего*).
Пойте вы теперь, о поэты!

ГОЛОС АВТОРА. Но поэтам из Испании, из Руси не больно хочется расставаться с поэтом Ширази. Вот Сергей

Есенин тоже как поклонник берет и поет а' капелла слова Хафиза, переложенные на мои музыкальные фантазии.

«Веселись, милашка – птичка!

Пой, довольная собой.

Запленилась, невеличка,

Розой царственной одной.

Посиди тут, чтоб не биться

В сетях тонких паутины.

Не души, мизгирь, той птицы!

Не кусай, и зуб змеиный!

Чтоб занозы алой розы

Глубоко в тебя вонзились,

Истекая кровью слезы,

В мир иной переселились.

Я скажу перед кончиной:

– О Хафиз, Хафиз! Прекрасно

Вместе с песней соловьиной

Уходить светло и ясно».

ПОКЛОННИКИ И ДЕРВИШИ (неистовствуя). Не уходи, Хафиз! Не уходи, о Хафиз! Живи вечно, поэт!

ГОЛОС АВТОРА. Хафиз перебирает «золотую цепочку» на груди. Отдельные голоса в Соловьином саду, сливаясь, превращаются в хоры, а хоры летят в надзвездные выси.

ХАФИЗ (читая во весь голос).

«Предав себя судьбе неприхотливой,

Душа моя жила, цвела, любила...

Но твой, о Солнце, пламень вдруг пришел –

Испепелил живое, горы, дол.

И вот смотри, что пепел произвел:

Гордясь собой, высокою породой,

Орел летит, он – гений, он – орел,

Взлетает ввысь – дышать Свободой!»

ТОЛПА (вопя). Ты – орел, Хафиз! Ты – орел!

ХАФИЗ (проходя в глубину сада, слегка, пошатываясь).

Нет, вы меня не обманете, требуя песен! Я свободен, да?
Я свободен?

ГОЛОС АВТОРА. Хафиз садится у куста розы.
Напевает песенку ей, а заодно и себе, эти свои слова,
положенные на мои музыкальные возможности.

«Пусть, насколько хватит сил,

Чернь тебя клянет.

Пусть в поход, кто не ходил,

На тебя пойдет!

Ты не бойся их, Хафиз,

Бог тебе спасет.

Небеса в сиянье роз –

Твердый твой оплот.

Он святой водой твою

Жажду утомит.

Солнце жаркое в раю

С ним не утомит.

Сам все горести твои

Услади, уйми!

Пой, Хафиз, стихи свои,

Крылья распрями!

Это Ангелов – отец,

Бог небесный, шлет.

Поэтический венец

На тебя кладет.

И не Греция одна,
Даже не Китай,
Пьют, Хафиз, тебя до дна, –
Целый мир, считай.

А умрешь – пойдут толпой,
Станут навещать.
Всякий умник молодой
Всякое вещать.

Слушай, слушай их, Хафиз,
Просветленный – спишь,
Снизу вверх и сверху вниз –
К Ангелам летишь.

Пусть, насколько хватит сил,
Чернь тебя клянет.
Пусть в поход, кто не ходил,
На тебя пойдет!

Ты не бойся их, Хафиз,
Бог тебя спасет.
Небеса в сиянье роз –
Твердый твой оплот».

ХАФИЗ (*приподнимаясь и снова падая на землю. Кажется, так?*). О люди, люди – исчадие крокодилов! Я люблю вас! Но больше всего люблю газели, песни свои. «Ты совершенен, Баки, в тонком искусстве газелей».

И снова мелодия Соловьиного сада. «Весенняя песня» Мендельсона.

ГОЛОС АВТОРА (*на ее фоне*). Соловьи... Милые, милые сны...

«Очарование сада» А.Рубинштейна. *Соловьи в саду.*

И снятся мне три времени сразу вместе. И прошлое – о чем?

А ночь темна, безвестна. Висят над головой яблони звезд. Слова висят между ними. Хафиз пытается встать, но это вино золотое сделало его тяжелым, земным. Хафиз смотрит на куст розы, на звезды.

Хафиз лежит, напевая свои песни без слов. А вот и сами приходят слова. Читает.

«Хафиз убит. А что его убило?

Что черный глаз на метры положило?

О черный человек! разящих стрел мерило.

Куда их ни метнешь – тлен и могила.

Дыша у рая, прошлого граница,

Не по тебе иль тень трепещет, мнится.

Пугает и бежит рассудок строгий,

Чего не может он, то могут Боги.

Любовь свободна?

Запевая на мелодию Автора, а'капельно.

Любовь свободна. В мире нет светила,

Которое бы путь ей перекрыло.

Страданье! Нежность! Голос на стихи!

Хотя б ты петь на помощь поспешил.

Моя любовь! Ты из таких стихий,

Что и Хафиз тебя не победил!»

Мелодия сменяет мелодию. Гитара, Гойя. Душа в очарованном саду, в словах где-то витающих, в звуках.

ГОЛОС АВТОРА. Не верьте Хафизу. Он жив. Он будет жить всегда в своих прекрасных газелях. А придет время, его с почестями похоронят где-то под Ширазом, под звездами. Послушай, Хафиз! Поэтов за тобою идущих, из «Золотой цепочки Хафиза». Испанский поэт Гарсиа

Лорка и поэт из Руси Сергей Есенин, они уже были тут, есть. И вот русский поэт еще потянул за собой звено в «золотой цепочке» – это поэты Руси Николай Рубцов и Леонард Золотарев, ваш покорный слуга. Автор, который и поет своим голосом все эти песни.

Мелодия за мелодией. Вальс цветов из «Щелкунчика» Чайковского.

АВТОР (*Хафизу*). Да вот поэт из Руси стоит.

ХАФИЗ. Орла давай! Пусть читает.

АВТОР. А из Орла – это я. И читаю я всем его «чадам», ему – про него.

Хафизу.

Так и читаю под вальс цветов из «Щелкунчика» Чайковского.

«Вот чудо сотворил ты, Леонард!

Вот чудо!.. Какое чудо?

Пою, перевожу основы – бард,

А все оттуда.

Ты первый, о Хафиз!

Кладешь прекрасно.

Все признают: и верх, и низ,

А клась – опасно.

Ты первый – кто интеллигент,

О, боже!

Когда понятия даже нет,

Названья тоже.

А я бреду от тех веков

И так считаю:

Вон где я слышу мужиков,

А тут читаю.

Пою-то, что и ты, мой друг Хафиз!
Один исток.
Есенин – Лорка, розы – бриз,
Закат – Восток.

Ибо, в века соединясь,
Вы и спесивы,
Халиф на час, – о черный князь,
Как вы красивы!

И ты, Хафиз! И твой Шираз!
Змеей обвилось слово – ад.
Трясу созвездья с чудо – глаз,
В сад яблоки летят».

Мелодия «Щелкунчика» пропадает где-то в яблоках звезд.

ХАФИЗ (обращаясь к Николаю Рубцову). Ну, и что ты споешь?

КТО-ТО СО СТОРОНЫ. Да сам он не поет, он только слова пишет.

АВТОР (приходя на помощь). Ну я, что ли, спою? Его стихи я знаю.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ. Ну, спой, спой Хафизу.

АВТОР. Ну, я и пою. Рубцовские стихи пропущены через музыку моего сердца. **«Видения на холме»**

«Взгляну на холм и упаду в траву,
И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя.

Россия, Русь – куда я ни взгляну,
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы.

Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды
Люблю навек до вечного покоя.

Русь, Русь, храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

Заржет табун, и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье.
И надо мной бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье».

ТОЛПА В СОЛОВЬИНОМ САДУ. Да здравствует
Хафиз! Это ты, Хафиз, собрал тут прекрасных поэтов
Земли! Слава тебе, о поэт Николай Рубцов!

Мелодия. Соловьи в Соловьином саду.

ГОЛОС АВТОРА. О Хафиз! Твое слово на лилиях и
розах, на лилиях и розах, как в раю. «О люди, люди –
исчадие крокодилов!» Кажется, так? Я люблю вас...
Мы – дети Солнца, а не дети тьмы, мы – радость и
восторг.

«Предав себя судьбе неприхотливой,
Душа моя ушла, цвела, любила.
Орел летит, он – гений, он – Орел,
Взлетает ввысь – дышать Свободой!»

ГОЛОС АВТОРА. И я там был, блистал в той ночке,
В Хафиза «золотой цепочке».

«Зеленое и голубое».

(моя авторская песня)

«Я хватаю с небес убегающий миг
И сажаю на дерево слету.
Я люблю мой зеленый березовый стих
И мою голубую работу.

Высоко-высоко надо мной небеса.

Голубое хмельно и бездонно.

Я зеленые слышу в себе голоса,

Из меня выпирают иконно.

Голубое до неба – моя вертикаль,

А зеленое – по горизонту.

Сквозь меня этот крест, черед сердце – эмаль.

Фаберже, что ли, по Геллеспонту.

Мое сердце возьмет голубой океан

И вернет его мне золотое.

Под березой сажу я, задумчивый Пан,

И люблюсь и ей, и собою.

Под березой сажу я, задумчивый Пан,

И люблюсь и ей, и собою».

ГОЛОС АВТОРА. И опять это музыкальное трио
«Реликт» откуда-то издалека.

«Ты поила коня из горсти в поводу

Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,

Кудри черные змейно трепал ветерок».

ГОЛОСАВТОРА. И так, «золотая цепочка» Хафиза – это поэзия Востока, 13-15 век. Одно из высших достижений человечества. Эти слова Хафиза, пропущенные через музыку моего сердца.

Любовь, красота, прекрасное чувство слова. Великий поэт Багдада Ибн аль-Мутаз избегал борьбы за власть, однако, будучи из рода Аббасидов, был провозглашен Халифом, а через сутки свернут, казнен. Так и казнят поэтов всех народов земли за их прекрасное слово, за красоту, за любовь к людям, за то, что они всегда впереди.

И все равно за поэтами идут поэты, нескончаема эта «золотая цепочка Хафиза».

Пою а'капельно стихи персидских поэтов, положенные на мои музыкальные импровизации. Поэт поет поэтов.

ОМАР ХАЙЯМ.

«Пей с достойным, который тебя не глупей.

Или пей с луноликой любимой своей.

Никому не рассказывай, сколько ты выпил.

Пей с умом, пей с разбором, умеренно пей».

АБУ НУВАС.

«Пью старинное вино,

Ясноглазую целую.

Будь что будет, все равно,

Веселюсь напропалую.

И, пока не порвалась

Бытия живая нить,

Полон жажды, буду пить

Эту влагу золотую.

Ничего не утаю,
Все на свете отдаю
За хмельную за твою
За улыбку молодую.

В руки смуглые прими
Чашу, полную вина.
Осуши ее до дна,
Возврати ее пустую».

Махмуд Абдул Баки
«Кравчий, бокалы налей,
Нынче не время пиров.
Слышишь, из ближних садов
Вещий доносится зов.

Там аромат ветерка,
Свежее благоуханье,
То, чем весною аллах
Нас осчастливить готов.

Ты совершенен, Баки,
В тонком искусстве газелей.
Сладки для мудрых твои
Хитросплетения слов».

Ахмед-паша
«Твой рот, как алый лепесток, –
Моя любовь.
Тебя так тайно я берег,
Моя любовь.

Слова могу я гнуть, как бровь,
И все равно
Я о тебе скажу: цветок,
Моя любовь.

Пред кипарисом слезы лью,
Бежит ручей.
Сказала ты: ручья исток –
Моя любовь.

Мишенью стала грудь моя
Для глаз твоих,
Для стрел твоих,
Моя любовь.

Я говорю: Ахмед, люби,
Покуда жив.
Я стар, но юн любви росток,
Моя любовь».

Мелодия. Испанская гитара, Армик.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). «Лунным светом Шираз
осиянен,

Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персиянин
Держит женщину тут под чадрой».

Мелодии и слова из Соловьиного сада уходят к звездам.

Занавес.

ПОЛОНИЯ

(Славянская тетрадь)

Концерт-шоу. Одноактная мелодрама

К «Звуковой поэзии мира».

«Фредерик Шопен. Вальс №7».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (на фоне по-славянски грустной, тонкой лирической мелодии вальса). По дороге на Запад, в каких-нибудь не более ста километрах, авто интуристов может остановиться у так называемой «Кузницы Наполеона». Тут ковали коней императора, скакавшего, бывало, на Восток, на Россию и из России. Тут и музей теперь с картами, схемами, оружием того времени. Отсюда, в нескольких километрах, и родовое местечко Шопена – Желязова Воля. Красивое, биоэнергетическое место Земли.

Течет ручей под плакучими ивами. Распахнуто окно небольшого одноэтажного домика. Из распахнутых окон сюда, в концертный зальчик под открытым небом, летят, рвутся прекрасные звуки вальса Шопена. Как всегда летом, воскресный концерт.

Так пусть же под шелканье птиц, под шум деревьев и журчанье ручья, звучит этот рояль, эта музыка польских исполнителей, голоса. А мы под эти благодарные шопеновские мелодии будем читать стихи польских авторов. Итак, Полония, Славянская тетрадь. Звучат полонезы, мазурки, польская поэзия.

Адам Мицкевич. Сонет «Извинение»

«В толпе ровесников я пел любовь, бывало.

В одной встречал восторг.

Всегда любовь, тоска, ты вечно о своем.

Чтобы поэтом стать, подобных бредней мало.

Ты разумом созрела, и старше сердце стало.
Так что ж оно горит младенческим огнем?
Ужель ты вдохновлен высоким божеством,
Чтоб сердце лишь себя всечасно воспевало?

Был справедлив упрек, и вслед Урсыну я
Алкея взял высоким древним строем.
Тотчас запел хвалу прославленным героям,
Но разбежались тут и лучшие друзья.
Тогда, рассвирепев, я лиру бросил в лету.
Как видно, слушать их всегда под стать поэту».

Музыка. Вальс №7 сменяется другим вальсом Шопена.

Появляется Женщина в белом – пианистка,
исполнительница вальса №7, кланяется рядам зрителей
под плакучими ивами.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*опять же на фоне шопеновской
мелодии*).

Юлиан Тувим. «Акация»

Читая женщине.

«Волшебная ночь не жалеет для неба алмазов.
И встал надо мною богатством таким небосвод.
Как будто с рожденья еще не любил я ни разу,
А только предчувствовал твой неизбежный приход».

«Трава»

«Трава, трава по колено,
Давай обхватим друг друга!
Чтоб в мыслях не было больше
Ни меня, ни луга.

Я с цветами, корнями
Срастился. Они же со мною.
Чтоб никогда между нами
Слова не вставали стеною.

Чтоб мы лишь единым являлись,
Именем неделимым.
Или оба травой,
Или оба Тувимом».

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ. Как прекрасно это, как прекрасно!

«Чтоб мы лишь единым являлись,
Именем неделимым.
Или оба Шопеном,
Или все трое Тувимом».

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ. А вот и сам Тувим!

Вот он перед вами – Артист, читающий Юлиана Тувима.

ЮЛИАН ТУВИМ. «Из скерцо»

«...Смешно ей, что голос все выше летит.
И звук, утончаясь мгновенно,
На ноты, на струны, как волос, навит
И тает серебряной пеной.

Смеется. И вдруг защемило в груди
И смех над слезами не властен.
И брызнули слезы из глаз. Погляди,
Гляди, как расплакалось счастье!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*слушателям на скамьях под открытым небом*).

«Не бойтесь, это короткий дождь!
Всего лишь нам перлы счастья».

СТАНИСЛАВ ГРОХОВЯК.

«Из дерева выточена грудь королевы»...
«Руки намазаны жиром,
Уши королевы затянуты ватой,
У нее вставная челюсть из гипса,
Из дерева выточена грудь королевы»...

Фредерик Шопен. «Мазурка».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А это гость наш Отон Жупанчик, из Сербии.

Со своей «Детской молитвой», обращенной к Христу.

«Отче наш! Если был бы вправду отче наш,
Ты теперь разорвал бы свои ладони
И сошел бы с распятия,
Чтобы детей своих убогих взять в объятья,
Отче наш!

Отче наш! Он теперь на Висле
Иль в Надринке.
Ведь и сами мы не знаем где.
У него прострелено сердце,
У него проколоты руки.
Обнимает он нас,
Отче наш! Отче!»

И опять в распахнутые окна изливается мелодия Шопена. Грустная, такая славянская, под стать этим грустным стихам – это опять вальс №7, переходящий в Вальс си-бемоль.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А это Халина Посвятовская.

И это ее стихи о себе «Халина».

А это сама Халина Посвятовская под музыку Шопена читает стихи о себе.

«Халина Посвятовская,
Судя по всему, человек.
И, судя по всему, должна умереть,
Как и люди, умершие ранее.
Халина Посвятовская
Как раз и трудится в данный момент
Над собственным умиранием.

Она уж догадывается
И по вечерам ежедневно,
В сон погружая левую руку,
Правой при этом крепко сжимает звезду –
Отрывок живого неба –
И всю ночь, будто кровью, истекает
Собственным светом.

А у меня язык от вина жаркий.
И горячая слюна во рту пенится.
Но из дерева выточена грудь королевы.
В доме королевы вянут жаркие свечи.
В постели королевы стынет старая грелка.
Зеркала королевы затянуты брезентом,
И шприц ржавеет в стакане королевы.

А у меня живот молодой, упругий.
Зубы настроены, как инструменты.
Но из дерева выточена грудь королевы,
И из листьев волосы королевы,
Паутиной из глаз королевы виснут.
С тихим вздохом лопается сердце королевы,
И дыханье на стекле оконном желтеет.

А у меня голод в этой корзине
И шаров золотых целая связка.
Но из листьев волосы королевы
Опадают, опадают, опадают.
И гаснет слабый розовый след
И продолжает листьями стлаться,
Теряясь в ночи, морозной и вьюжной.

Халина Посвятовская – это несколько стареньких
платьев,

Это руки и губы, которым уже ничего не нужно».
ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь».

НИКОЛАЙ РИХТЕР. «Ямщик, не гони лошадей!

Запевая голосом Автора.

Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!

Как жажду средь мрачных равнин
Измену забыть и любовь,
Но память, мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.

Ямщик, не гони лошадей...
Все было лишь ложь и обман.
Прощай, и мечты, и покой.
А боль незакрывшихся ран
Останется вечно со мной.
Ямщик, не гони лошадей...»

ФРЕДЕРИК ШОПЕН. *Вальс си-бемоль, переходящий в пение* Анны Герман. Песни «Дубрава», «Письмо Шопену».

«Дубрава»

«Снова все, от счастья замирая,
Как к нему я шла,
Зелена была моя дубрава,
Зелена была.
Мы встречались с ним у перекрестка,
Мы бродили там.

Каждый кустик, каждая березка,
Каждая весна.
Вся земля дышала, вся светилась.
Но прошла весна,
Птицы слабли, небо помутилось.
Началась война.
Он погиб под городом Медынью –
Боль моя, слеза.
Навсегда закрылись молодые,
Навсегда – глаза.
У тропы единственной, приметной,
Возле двух рябин,
За своею славою бессмертной
Он бежит один.
Грусть по нем, как горькая отрава,
Сердце мне прожгла.
Зелена была моя дубрава,
Зелена была».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. *И опять мелодия Шопена. Вальс си-бемоль сменяется «Революционным этюдом».*

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И пусть Автор споет тут хоть одну свою авторскую песню из цикла стихов о «Невидимом пане» – о лесном боге Пане. А' капелла.

ЗРИТЕЛИ (*сидящие в зале под открытым небом в Желязовой Воле*). Пусть сначала прочитает оттуда стихи, а после споет.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Да будет так!

ГОЛОС АВТОРА. Стихи. «Моя Панна».

«Я – июльское эхо,
Лучом осиян,
Освящен неземной красотой, –
Я – лесной, я – лесной,
Я – березовый Пан
За роскошной зеленой листвою.

Где-то Панна моя?
Где на круги своя –
Красота по лесам и дорогам?
Это тайна моя
У лесного ручья,
Это трубная песня из рога.

Я укрою ее
От метели любой,
От неверного взгляда любого.
Я пожертвую осенью,
Песней, собой –
От пожара спасу голубого.

Загорится октябрь,
Полетит по лесам.
Она выбежит – ветрена, странна.
Красота, Красота –
Это скрип колеса,
Это эхо, стыдливая Панна.

Мой изысканный стих,
Отчего ты затих?
Что она тебе, златокипяща?
Моя Панна – мой луч,
Это чудо на миг,
Остальное все – не настояще!»

ЗРИТЕЛИ (*аплодируя*). Читай, читай! Еще, еще,
Леонард! Мастер Леонардо!

ГОЛОС АВТОРА. Из другого цикла. Из моих
«пятилистников». «Пятилистник второй».

«Лось у родника»

«Но хану некому ответить,
Уж воин спит, над ним курган.
Вот и читаю на монете:
Цепочку слов: «О, караван!
Тебе небесный жребий дан»...

... Велесовы внуки! Велес со степей
Явился в леса к Перуну.
Мне в волосы степь закатала репей.
Я вою, как пес, на луну.

Во мне язычество – из мрака,
Язык костровый – из теснин.
Лежу, побитый, как собака,
Среди «эссендуков» и вин.

Велесовы внуки приходят во мне
В расчете на мой родничок.
А где-то кривые мыслишки одне:
«Ну, как ты живешь, старичок?»
«А все хорошо...» Остальное – молчок.

Во мне язычество опять
Сегодня прорвалось.
Вот за язык, такую мать,
И терпит наша бось!

...Ляжу у родника, как лось».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*зрителям, в зал под открытым небом. Овации. Крики. Мелодия Шопена*).

Ну, хватит, хватит вам! Норма ведь – по одной.

ЗРИТЕЛИ. Споет пусть, еще споет! Свою авторскую...

ГОЛОС АВТОРА. *Ну, ладно. Какую? Ну, эту хотя бы, вот. «Зеленое и голубое».*

Поет а'капелло.

«Я хватаю с небес убегающий миг
И сажаю на дерево слету.
Я люблю мой зеленый березовый стих
И мою голубую работу.

Высоко-высоко надо мной небеса
Голубое хмельно и бездонно.
Я зеленые слышу в себе голоса,
Из меня выпирают иконно.

Голубое до неба – моя вертикаль,
А зеленое – по горизонту.
Сквозь меня этот крест, через сердце эмаль.
Фаберже, что ли, по Геллеспонту.

Мое сердце возьмет голубой океан
И вернет его мне, золотое.
Под березой сажу я, задумчивый Пан,
И люблюсь и ей, и собою».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И опять возникает шопеновская мелодия из распахнутых окон. Этот все тот же бессмертный Вальс №7 Фредерика Шопена, под который выходит к зрителю польский поэт Ежик Харасымович и читает свои стихи.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. **Ежи Харасымович. «Костер»**

«Друзья мои, сошлись мы наконец.
Горит костер осенний. Наша брашка.
Я седенький, ну вылитый песец,
И вы для славы потрудились тяжко.

Самала Карем – сосунок совсем.
Мы же шумящие, издавшие немножко.
И вдруг окажется, что лавры наши все
Куда скромнее, чем печеная картошка».

Зал смеется. Плакучие ивы шумят. Ручей играет. Прочь с головы конфедератки!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Видите?

«Гонор и слава!» Вив ля Днестр – да здравствують «распахнутые окна» нашей души!

Выходит человек в черном концертном костюме под Фредерика Шопена. Вальс си-бемоль.

Выходит Женщина в белом.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А это она – пианистка. Это она исполняла Вальс №7 Фредерика Шопена.

Из зала под открытым небом выходит, наконец, ваш покорный слуга.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А это, видите, Автор – Леонард Золотарев. Он пел и читал вам свое в стихах и мелодиях. Он все и составил в этом концерте «Полония», посвященном «швента кшиста» – «святому сердцу» Шопена.

Финита ля комедия, все.

ВИКИНГИ **(Северное сияние)**

Концерт-шоу. Из «Звуковой поэзии мира».

Одноактная мелодрама.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА. А в Малом городе срединной Руси – Малоархангельске учитель рисования местной школы, бывший танкист, участник прошедшей войны, а именно, гигантского сражения под Прохоровкой, Иван Алексеевич Семеновский изваял в белом мраморе образ прекрасной Сольвейн из «Пер Гюнта» Хенрика Ибсена. Русский Иван отослала скульптуру в Берген (Норвегия) – город на берегу узкого фьорда, где прекрасная Сольвейг замерла в ожидании любимого, ушедшего в море, окаменев от веков. Очарованные легендой, под северным сиянием, делающим Сольвейг еще прекраснее, поэты северных стран несут сюда, к скульптуре русского солдата – учителя, свои слова, словно желая сделать этот сияющий беломраморный камень живым.

Картина первая

ГОЛОС АВТОРА. *Оркестр Большого театра России. Музыкальная картина о прекрасной Сольвейг из «Пер Гюнта». Норвежцы, потомки норманнов-викингов, вместе с Сольвейг ждут на берегу Бергена возвращения из дальних морей остроликого корабля.*

И вот как музыкальный привет от Русского Ивана, из срединной Руси, лежащей на древнем пути «из варяг в греки», звучит эта музыка из «Белой Скифии» – продолжения «Одиссеи» Гомера. Это песня «Змиев вал»

Леонарда Золотарева – ученика Русского Ивана из того же старинного белоскифского поселения. Сочинив эту песню и эти стихи, он посвятил их своему учителю. Это песня о русской богатырской заставе, о шагах врагов к ней то с Востока, то с Запада. И о викингах, помогающих предкам русских – белым скифам отстаивать свои рубежи.

Итак, Леонард Золотарев. «**Змиев вал**» (из героической трагедии «Белая Скифия»).

«Слышите? Это шаги, шаги.

Скрипы телег. Огненный полоз с Востока.

Если б не мы тут, и Рим бы спалили враги.

Викинги мы, застава тут, княжее око.

Змиев вал – от моря до моря.

Не обойти нас, ни конем обежать.

Ляжем первыми в него,

Будем же продолжать,

Кефара уж отпевает героев».

Музыка. Грозные ритмы. Тяжкая поступь врага.

«А это, слышите? – детские голоса.

Змиевы игры. Что же вы дремлете, боги?

Ворон вещает! Смертная полоса.

Не дождемся подмоги.

Воины, вой! Ляжем под белые стяги!

Кровью умоем! Умоемся сами, варяги!»

ГОЛОС АВТОРА. И под эту музыку, тяжкую поступь врага Леонард Золотарев читает своим стихи о «Сольвейг», застывшей в белом мраморе в ожидании любимого где-то в Бергене, среди фьордов Норвегии.

Вот они, эти стихи. Леонард Золотарев. «**Кипарис**» (или «**Зеленые деревья**»). Посвящаются русскому Ивану – Ивану Алексеевичу Семеновскому, моему учителю из

Малоархангельска – Малого города с героической в
прошедшей войне, трудной судьбой.

«Он рисовал зеленые деревья
Со школьной парты, с юношеских лет.
И с замираньем сердца вся деревня
За ним следила, говоря: «Поэт!»»

И вот уже учитель в той же школе –
Он рисовал теперь для детворы.
И годы пролетали поневоле,
И уходили целые миры.

А он все рисовал свои деревья –
Во цвете жизни, в искорке надежд.
– Смотрите, – говорили по деревне, –
Он все рисует, пишет для невежд.

Уж осенью дышало на планете,
А он все рисовал в ключе своем.
– Смотрите, – говорили ему дети, –
Они ведь золотые за окном.

Он рисовал зелеными деревья!
Зима и лето – было все равно.
– Смотрите, – говорили по деревне, –
Они ведь уже белые давно.

Да и ему виски посеребрило.
Признания ни где-то, ни в семье.
А он все рисовал не то, что было:
Зеленые деревья на земле!

Ушла жена. Спиною повернуло
К нему его согбенные года.
Деревня на него давно махнула,
Как и махнули прежде города.

А он все рисовал... И вот весною
На этот его траурный абрис
Приехал ученик один с женою
И посадил зеленый кипарис».
Гитара, Гойя. «Ностальгия»

Картина вторая

Гитара, Гойя. «Ностальгия»

СЛОВО АВТОРА (на фоне гитары). И вот, словно эхо, накатывается сюда, до Бергена, оттуда – из серединной Руси – это русское слово, это душа русская, душа человеческая. Глядя пристально в море, прекрасная Сольвейг слушает это прекрасное слово поэтов вокруг себя.

*Вот датчанин Поль Лакург. Стихи «Принц Гамлет».
Напевая мелодию Автора. А'капелла.*

«Принц Гамлет, твой отец убит,
Убийце мать принадлежит.
И тело все ее теперь
Терзает лаской лютой зверь.

Принц Гамлет, где твой друг и враг,
Все не воротишься никак.
Не в безмятежной ли юдоли,
Ты спишь, презрев все наши боли.

Ты душу спас свою иль нет,
Решив покинуть этот свет;
Спеша по Млечному пути,
Чтобы ее одну спасти.

О, принц! Наш предок и двойник.

Когда и где забудет родник.

Безумье, равного отваге

Отравленной, но честной шпаги?»

АВТОР (*обращаясь к датчанину Полю Лакургу*). А знаешь ли такую вещь, что твой отец – король, которому брат его влил в ухаюдему, спящему, – не умер? «О, бедный, бедный Йорик?» – говорит могильщик, череп доставая из могилы. И вот, как из летописей явствует, король тот под именем Йорик – Ерик – Юрик – Рюрик появляется через совпадающее количество лет на Руси, основывая династию Рюриковичей, которым, естественно, Гамлет, будучи там в Дании, является сыном того короля, а тут на Руси сыном Рюрика (тому же князю Игорю) является кем? – естественно, сводным братом.

ПОЛЬ ЛАКУРГ. Я знаю, в Америке Карнеги платит советникам много.

АВТОР. Да. А тут питаются моими мыслями, моими мозгами и слова, имени моего нигде не произнесут. Вот пример. Написал стихи о кипарисе – в горсовете сборник с такими стихами имеется, теперь Малоархангельск весь в кипарисах (в туях весь). А под «кипарисы» подтянуто все другое: асфальт, цветники, содержание зданий, а доски с именами метят другим. Кстати, идея о возведении храма еще при атеистах – моя, футбольный клуб в Орле назвали «Русичи» – от моих стихов и т.д. Теперь довожу до сознания, значение белой глины и то, что

Малоархангельск – город-герой. То есть как в «зеленых деревьях», в истории войны, значении Малого города, великой дуги, самого Рокоссовского исторически тут не то, что на самом деле... Поняли?

Г.А.Зюганов, выступая в телепроекте «Имя России» о Ленине, повторяет Ткачеву – губернатору с Кубани, затевающему переименование Краснодара, расхожую мысль, что красное – это красивое (Красная площадь, Красноярск). Красивое! А если бы знать, что красное – это не только красивое, а что? Цвет первой династии – Рюриковичей, победивших в борьбе Давыдовичей с их белым цветом. Красное – это еще и цвет дня, жизни, а белый и до сих пор ассоциируется с цветом смерти.

Вот тебе и Краснодар, вот тебе и Екатеринбург. И как в таком случае выглядит Краснодар?.. И как выглядит Гамлет? Кипарис этот вечно зеленый? И Малоархангельск как город-герой. Такой город маленький, маленький, но малых подвигов не бывает... Козельск, Герника, Фермопилы, Гавгамелы, Бородино, Куликово поле, Прохоровка и четвертое поле Руси тут у нас под Сабурово... Где стояли когда-то и викинги в Богатырской заставе... Не одна Сольвейг тут у нас ждет с войны до сих пор своего Пер Гюнта, лежащего в этих полях или где-то безвестно пропавшего. Как и там, в норвежском Бергене, среди скалистых фьордов, это беломраморное чудо Сольвейг стоит, окаменев от веков в ожидании возвращения любимого из объятий моря.

Оркестр Большого театра России. «Фауст» композитора Гуно, сцена из Вальпургиевой ночи.

Картина третья

Сцена из Вальпургией ночи продолжается. Словно бегущий корабль с любимым этой прекрасной Сольвейг.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Рейснер Мария Рильке – поэт из Австрии. Стихи «Остров сирен».

И тут волной смывает эти стихи. И мы их поищем потом, в пучине морской.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Ну, что ж. Переходим к Норвегии. Хенрик Вергеланн. Она «**Моей желтофиоли**» (*обращаясь к Сольвейг*). Это тебе, ждущая своего Пер Гюнта.

ГОЛОС АВТОРА. Это тебе, о прекрасная!

СОЛЬВЕЙГ. Как и храмы когда-то, атеисты у вас там в России, не любили цветы... Например, «Ландыши»...

ГОЛОС АВТОРА. А также «Снежинки».

СОЛЬВЕЙГ. Я слушаю, пой.

ГОЛОС АВТОРА (*а'капелла, на свою мелодию*).

Итак, **Хенрик Вергеланн**. «**Моей желтофиоли**». Это золотые шары.

«Как ты мучишься, как молода.

Но попращаемся навсегда.

В пору твоей красоты златой

Стань же земной.

Настежь окно. Мой последний зов.

Взором коснуться золотых цветов,

Их поцелует моя душа,

Мимо спеша.

Дважды я к милым прильну устам.

Первый тебе поцелуй отдам.

Ну, а второй отошли моим

Розам родным.

Их не застаю уже в цвету.
Но не забуду, накажи кусту,
Чтобы, могилу мою храня,
Цвел для меня.

Чтобы на грудь мою бросил он
Меченный поцелуем бутон.
Свадебным факелом высвети боль,
Желтофиоль,
Желтофиоль».

Романтическая гитара.

ГОЛОС АВТОРА. Юхванн Себастьян Вельховен.

«Затонувший город»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Юхванн, где ты?

ГОЛОСА ВОКРУГ СОЛЬВЕЙГ. Юхванн, где ты?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ МОРЯ. Нет его, скорее всего,
утонул.

ГОЛОС АВТОРА. В объятьях «Желтофиоли»?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ МОРЯ. Скорее всего, у берегов
Гренландии.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Помянем героя стихами.

Хенрик Ибсен. «Солнечные корабли»

«Бросив Север суровый,

Снялся он с якорей.

В край, где краше дубравы

И где боги добрей.

Образ тверди ледовой

Канул в море навек.

Но потребовал новой

Жертвы солнечной брег.

До последнего струга
Все спалил он. Но дым
Лентой тянется с юга
К снежным шхерам родным.
И на Север свой дальний
От дубравы и прочь
Скачет всадник печальный
Каждую ночь».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Хенрик! Это всадник печальный – сама ночь? Но она бывает тут длинной, полгода, когда темнота.

ХЕНРИК ИБСЕН. А зачем тогда северное сияние? Да, Сольвейг? Как сияет оно над твоей головой. Да, Сольвейг?

СОЛЬВЕЙГ. Оно сияет над моей любовью к Пер Гюнту. Я люблю его, жду. Он идет ко мне, знаю, среди северного сияния, как по лучу света, которого нет...

ХЕНРИК ИБСЕН. Который в душе твоей, о прекрасная, златокипящая Сольвейг! Что скажешь об этом ты, Мартин Опель?

МАРТИН ОПЕЛЬ, *поэт из Германии (выступая вперед)*.

Она как Родина нам, как отчизна,
Всегда ждущая нас, всегда любящая.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Марин Опель, Германия. «**Песня об Отчизне**». А поет на свою же мелодию кто, а'капелла?

СОЛЬВЕЙГ. Автор, автор – кто же еще? У кого еще сразу столько талантов?

АВТОР (*кланяясь Сольвейг*). Самый главный талант у тебя, о прекрасная, чудо света? Это талант ожидать и любить, любить и ожидать.

«Песнь об Отчизне»

«Вперед, сыны земли родной!
Вперед, священный пробил час!
Отваги истинной, не мнимой
Свобода требует от вас.

Коль нет пути для примиренья,
Коль другом враг не может стать,
Нужны порой бесстрашие зренья,
Душа бойца, мужская стать.

При этом ведают герои,
Что вовсе не слепая месть
Умножит наши силы втрое,
А разум, искренность и честь.

И победит в бою кровавом
Не сабель большее число,
А убежденность в деле правом,
Чтоб дух к вершинам вознесло,
Чтоб дух к вершинам вознесло!»

Оркестр Большого театра. Маршевый ритм. Верди. Из «Набукко». «Песня плененных рабов».

Картина четвертая

Все та же «Песня плененных иудеев-рабов».

СОЛЬВЕЙГ. А я все жду, жду. Корабля с моим Пер Гюнтотом – то за северным сиянием, то за песней об Отчизне. И вот теперь за этой песней Верди из «Набукко» – «Песни закованных рабов».

«Мне жаль их, у них не гремели звонкие цепи...
О, мой Пер Гюнт! Ты свободен?
Ты как птица Орел?
Паришь ко мне над Океаном любви?
Я верю и жду, жду и надеюсь
И не устану любить».

Из-за угрюмости моря, из-под тяжких, суровых ритмов
«Набукко» возникают слова.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Их пишут сами пламена, самое
северное сияние для нашей прекрасной Сольвейг,
ждущей и верящей через века.

Вот он голос небес из минувшего. Пой, пой, Автор! На
мелодию своего сердца, своей души!

ГОЛОС АВТОРА (*выступая вперед*).

«Песня 6-го легиона».

(гимн археологов)

«Пусть я погиб под Ахероном
И кровь моя досталась псам.
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона,
Как прежде, рвется к небесам.

Как прежде, храбр он и беспечен
И, как всегда, неурашим.
Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век солдата быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.

Под ассирийским знойным небом,
В сирийских гордых городах
Шагов солдатских грохот мерный,
Шагов солдатских грохот мерный,
Заставит дрогнуть двух врага.

Мозоли, кровь и пот не в тягость,
На раны плюнь, не до того!
Нам дал приказ Тиберий Август,
Нам дал приказ Тиберий Август,
Мы должны выполнить его.

Сожжен в песках Ерусалим
В водах Ефрата закален,
Во славу кесаря и Рима,
Во славу кесаря и Рима
Шестой шагает легион,
Шестой шагает легион,
Шестой шагает легион».

СОЛЬВЕГ (*оживая в камне своем беломраморном, привставая на цыпочках*). Корабль! Вижу корабль!.. Это Пер Гюнт! Он жив! Я это знала, знала...

ГОЛОС АВТОРА. А в трюме пел песню из «Набукко» хор иудеев – хор полоненных, ждущих свободы рабов.

Финал. Оркестр Большого театра России.

ЭКСПРЕСС «МОСКВА – ВЛАДИВОСТОК» (По диким степям)

(музыкально-лирическая новелла)

Одноактная мелодрама

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

АЛЕША – МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ. «Молодогвардеец, только что принятый в Союз писателей и едущий на БАМ, в Забайкалье, в командировку от журнала «Молодая гвардия».

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ С КАМЧАТКИ – офицер, едущий на место несения службы.

КСЮША – его жена, в составе купе.

ЕРОФЕИЧ – начальник станции, возвращающийся из отпуска, побывав в Сочи, в составе купе.

АБОРИГЕН АНДРЕЙ – хозяин тайги, с сожженным горлом, работающий в Забайкалье на лесоповале, из соседнего купе.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА – гид, сопровождающая группу шведских туристов, едущих на Байкал, из соседнего вагона.

ХРИСТЯ – молодая шведка, 18 лет, из группы туристов в соседнем, международном вагоне.

Скорый поезд «Москва – Владивосток». Плацкартный вагон, где находятся наши друзья, едущие на Восток. И соседний купейный вагон со шведскими туристами. В поезде имеется вагон – ресторан.

Отойдя от Ярославского вокзала в Москве, скорый поезд находится в постоянном движении, следуя по маршруту без остановок. Молотит и молотит, съедая километры. Сначала строго на Север – на Ярославль. Сама собой возникает известная мелодия на фатьяновские слова. Вот она.

«Дорога, дорога
Нас в дальние дали зовет,
Быть может, до счастья осталось немного,
Быть может, один поворот.

Глаза твои искрятся смехом,
Но мимо проходят твой путь.
Быть может, я счастье проехал
И надо назад повернуть».

Мелодия развивается.

... Но где же ты моя, необходимая
Любовь навеки...
Но где-же тот перекресток.
Где ждет меня,
Где ждет меня любовь,
Необходимая,
Любовь навеки...»

Сменяется еще одной энергичной дорожной мелодией.

«Любимая, знакомая,
Широкая, зеленая –
Земля родная Родина –
Привольное житье.
Эх, сколько нами видано!
Эх, сколько нами слыхано!
Эх, сколько мною пройдено!
И все вокруг мое».

Картина первая

*Купе скорого поезда «Москва – Владивосток». В купе –
трое: Алеша – молодой писатель, Петропавловский –
офицер, Ксюша – его жена. Четвертый у столика –
пассажир из соседнего купе, Абориген.*

Едва отъехав от Москвы, все начинают устраиваться, вытаскивают еду, ставят бутылки на столик. Достает бутылку из своего портфеля и молодой писатель. Приглашают одинокого пассажира из соседнего купе. Поднимают первый тост за знакомство.

ОФИЦЕР. Я – Петропавловский, капитан. И что самое интересное, живу в Петропавловске на Камчатке. И вот жена моя – Ксюша, учительница французского.

ПАРЕНЬ *со смуглым лицом, из соседнего купе (запевая), сильным голосом.*

«Будь пррроклята ты, Колыма,
И борт парохода угрюмый».

КСЮША *(живо)*. Да не Колыма, не Магадан, а Петропавловск, Камчатка, полуостров, описанный Крашенинниковым...

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ. Знаем, ученый такой был великий. У меня есть такой раритет... Вот такая толстенная книга... из девятнадцатого века...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ *(молодому писателю)*. Ну и с кем имеем честь?

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ. Алеша я, недавно принят в члены Союза писателей. И вот направляюсь на БАМ, от журнала «Молодая гвардия».

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ *(к гостю из соседнего купе)*. А ты? Из Магадана?

ГОСТЬ ИЗ СОСЕДНЕГО КУПЕ *(сильным, ссаженным голосом)*. Абориген я, забайкальские мы. На лесоповале работаем...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ *(метнув острый глаз на него)*. Сырцом – спиртецом горло сжег?..

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ *(перебивая неловкую паузу)*. А я тоже... Алеша вот, родом с Орловщины, с речки Алешни. Вот такие стихи, еще в молодости написал.

«Алешня»

«Алешня в пойме травяной настой.
Страна ракит в березовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде по самую шлею.

Я – русский конь в упряжке ременной.
Воз с переметом затянуло в речке.
Как там пряник, кнут вневременной!
Как дернут – оборвут, боюсь, уздечку.

Боюсь соваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться
Пока мы живы, Бога не гневи.
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!

По всей Алешне от берез светло.
По всей долине тянется туман.
Неси, Алешня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан».

ОФИЦЕР (*поднимаясь*). О, за такие стихи, за «Алешню»
и Льва Толстого грех не выпить.

АБОРИГЕН (*рассмеявшись сипло*). Грех – е – х...

КСЮША (*вставая*). За Ледовитый океан....

Поезд останавливается.

ПРОВОДНИК (*кричит от двери*):

– Ярославль!

ВСЕ ВКУПЕ. Как, уже?

По проходу идет небольшой такой человек: в парадной железнодорожной форме, в форменной фуражке с огромной тульей. Человек ищет глазами номер своего купе. Останавливается перед ними: так, сюда...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ (*глядя на него изумленно*). Вы что – министр, почетный железнодорожник?

ЧЕЛОВЕК В ФУРАЖКЕ. Ерофеич я, начальник станции. Будем проезжать, покажу... Возвращаюсь из отпуска. В Сочах был... Вот это (*кладет небитый рюкзак на сиденье*) – воспоминанья...

КСЮША. О чем?

ЕРОФЕИЧ (*присаживаясь*). О море. Единственный раз попал в отпуск на море... на пляж... Ой, держите меня! Ну, думаю, каждый день покупать буду бутылку, а выпить найдем с кем...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ. Ну и... как?

ЕРОФЕИЧ. А вот. Все целы. И все, между прочим, разные.

Заметив на столе угощение, тут же вытаскивает из рюкзака пару бутылок, выставляет на кон.

АБОРИГЕН. Гляди, рад невозможно, как козел, аж блекочет.

ЕРОФЕИЧ. Рад, а как же. Железная дорога – моя стихия. Вся жизнь прошла на ней... Транссибирская магистраль... Бывало, еще паровозы ходили. На дровах. Целый месяц ехали на Дальний Восток. И женились, и разженились, и детей рожали... Дрова кончатся, пилу в зубы и в тайгу...

АБОРИГЕН (*довольный собой*). На лесопова-а-ал.

ЕРОФЕИЧ. Ну так это... за что тост?

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ. Как за что? За дружбу. Вишь как сразу вписался, есть с кем выпить...

ЕРОФЕИЧ. А что, братцы, великое дело это – дружба.

КСЮША. За Ерофеича.

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША. За его высокую тулью... на фуражке-то...

ЕРОФЕИЧ. Это я из музея взял. Для Сочей специально. Всем гуртом собирали в дорогу... Видите, чемодан?

АБОРИГЕН (*приподнимая*). Ого, груз неподъемный.

ЕРОФЕИЧ. Это своим везу. Специально. Контрольные бутылки. Я по две покупал: одну – себе, в рюкзак, для текущих расходов. А другую, контрольную, в чемодан, для своих... А это – клюквенная...

И достает из рюкзака еще пару бутылок.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ (*рассмеявшись*). Ну даешь, дядя!

КСЮША (*глядя восхищенно в окно*). Ой! А поезд-то как молотит!

ЕРОФЕИЧ. Километраж, дорога известна. Сутки – и Свердловск. Еще сутки – и Новосибирск... Еще сутки – и...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ. Красноярск. А самолетом – час полета. Вслед заходящему Солнцу. У меня было так раз, когда в Иркутске служил. В Иркутске взлетели в десять вечера и в Москву, в Домодедово, прилетели в десять вечера...

ЕРОФЕИЧ. Станция моя маленькая, поезд, конечно, не останавливается. Мы выходим в Новосибирске, а потом до станции – электричкой (*гордо*). А без нашей станции (*называется Ерофей Палыч*) нет всей Транссибирской железной дороги! Будем проезжать – покажу...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ. Ночью будем проезжать-то, и ты, Ерофеич, до того уже выйдешь.

ЕРОФЕИЧ (*вздыхнув*). Уж выйду, да. Но кахартер мой с вами останется. Буду следить за вами, пока не доедете...

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*рассмеявшись, радостно*). Во, брат, какой персонаж попался! Мне Ольга Кожухова и говорит: Алеша, ездий по стране...

ЕРОФЕИЧ. Кто такая Ольга Кожухова?

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША. Писательница, очень хорошая, фронтовичка. Медсестрой была, раненых с поля боя

вытаскивала. Написала повесть «Двум смертям не бывать». Как Юлия Друнина в поэзии, так и она в прозе – замечательный человек... Все мои враги, Леночка, будут твоими...

ЕРОФЕИЧ (*положив руку на плечо Алеше*). Молодой! Вот молодых люблю! Обожаю Шолохова, Юлия Друнину, Ольгу Кожухову – всех «молодогвардейцев».

Картина вторая

Поезд идет на Восток.

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*доставая магнитофон, ставит его на столик*). Сейчас послушаем, что я тут записал, а потом и сами петь будем. Кстати, мать у меня пела в хоре Пятницкого – в первом еще, деревенском...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ. Нет Ерофеича, жаль. И не заметили, как вышел. Проводили бы...Трое суток молотим. Еще ночь и утроем Байкал...

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*включая магнитофон и под переборы испанский гитары*). А у меня с утра день рождения. 24 июня – день русской березы.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ (*Алеше*). Слушай сюда, ты под звездой родился! День летнего солнцестояния, самые длинные дни в году... Это дело надо отметить... Абориген!

АБОРИГЕН (*хлопая себя по карманам*). Нет ничего.

КСЮША. Да есть пока, есть у нас тут...

АБОРИГЕН. Ну, значит, потом, опосля.

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША. Утром выпили, в обед закусили.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ. Ну, чего там, дело к вечеру, уж пора. Вот деньги, ребята. И дуйте, Алеша, с Аборигеном, в вагон-ресторан. А мы тут с Ксюшей стол сообразим, кой-какой закусон сварганим...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Нагрузились в вагоне-ресторане. Абориген сумарек несет, а писатель Алеша бутылки: вино по пять штук между пальцами, в каждой руке. А на «базу», в свое купе, возвращаться через купейный международный вагон. А в купейном народищу – не пробиться.

ЖЕНЩИНА (*писателю Алеша, на чисто русском*). Меня зовут Варвара Григорьевна, я гид. А это группа шведских туристов, едет на Байкал, а я их сопровождаю.

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША. А я на БАМ еду, в Тоннельный отряд на Северном Байкале... от журнала...

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА. А вот ей (*показывая на девушку – белокурую бестию*) стукнуло восемнадцать. Отмечаем... Это вам (*подает она Алеше бокал*), а это вам (*подавая бокал Аборигену*).

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*смутясь*). И куда ж я... возьму-то как? Руки заняты. А – а – а... Видал как?

И шарах из одной руки все пять бутылок в массы. А в другой еще пять бутылок себе оставил.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА. И кому это?

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША. Как ее, Христя?.. Христе, значит, в честь ее дня рождения.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И пошло, покатило. Все как по маслу. И понесло Алешу «по диким степям Забайкалья».

АЛЕША (*поднимая бокал*). Сначала, конечно, тост за нее... Христю... за ее восемнадцать лет. «В жизни ррраз бывает восемнадцать лет»... Ну, и Петра Первого вспомним, который отучил с нами вас воевать.

ВСЕ КРИЧАТ: О, Питер, Питер!

И бокалами тянутся.

АЛЕША. Конечно, Питер. Он научил нас с вами дружить.

ТУРИСТЫ. Спойте, спойте русскую песню!

И К АБОРИГЕНУ. Спойте, спойте!

АЛЕША (*в сторону*). А у него голос ссаженный. В тайге то ли спиртом – сырцом, то ли морозом горло сожжено. Ну что делать-то?

АЛЕША (*Аборигену*). Как тебя зовут-то хоть?

АБОРИГЕН. Филя.

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*в сторону*). Выручать Россию надо. Вот ему (*Филиппу – любящему лошадей*) сразу два слона на ухо наступили.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА. Как это... два? Сразу столько много животных?

ФИЛЯ (*под бок Алешу*). Ну спой им, спой! Да сматываемся отсюда, ждут ведь в купе.

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*разворачиваясь лицом ко всем*). Ну, ладно. Сейчас запоем вам... голосом Бориса Рубашкина. Этот певец такой... потомок русских эмигрантов... Естественно, про Байкал, который, чуем все мы тут уж всеми своими фибрами... где-то рядом...

ГИДША. Что такое «фибры»?

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША. «Славное море – священный Байкал».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Филипп достает из моего сумаря магнитофон, включает его. Так и поют вдвоем: Борис Рубашкин – для виду и писатель Алеша – по заявке иностранных туристов.

«Славное море – священный Байкал!

Славный корабль – омулевая бочка.

Эй, баргузин, пошевеливай вал!

Молодцу плыть недалечко.

Долго я тяжкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня,
Вкруг городов озираясь зорко.
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Славное море – священный Байкал,
Славный мой парус – кафтан дыроватый,
Эй, баргузин, пошевеливай вал!
Слышатся грома раскаты».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Эх, как кинулись они к Алеше и ну обнимать, целовать, чокаться! Да все подсовывают мне эту свою белокурую бестию, восемнадцатилетнюю Христю.

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*в сторону*). Дай для передыху, марш Свиридова им включу, для пробуждения русского духа.

Оркестр. Марш Георгия Свиридова.

И далее прекрасная мелодия романса Свиридова.

ФИЛИПП (*писателю Алеше*): Ну, а самом-то ты что можешь, собственным голосом?

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*в сторону*). Вижу, на дворе за окнами уже вечер, темно. Ночь.

Запевая.

«Ах ты, ноченька!
Ночка темная,
Ночь темная,
Ночь осенняя.
Что ж ты, ноченька,
Принахмурилась?
Что ж, осенняя,
Затуманилась?»

Что ж ты, девица,
Призадумалась?
Или нет у тебя
Друга милого?»

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Оскар Строк. Мелодия вдруг рождаясь как бы из слов, а слова Оскара Строка – в душе!

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (*запевая это танго*).

«О, эти черные глаза
Меня пленили.
Их позабыть никак нельзя, –
Они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза
Кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда
И счастье, и покой».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И все, бросившись друг к другу, разбившись на пары, заскользили по узкому коридору купейного вагона. Христя стояла перед Алешей.

Мелодия.

«Был день осенний. И листья грустно опадали,
В последних астрах печаль хрустальная жила.
Слезы ты в этот вечер проливала,
Но не любила. Со мной прощалась ты.

Ох, эти черные глаза
Меня пленили.
Их позабыть никак нельзя –
Они горят передо мной...

Защелкали фото со вспышкой.

Ах, эти черные глаза
Меня любили.
Куда же вы скрылись вы теперь?
Кто близок вам другой?..»

ПИСАТЕЛЬ АЛЕША (закрываясь рукой, в сторону – насторожась).

Еще и в журнал поместят... не успеешь приехать – будешь торчать на обложке.

АЛЕША (*в сторону*). И смотрю я в глаза этой белокурой бестии Христе... одного со мной дня рождения... А глаза у нее голубые... Красивая, восемнадцатилетняя...

ГИДША ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА (*подходя к Алеше*). А еще чего-нибудь можете вы... своим голосом?

АЛЕША. Могу – попури, например.

«Любил я очи голубые,
Теперь люблю я черные.
Те были милые такие,
А эти непокорные.

Склони головку мне на прощанье,
Склони скорей мне на плечо.
В последний миг наш расставанья
Целуй меня ты горячо...»

Очи черные, очи страстные... Нет, сначала начну!

«Очи чёрные, очи жгучие,
Очи страстные и прекрасные!
Как люблю я вас,
Как боюсь я вас.
Знать, в недобрый час
Повстречал я вас.
Ох, скатерть белая
Залита вином!
Все цыгане спят
Непробудным сном.
Лишь один не спит,
Пьёт шампанское
За очи черные,
За цыганские.
Ах, цыганочка,
Ты мне нравишься,
Поцелуй меня,
Не отравишься!
Поцелуй меня,
Потом я тебя,
Потом вместе мы
Поцелуемся.
Очи черные!
Очи страстные, очи жгучие
И прекрасные.

Как люблю я вас,
Как боюсь я вас.
Знать, в недобрый час
Повстречал я вас».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И так завело его все это, что молодой писатель Алеша, раздухарившись, достает из сумки еще одну кассету.

АЛЕША (*ставя кассету*). Нет, лучше я вам то же самое голосом Шаляпина покажу. И слова немножко другие. Слушайте, господа шведы! Как поет русский человек!..

Поет Федор Иванович Шаляпин. С хором.

«Очи черные, тучепламенны,
И манят страны дальние,
Где царит любовь,
Где царит покой,
Где страданья нет...»

ХОР (*повторяя*). «Очи черные»...

ШАЛЯПИН. «Не встречал бы я вас,
Не страдал бы так,
Я бы прожил жизнь, припеваючи.
Вы сгубили меня!
Очи черные!
Унесли навек мое счастье.

С ХОРОМ. Очи черные, очи жгучие
Очи страстные и прекрасные!

Вы сгубили меня,
Очи черные,
Унесли навек,
Мое счастье...
Как люблю я вас,
Как боюсь я вас,

Знать увидел вас
Я в недобрый час...»

АЛЕША. Все замерли тут в изумлении, и сам я в какой раз уже стою, изумленный от этого голоса. Вот Русь гуляет!.. Гляньте за окно-то. А поезд молотит, молотит по диким степям пока еще Предбайкалья!.. Иех! (*запевая*).

«Ехали цыгане
С ярмарки домой да домой!
Они остановились
Под яблонькой густой.
Эх, загулял, загулял, загулял
Парень молодой, молодой
В красной рубашоночке,
Хорошенький такой!
Иех, да загулял, загулял, загулял
Парень да молодой, молодой.
Эх да, в красной рубашо – ноч – ке – е,
Хорошенька – а – ай такой – йе!...»

Картина пятая

ШВЕДЫ (*Алеше через переводчика*). Что ж это вы с Шаляпиным-то не стали петь?

АЛЕША (*шведам через переводчика*). Да Шаляпин говорит, только с Козловским петь буду.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА (*Алеше*). А «Шумел камыш» можете?

АЛЕША. Могу.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА. А «Мурку»?

АЛЕША. И «Мурку».

Вот. «Шумел камыш»

«Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темною была,
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.
А поутру они вставали,
Кругом помятая трава.
Да не одна трава помята,
Помята молодость моя.
Придешь домой, а дома спросят,
Где ты гуляла, где была?
А ты скажи: в саду гуляла,
Домой тропинки не нашла.
А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда.
Она пришла, его там нету,
Его не будет никогда.
Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темною была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра».

АЛЕША (*распаляясь вовсю*). И еще. Русская народная.

«Ямщик, не гони лошадей»

«Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь.
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь.

Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить!
Ямщик, не гони лошадей!

Как жажду средь мрачных равнин
Измену забыть и любовь,
Но память, мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.

Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить!
Ямщик, не гони лошадей!

Все было лишь ложь и обман,
Прощай и мечты, и покой!
А боль незакрывшихся ран
Останется вечно со мной.

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!..»

ФИЛИПП (*на ухо Алексею*). Глянь, а эта шведка-то молодая, Христя, совсем ручная стала около тебя.

АЛЕША (*улыбаясь Христе и на весь коридор туда, до той двери. А'капелла. По-лемешевски*).

«Ах ты, душечка,
Красна девица!
Мы пойдем с тобой
Разгуляемся.
Мы пойдем с тобой
Разгуляемся
Вдоль по берегу Волги-матушки.
И пускай...»

ФИЛИПП, ФИЛЯ (*толкая Алешу под бок*).

«Мурку» давай, «Мурку».

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА (подходя к Алеше). Давайте и «Мурку».

АЛЕША (в сторону). Еще и этого не хватало! Вон «блицами» уж засверкали... Это точно, попадешь на обложку журнала с каким-нибудь латинским названием... «Фигаро», например... Дай-ка я им голосом Шаляпина «сомнения» свои покажу...

ВСЛУХ. Послушайте еще раз Федора Ивановича.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА (подозрительно). Это какого же?

АЛЕША. Шаляпина.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА. Хорошо.

АЛЕША. **Шаляпин. «Сомнения»**

Включает магнитофон. Скрипка.

«Уймитесь, волнения страсти!

Усни, безнадежное сердце!

Я плачу, я стражду,

Душа истомилась в разлуке.

Я стражду, я стражду,

Не выплакать горя слезам.

Напрасно надежда

Мне сказки гадает.

Не верю, не верю

Наветам коварным.

Разлука уносит любовь.

Как сон неотступный и грозный,

Мне снится соперник счастливый,

И тайно, и злобно кипящая ревность пылает.

И тайно, и злобно

Оружия ищет рука.

Напрасно несмело
Мне трезвость гадает
Не верю, не верю
Коварным наветам.
Я знаю, ты будешь со мной.

Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга.
И страстно, и жарко
Забьется воскресшее сердце.
И страстно, и жарко
С устами сольются уста!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Скрипка завершает шалашинский апофеоз.

Картина шестая

ФИЛИПП, ФИЛЯ (*Нерпеливо*). «Мурку» давай,
«Мурку»!

АЛЕША. Да что я вам певец, что ли? Я все же писатель.
Вот. «Каменная рапсодия». Венок сонетов вместо
пролога... Нет, лучше «Чаша Грааля».

Мои стихи. «Изгоняли из рая самого Люцефера,
И упал изумруд с головы на траву.
Кто-то выточил чашу: служи, полусфера,
Питию и веселью, роду иро-до-ву!

И стояла пред всеми высокая чаша,
И Граалем святым нарекли ее дно.
И на вечере тайной, молитвы шабаша,
Сам Христос из нее пил золотое вино!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Замерли шведы во весь коридор,
очарованные непонятной музыкой слов.

И, пригубив едва из небесного камня,
В кубке кубков лоя отражения звезд,
О Мессии, любви говорил очень странно,
Кой-кому не по сердцу такое пришлось.

А затем в изумруды Грааля сливали
Кровь распятого миром Христа.
И на небо Грааль силы духа призывали,
К двери Веры с небес уж пришла Красота.

Люди пили из чаши и – передавали
Из рук в руки ту чашу и – передают.
И на дне Красоту у Грааля искали
И все ищут и ищут, да пьют все и пьют.

С той поры эта чаша священников, магов,
Чей-то ангел-хранитель, зеленый вулкан.
Это в камне космической матери влага,
Мост такой нам на Небо божественный дан».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

И снова возникает танго Оскара Строка.

«Ах, эти черные глаза...

Они стоят передо мной»...

И, подхватив друг друга за талию, все опять заскользили
по коридору под эти невыразимо прекрасные ритмы.
По длинному, длинному, как жизнь вся еще впереди,
многокупейному коридору.

АЛЕША (*танцует с Христей и напевая интимно ей, лишь ей одной, и больше никому*).

«Был день осенний. И листья грустно опадали.

В последних астрах печаль хрустальная жила.

Слезы ты в этот вечер проливала,

Но не любила ты. Со мной прощалась ты.

Ох, эти синие глаза
Меня пленили.
Их позабыть никак нельзя,
Они горят передо мной»...

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА (*подбегая к Алеше*).

Про ямщика спойте им! Про ямщика!
Какой в степи замерзал!
Прошу вас...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Пауза. Испанская гитара.
Армик. «Аранхуэзский концерт, – по широте и грусти,
очень схожий с нашей славянской душой.

ФИЛЯ (*Алеше*). Ждут ведь, идем.

АЛЕША (*торопясь уходить и собирая всю волю, чтоб
оторваться от Христи*). Ну, хорошо! Последнюю и
пошли... (*Гидше*). Переводите им. Русская народная
песня. Про ямщика, замерзающего в степи.

Варвара Григорьевна сказала одно лишь слово.

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ. Интересно все же, что вы им
сказали?

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА. По ситуации. Про
любовь.

АЛЕША (*артистично встав в позу*).

«Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку,
И крепко же, братцы, в селенье одном
Любил я в ту пору девчонку.

Сначала не чуял я в девке беду,
Потом задурил не на шутку:
Куда ни поеду, куда ни пойду,
Все к милой сверну на минутку.

И любо оно, да покоя-то нет,
А сердце болит все сильнее.
Однажды дает мне начальник пакет,
Свези, мол, на почту живее!

Я принял пакет — и скорей на коня,
И по полю вихрем помчался,
А сердце щемит да щемит у меня,
Как будто с ней век не видался.

И что за причина, понять не могу,
И ветер так воеет тоскливо...
И вдруг — словно замер мой конь на бегу,
И в сторону смотрит пугливо.

Под снегом-то, братцы, лежала она!
Закрылися карие очи.
Налейте, налейте скорее вина,
Рассказывать нет больше мочи!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А поезд идет и идет — на Восток, навстречу солнцу. Утром уж будет Байкал. Кто-то включает магнитофон. Протяжная, грустная мелодия, переходящая в энергичные ритмы. Казачий кубанский хор. «Есаул».

МУЖСКОЙ ГОЛОС. «Под ольхой задремал есаул молоденький,

Преклонив голову, головой в седло.
Не буди казака, ваше благородие...
Гуляй, мой Дон, станичники!..
Гуляй да пой, казачий Дон!..
Не буди, атаман, есаула верного,
Он в ответ и тебя спас в лихом бою...

Задремал под ольхой есаул на роздыхе,
Не буди своего друга, атаман...
Не буди, атаман, ты судьбу свою...
Гуляй да пой, казачий Дон!..»

ФИЛЯ, АБОРИГЕН (*ширяя пальцем под бок Алеше*).
«Мурку» спой, «Мурку»!

АЛЕША (*исамдлясебянеожиданно,гидше*). «Окрасился
месяц багрянцем».

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА (несколько иронично).
Что – и за женщину можете спеть, за Лидию
Русланову?

АЛЕША (*подмигнув Аборигену*). Могу, – сказал
Финдлей.

*И направил на свой магнитофон с транзистором
голос Лидии Руслановой исключительно для Варвары
Григорьевны.*

«Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красотка, кататься!
Давно я тебя поджидал.

– Я еду с тобою охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.

– Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

– Нельзя? Почему ж, дорогой мой?
А в прошлой, минувшей судьбе,
Ты помнишь, изменщик коварный,
Как я доверяла тебе?

– Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красotka, кататься,
Давно я тебя поджидал».

Картина седьмая

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Все в вагоне тут же провозгласили тост за Лидию Русланову, за ее долгие лета в памяти человеческой. А Христя поцеловала Алешу в губы.

АЛЕША (*не растерявшись*). Так в чем дело? Давайте еще разок тост поднимем за Христю, за международное сотрудничество, за Варвару Григорьевну.

ФИЛЯ (*хватая Алешу за локоть*). «Мурку», «Мурку» давай.

АЛЕША (*отстраняясь от него*). Вот привязался... А это Иван Козлов. Заметим, не Иван Козловский, а Иван Козлов. Из XIX века.

(*Запевая а'капелла*). «Вечерний звон,

Вечерний звон,

Как много дум

Наводит он.

О юных днях

В краю родном,

Где я любил,

Где отчий дом...»

АЛЕША (*Гидше, решительно*). Эх, была не была! «Мурку», что ли, вам спеть? Голосом опять-таки... на всякий случай... Бориса Рубашкина.

ФИЛЯ, АБОРИГЕН (*подталкивая Алешу под локоть*).
Ну, и «Чубчик кучерявый».

АЛЕША. Ну, и «Чубчик».

Включает магнитофон. Поет Борис Рубашкин.

«Чубчик, чубчик кучерявый.
Развевайся, чубчик, по ветру!
Раньше, чубчик, я тебя любила,
И теперь забыть я не могу.

Бывало, одену шапку на затылок,
Пойду гулять с полночки поутру.
Из-под шапки чубчик так и вьется,
Так и вьется чубчик по ветру!

Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
А ты не вейся по ветру.
А ты, карман, карманчик мой дырявый,
Вот ты не нра– не нравишься вору!

Пройдет зима, настанет лето,
Сады в цвету, так пышно расцветут.
У меня, у бедного мальчонки,
Ручки да ножки цепями закуют.

Но я Сибири, Сибири не боюсь,
Сибирь ведь тоже русская земля.
Развевайся, чубчик кучерявый,
Ты развевайся, провожай меня.

И тут же «Мурка».

«...Раз пошли на дело –
Выпить захотелось..
Там она сидела
С лягавыми напару,
И в руках у ней
Блестел наган...
В темном переулке
Встретились две урки...
Здравствуй, дорогая,
И прощай,
Ты зашухарила
Всю нашу «малину»
И теперь награду получай...
В темном переулке,
Где гуляют урки,
Мурка окровавленной лежит»...

И тут же мелодия, оркестр, танго Оскара Строка. И тут же заскользили пары по этому длинному коридору.

АЛЕША (Филе – Абorigену на фоне танго). Ну что, доволен?

ФИЛЯ. По самую завязку.

Упругие ритмы танго, они достают отсюда аж до Аргентины. Оживленные голоса. Сияние глаз.

АЛЕША (Абorigену). Ну и как тебе гидша?

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА (*тут же возникая, как изпод земли*). Спойте им, Алексей, про мороз. А то в Сибири побывают летом в жару и будут думать, что тут всегда жарко.

АЛЕША (*засмеявшись*). Ничего, ничего, мы сейчас их в валенки обуем.

Включает магнитофон. Лидия Русланова.

«Валенки»

«Валенки да валенки,
Ох, да не подшиты, стареньки!
Нельзя валенки носить,
Легче к миленькой сходить!
Валенки, да валенки,
Ох, да не подшиты, стареньки!

Ух ты, Коля, Коля-Николай,
Сиди дома, не гуляй!
Не ходи на тот конец,
Не носи девкам колец!
Валенки да валенки,
Ох, да не подшиты, стареньки!
Чем подарочки носить, –
Лучше валенки подшить.
Валенки да валенки,
Эх, да не подшиты, стареньки!

Люди, люди! Видит бог,
Как же я любила,
По морозу босиком
К милому ходила!
Валенки да валенки,
Эх, да не подшиты, стареньки!
Валенки, да валенки,
Эх, да не подшиты, стареньки!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Эх, как они разошлись тут, шведы эти, туристы! Ногами топают, притопывают, а потом всей гурьбой и повалили вслед за Алешей с Аборигеном в их плацкартный вагон.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ, ОФИЦЕР (кидаясь навстречу Алеше). Да где же вы пропадали!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А тут за спиной Алеши с Филей шведы, всей кучей. Вместе с Христей своей и Варварой Григорьевной, гидшей. Перезнакомились тут же с Петропавловским, с его женой Ксюшей. И давай тут уже петь, плясать, хохотать.

АЛЕША (подмигнув Петропавловскому, туристам). Мы тут вас можем не только в валенки обуть, но и... но и.. набросить на плечи шаль.

«Тёмно-вишневая шаль»

Алеша поет а'капелла.

«Я о прошлом теперь не мечтаю,
И мне прошлого больше не жаль.
Только много и много напомним
Эта тёмно-вишнёвая шаль.

В этой шали я с ним повстречалась,
И любимой меня он назвал.
Я стыдливо рукой закрывалась,
А он нежно меня целовал!

Говорил мне: «Прощай, дорогая!
Расставаться с тобою мне жаль.
Как к лицу тебе, слышишь, родная,
Эта тёмно-вишнёвая шаль!»

Я о прошлом теперь не мечтаю,
Только сердце затмила печаль.
И я молча к груди прижимаю
Эту тёмно-вишнёвую шаль».

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ (*гидше*). Ну что, расставаться
пора? Ночь глубокая на дворе.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА (*кокетливо*). А нам все
равно... выходить теперь скоро в Иркутске...

АЛЕША. Давай тогда Шаляпина послушаем. На память.
На добрую память о нас, русском народе.

Ф.И.Шаляпин. «**Ноченька**»

«Ах, ты, ноченька, ой!
Ночка тёмная.
Ночка тёмная, а-ах,
Ночь осенняя.
С кем-то я ноченьку,
С кем осеннюю,
С кем, да, длинную, ах,
Коротать буду.
Нет ни батюшки, ох,
Нет ни матушки,
Только есть, как есть,
Ох, да одна зазнобушка.
Только есть одна,
Ах, одна зазнобушка,
Только есть одна-а-а...
Мил сердечный друг...а-а-а...»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

*Голос долго-долго, тонко-тонко уходит, уходит куда-то,
как волосяная нить.*

ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА (*Алеше*). Как – вы тоже поете,
да?..

КСЮША. У него мать в хоре Пятницкого пела.

ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА (продолжая). А вы сами-то песни пишете, сочиняете?

АЛЕША (смущенно). Да есть такое дело маленько. Как бог на душу положит. Вот, например, слова Кольцова на мои музыкальные фальцеты... Вот, пою а'капелла.

«Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые,
Запылись ты, путь-дороженька,
Дай мне весточку, моя пташенька!

Я рекой пойду да по бережку,
Полечу горой да за облачко,
На край света на край белого,
Искать стану друга милого.

Я найду его, где б ни был он,
Я скажу ему: стыдно, совестно
Бросить дом свой, отца старого,
Да бог весть куда завихриться.

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует меня ласково.

Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые,
Запылись ты, путь – дороженька,
Да мне весточку, моя пташечка».

Картина восьмая

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А за полночь раздался стук в окно.
МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ (*выглядывая, и на все купе*).
Стоим! Иркутск... Гляньте кто на платформе! Весь вагон
шведский: смеются, машут руками, прощаются.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ (*тоже заглядывая в окно*).
Гляньте-ка, дежурный! Фуражка-то с тульей высокой,
как у Ерофеича.

АБОРИГЕН (*делая знак рукой*). Эй, Ерофеич! Поди
сюда к нам.

АЛЕША, ПИСАТЕЛЬ (*махая рукой дежурному
и показывая на группу туристов*). Друзья наши!
Присмотри тут за ними... чтобы все тут было в ажуре...
Швеция, международное сотрудничество, дружба...

КСЮША (*подмигивая Алеше сюда и смеясь туда за
окно*). И, может, даже любовь.

ПЕТРОВСКИЙ (*расчувствовавшись*). Вот люди!
Побыли всего ничего, а эффект...

КСЮША (*подхватывая*)... на всю жизнь.

ФИЛЯ, ФИЛИПП, АБОРИГЕН. Смотрите-ка,
Христя – плачет... прощается...

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ АЛЕША, «молодогвардеец».
Вампиловские места. Вампилов тут жил... Прощаются с
нами, с нашей русской душой, с русской песней... Эх, да
дорогая ты наша великая Лидия Русланова! Послужка
еще разок людям, миру и процветанию (*приоткрыв
окно*). Слушайте, все: и платформа, весь Иркутский
вокзал! Золотая, голубоглазая...

Включает магнитофон. Поет Лидия Русланова.

«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Распахнув двери, так и стояли они, проезжая платформу, вокзал. А поезд шел на Восток, навстречу восходящему солнцу. Уж тут он, где-то близко, синий Байкал глубиной 1672 метра, раскол земной, заполненный чистейшей в мире пресной водой.

АЛЕША (*стоя на порожках и туда, Христе, туристам, отходящим на Запад вместе с огнями вокзала*). Любил я очи голубые, теперь люблю я черные...Славное море – священный Байкал...

Занавес.

НЕЖНОСТЬ
(Русский романс)
(музыкально-лирическая новелла)
Одноактная мелодрама

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ТАТЬЯНА ДОРОНИНА, запевая песню А.Пахмутовой
«Нежность» из кинофильма «Три тополя на Плющихе»,
песню о летчице Сент-Экзюпери.

«Опустела без тебя земля,
Как мне несколько часов прожить?

Листья падают...

Твою нежность ... ой...»

Летчик был такой...

«Так же падала листва в садах»...

АННА ГЕРМАН поет так же песню А.Пахмутовой
«Надежда».

«Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами – города,
Взлетные огни аэродрома.

Здесь у нас туманы и дожди,
Здесь у нас холодные рассветы,
Здесь на неизведанном пути
Ждут замысловатые сюжеты.

Припев: Надежда – мой компас земной,
А удача – награда за смелость.
А песне довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось.

Ты поверь, что здесь, издавека,
Многое теряется из виду.
Тают грозовые облака,
Кажутся нелепыми обиды.

Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радости скупые телеграммы.

Припев. Надежда...
И забыть по-прежнему нельзя
Все, что мы когда-то не допели,
Милые усталые глаза,
Синие московские метели.

Снова между нами города,
Жизнь нас разлучает, как и прежде.
В небе незнакомая звезда
Светит, словно памятник, надежде.
Припев. Надежда...

Картина первая

Орел. Музей писателей-орловцев.

АВТОР. Сажу тут, в фетовском зале, и жду своего приятеля давнишнего Сашу Логвинова. Он позвонил мне: у него большая неприятность: потерялся огрызок карандаша одного из писателей-орловцев, из классиков. Экспонат! Это грозит большими неприятностями. А приятель мой тут – маленький человек, от своей серой шинели, от земли человек, разночинец. Я сажу и смотрю на портреты классиков: Фет, Тютчев, Апухтин. Неужто не поможем мы человеку?

– «Ну, – говорят портреты своими немymi устами, – да хоть сейчас! По целому карандашу соберем».

И тут в моих фантазиях разыгравшихся – из соседнего музея Тургенева входит сюда в дверь сам Тургенев Иван Сергеевич со своим «Утром туманным» на музыку Юлии Абазы.

Я пою.

«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые.
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь, родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое».

Романтическая гитара.

АВТОР. И тут классики, писатели-орловцы, стали сходить со своих портретов ко мне сюда со своими стихами, романсами.

Я пою.

Афанасий Афанасьевич Фет

«На заре ты её не буди,
На заре она сладко так спит.
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка её горяча,
И горяч упоительный сон,
И, чернеясь бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты её, не буди...
На заре она сладко так спит».

А.Фет – Л.Золотарев.

Я и пою.

«Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь, –
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не смеешь взглянуть?»

Хоть вечер и близок, не бойся! От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну.
Луна не в тумане, а звезд хоть и много,
Но мы заглядимся с тобой на одну.

Хоть в сердце не веруй, хоть веруй в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми.
И жарким лобзаньем, спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми».

А.Фет – Л.Золотарев.

Я и пою.

Соловьиное эхо

«Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга,
Тепло мне стоять и идти.
Звезда покатилась на запад.
Прости, золотая, прости».

АВТОР. Афанасий Фет с моей мелодией в двух последних романсах сменяется еще одним классиком, поющим в моей душе эту музыку сфер с самой молодости, с моей влюбленной души.

Пою опять же.

Федор Иванович Тютчев.

«Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило.
Я вспомнил время золотое,
И сердцу стало так тепло.

Там не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,
И то же в нас очарованье,
И та ж в душе моей любовь».

Испанская гитара, Армик.

ГОЛОС АВТОРА (на ее фоне). Уж полночь близится, так сказать, а Германа (Саши Логвинова – моего приятеля) все нет. Все классики поуходили обратно в свои портреты со своими романсами.

И тут в двери вошли сразу три женщины. Поющие. Из настоящего и из будущего.

Галина Карева. «Темно-зеленый изумруд» (русский романс).

Кстати, Каревых целая деревушка где-то тут неподалеку, на Орловщине, за Глазуновкой.

«Не пурпурный рубин, не аметист зеленый,
Не наглой белизной сверкающий алмаз
Не подошли бы так к лучистости суровой
Холодных ваших глаз,

Как этот тонко огранённый,
Хранящий тайну темных рук,
Ничьим огнём не опалённый,
В ничто на свете не влюблённый,
Темно – зелёный изумруд.

Мне не под силу быть,
Мучительных страданий
Пушкой разлукою ославят их года,
Чтоб в ярком золоте моих воспоминаний
Сверкали б вы всегда,

Как этот тонко огранённый,
Хранящий тайну темных рук,
Ничьим огнём не опалённый,
В ничто на свете не влюблённый,
Темно – зелёный изумруд».

ГОЛОС АВТОРА. И тут же, следом, за страстным, вдохновенным, женственным таким романсом Каревой возникает девичий голос Гелены Великановой с исполняемой ею, когда-то отвергаемой официозом, неприхотливой, человеческой песенкой «Ландыши».

«Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не тюльпаны и не лилии.
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые.

Ландыши, ландыши!
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши –
Белый букет.

Пусть неярк их наряд,
Но так нежен аромат,
В них весны очарование.
Словно песенка без слов,
Словно первая любовь,
Словно первое признание.

Ландыши, ландыши!
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши –
Белый букет.

Я не верю, что года
Гасят чувства иногда,
У меня другое мнение.
Верю, будешь каждый год,
Пусть хоть много лет пройдет,
Ты дарить мне в дни весенние

Ландыши, ландыши!
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши –
Белый букет!»

ГОЛОС АВТОРА. И где те угрюмые люди, кому не нравилась эта песенка? А песня эта жива. Я люблю ее слушать. Кстати, у нас в Малоархангельске, в материнском доме моем, прямо у крыльца, под развесистой антоновкой, море этих лесных цветов. Принес я сюда из Мурашихи букетик, а они сколько тут места теперь заполонили. Весной – белые, осенью – красные, висят ягодами. Соседи приходят, любуются, а я им в окно со своего «япоши» эту Гелену Великанову, эти «ландыши» – «светлого мая привет» дарю. Так и живем тут в наше трудное, безработное времечко. А что делать, когда душа все равно просит песни.

И к месту, к нашим годам-то, приникает Лайма Вайкуле.

«Еще не вечер»

«Еще не вечер, еще не вечер,
Еще светла дорога и ясны глаза.
Еще не вечер, еще не вечер,

...

Пусть говорят, что приближается гроза.

...

Никому тебя я не отдам.

Еще не вечер, еще не вечер,
Еще в запасе время есть у нас с тобой.
Еще не вечер, еще не вечер,

...

Пусть говорят, что наше счастье не вернуть
Пусть говорят, что мы расстанемся с тобой

...

Никому тебя я не отдам».

Гитара, Гойя. «Мария – Элен».

ГОЛОС АВТОРА. Сижу, зачарованный музыкой,
прерываемой воспоминаниями. Все жду, жду своего
приятеля Сашу, а его все нет и нет. И тут снова
сходит с портрета Апухтин и говорит мне в моем
сомнамбулическом состоянии:

« – Ну, спой, что ль, мою собственную?

– Какую?

– Да хоть «Пару гнедых».

– Ну, давай. А'капельно.

А. Апухтин. «Пара гнедых» (русский романс)

«Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.

Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих.
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых, пара гнедых.

Ваша хозяйка в старинные годы
Много хозяев имела сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.

Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных.
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых, пара гнедых.

Грек из Одессы, еврей из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал –
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у неё засыпал.

Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей поныне,
Пара гнедых, пара гнедых.

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы продвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.

Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы не возвратно затих.
Кнут, только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых, пара гнедых».

Гитара, Гойя. Все та же «Мария – Элен».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии). Да где же этот Саша Логинов? Разночинец. Со своим этим огрызком карандаша. – «Не знаем», – говорят мне портреты классиков, писателей-орловцев. Прошел глазами по всем этим портретам – правду ль говорят или, может, то было когда-то правдой, теперь уже не то. – «Да нет, – говорят другие гиды музея – носители фактов. – Классики ведь

это, блюстители нравственности на все времена». – «А, ну да, конечно. Русская душа – мистическая по своей натуре. Вот и «таинственные» повести Тургенева, «таинственный» своей красоте и любви наш русский романс»...

– «Ладно, – махнул мне со своего портрета лик Афанасия Фета, – хватит тебе мудрствовать. Пой – свои и наши романсы вперемешку.. как тебе вздумается»...

И мелодия. Оркестр Рея Кониффа. «Зеленые поля».

ГОЛОС АВТОРА. Попурри. Я и пою.

«Мой костер» (песня цыганки) (музыка Пригожева, Чайковского).

«Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут налету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет – и спозаранок
В степь далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни.
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет,
Кто-то завтра милый мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой.

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя.

Мой костер в тумане светит.
Искры гаснут налету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту».

ГОЛОС АВТОРА. А Саши Логвинова все нет. Поем дальше.

«Прощай, мой табор»

«Цыганский быт и нравы стары,
Как песни те, что мы поем.
Под рокот струн, под звон гитары,
Жизнь прожигая, зря живем.
Прощаюсь нынче с вами я, цыгане,
И к новой жизни ухожу от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане.

Прощай, мой табор! Пою в последний раз!»

ГОЛОС АВТОРА. Гляньте – а это кто? Директриса музея. Просунулась в дверь, спрашивает: «Ну что, не принес карандаш этот Саша?» – «Вон сколько их, карандашей-то, классики наносили – куча целая». – «Для других карандашей пусть другие музеи открывают!» – сказала в сердцах директриса и хлопнула дверью. – «Спросите у Пришвина, из соседнего зала, – сказал старший тут Афанасий Афанасьевич Фет. – Не откажется ли он от карандаша, от такого наследства?».

Под мелодию Романса Георгия Свиридова из пушкинской «Метели».

ГОЛОС АВТОРА. А карандаш, что ж, может, когда-нибудь и найдется. То ли мышь смахнула со столика, то ли сам тут в гениях, истончась, растворился? Не ставить же из-за этого под сомнение судьбу маленького человека. Разночинца этого, моего приятеля Саши Логвинова, тем более, в его день юбилейный. Ради чего я и составил этот концерт. Карандаш-то ведь только предлог. Главное – услышать русское слово, русский романс. Это что-то особенное, это прекрасно!

Картина вторая

ГОЛОС АВТОРА. Поет Александр Подболотов.

«**Что взгрустнулось?**»

«Что взгрустнулося в тиши?

Не то ли мгновенье?

Все не так, не по себе,

Даже пенье уж не пенье.

То ли милая ушла,

То ли вихрем закружилась?

То ли молодость прошла,

Как подруга изменила? А – а – а...

.....

.....

Господи! Застрелиться, что ли?...»

ГОЛОС АВТОРА. Карандаш ей пропал! Тут душа пропадает, Россия, сердце рвется на части от прекрасных этих мелодий.

И я пою.

«Не брани, меня родная»

«Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной?
Что так рвётся ретивое
И терзаюсь я тоской.

Всё оно во мне заныло,
Вся горю я, как огнем.
Всё не мило, всё постыло,
И страдаю я по нём.

Ясны дни и тёмны ночи,
И во сне и наяву.
Слёзы мне туманят очи,
Всё летела б я к нему.

Мне не нужны все наряды,
Ленты, камни и парчи.
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли.

Сжался, сжался же, родная!
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая,
Что должна его любить».

ГОЛОС АВТОРА. То ли песня народная, то ли русский романс, как хотите. Пою опять же я, а' капелльно.

«Что ты жадно глядишь на дорогу,
В стороне от весёлых подруг,
Знать, забило сердечко тревогу,
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед,
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь,
Вьётся алая лента игриво
В волосах твоих чёрных, как ночь».

ГОЛОС АВТОРА. Опять же пою а'капельно. А вот это уж точно романс, русский романс.

«Я помню вальса звук прелестный»
Весенней ночью в поздний час,
Его пел голос неизвестный,
И песня чудная лилась.
Да, то был вальс прелестный, томный,
Да, то был дивный вальс!

Теперь зима. И те же ели,
Покрыты сумраком, стоят,
А под окном шумят метели,
И звуки вальса не звучат.
Где ж этот вальс, старинный, томный,
Где ж этот дивный вальс?»

Включается Радио России.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Прозвучит песня, над которой потрудились талантливое трио: Эдуард Колмановский. Игорь Шаферан и Леонид Дербенев.

Для нас поет Наталья Ветлицкая.

ГОЛОС АВТОРА. Первые же звуки сразили меня! Вот она, эта песня! Сколько за ней охочусь! Спела ее когда-то Лариса Мондрус (*говорили, жена Иосифа Кобзона, уехала еще в те годы за границу, наверно, из-за этой песни*). Сначала песню согнали с эфира. Передавали лишь по «Маяку», по волне, которая вела домой корабли и самолеты.

«Снежинка»

«Ты говоришь мне о любви,
А разговор напрасно начат.
Слова я слушаю твои,
Но ничего они не значат.

Может, ты на свете лучше всех,
Только это сразу не поймёшь.
Одна снежинка – ещё не снег, ещё не снег,
Одна дождинка – ещё не дождь.

Когда-нибудь, но не теперь
Придёт любовь, чтоб стать судьбою.
Придёт как ливень, как метель,
Всё заслонив вокруг собою.

Может, ты на свете лучше всех,
Только это сразу не поймёшь.
Одна снежинка – ещё не снег, ещё не снег,
Одна дождинка – ещё не дождь.

И может быть, вдруг я сама
Тебе в глаза взгляну иначе.
И станут вещими слова,
Что ничего сейчас не значат.

Может, ты на свете лучше всех,
Только это сразу не поймёшь.
Одна снежинка – ещё не снег, ещё не снег,
Одна дождевка – ещё не дождь».

ГОЛОС АВТОРА. И эта мелодия совершенно естественно вдруг переходит в есенинские слова, в ту мелодию, с которой они тут поются.

«... и страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях
Жизнь моя иль ты проснулась мне?
Словно я весенний, гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны.
Тихо льется с листьев кленов медь.
Будь же ты вовек благослоенна,
Что пришло процвествь и умереть!»

ГОЛОС АВТОРА. А вот, наконец, и Саша Логвинов, мой приятель, со своим огрызком карандаша. «Это мой карандаш», – сказал Фет. – «Нет, мой это», – сказал Тютчев. – «Этоймой, мой!» – вскричали Апухтин, Пришвин и другие классики, писатели-орловцы, сошедшие со своих портретов в различных, отведенных им комнатах.

ДИРЕКТОР МУЗЕЯ (*появляясь неожиданно*).
Объявляю карандаш собственностью музея!

САША ЛОГВИНОВ. В таком случае это мой карандаш, мой! Мой юбилей – мой и карандаш!

ГОЛОС АВТОРА. Что огрызок карандаша, что музей – национальное достояние? Хорошо, Санек, что я сел на твой конек да и, как смог, показал русский романс, хотя бы его толику малую, во всей его духовности и красоте... Ну, не во всей, конечно, не во всей, но все-таки, все-таки... Будь же вы вовек благословенны русская песня, русский романс!

«Одна снежинка еще не снег, еще не снег,
Одна дождевка еще не дождь».
Лучше умереть стоя со снежинкой на губах,
Чем жить под дождем на коленях, да, Санек?

Поэт София Ротару. «Лаванда»

«В нашей жизни все бывает,
И под солнцем лед не тает,
И теплом зима встречает,
Дождь идет в декабре

Верить или нет, не знаем,
Но порой в любовь играем.
И, когда ее теряем,
Не всегда говорим.

Лаванда, горная лаванда!
Наших встреч с тобой синие цветы.
Лаванда, горная лаванда!
Сколько лет прошло, не знаем я и ты...»

Занавес.

*Малоархангельск – г. Орел,
27 ноябрь – 2008 г.*

ВЕЧЕРОМ У КАМЕЛЬКА (музыкально-лирические новеллы)

НОЧИ ВАЛЕРИИ (одноактная мелодрама)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВАЛЕРИЯ ЛЕОНИДОВНА ЗАВОЛОКИНА – старший преподаватель французского языка в провинциальном университете.

Тень ее мужа Николая Заволокина, Коли, не так давно ушедшего из жизни.

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕИЧА КОЧИНА – ее коллеги, нашего трагического современника.

Как призраки, голоса певцов с кассеты, записанной Кочиным:

Шарль Азнавур,

Армстронг,

Далида,

Мерей Матье,

Лайма Вайкуле.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Музыка из мюзикла «Собор Парижской богородицы».

Картина первая

Жилой дом. Обыкновенная двухкомнатная квартира. Зальчик с телевизором и магнитофоном. На стене портрет мужчины – это Николай Заволокин, Коля, муж Валерии Леонидовны, недавно ушедший из жизни.

Сама Валерия Леонидовна только что вернулась с работы, сняла пальто в передней. Входит в комнату. Раздается телефонный звонок.

ВАЛЕРИЯ (*берет трубку и тут же как-то обессилено садится в кресло у телефонного столика*). Да, я вас слушаю... (*Зажимая другой рукой трубку и говоря в сторону, мужскому портрету*). Коля, это зав. кафедрой Нинон. Не могла там сказать, на работе. Надо сюда ей звонить... издевается... (*В трубку*). Да-да, я вас слушаю. Завтра заседание кафедры? А по какому поводу? Была ведь недавно... (*И Коле, мужскому портрету*). Ага, годовщина как не стало нашего коллеги Евгения Сергеича? Ну да. Ну, конечно, буду (*Громче в трубку*). Ну, конечно, приду... На кладбище ехать? Нинон Степановна, может, пусть, кто помоложе, на кладбище... Да-да... А мы, кто постарше, стол пока что накроем... Ну да, похлопочем... А то ведь ноябрь, можно сказать, зимний месяц в наших широтах. Так просифонит, что потом сляжешь... Сляжешь, говорю, без температуры не обойдешься.

Разворачиваясь всем телом к мужскому портрету.

Ну да. Если член кафедры, обязательно ехать. Никаких скидок... Да, да... И разговора быть не может... Ну, конечно, никаких возрастных цензов, поблажек и т.д., и т.п. Коля, это она так мне...

Что вы говорите: какой Коля? Да это я так, Нинон Степанна. Никакого Коли тут нет... Что у меня, что ли, крыша поехала?.. Куда поехала крыша? Никуда не поехала. У нас на крыше антенну летом поставили... Что же я бормочу? А себе нагрузку оставляете полностью. И Сливончику, а ему, между прочим, уже восемьдесят, а он даже не член кафедры. Журнал «Иностранные языки в школе» тоже себе оставляет. Сам будет в луже, а другие некомпетентны И всю душу пропили... И никакой тебе профориентации. Со студентов берут и пьют. Этот, как

его, Интернет, тарелки ставит... да не опять за тарелки я, а за свое, за то, чтобы стол накрывать... Это другие тарелки – антенны круглые, для телевизоров...

Ну, конечно, приду. Ну, конечно, поеду... Что – опять ставки на кафедре сокращаются? В связи с чем?.. Ах, мировой финансовый кризис?.. Ну, конечно, приду. Ну, конечно... Не сомневайтесь. Не расстраивайтесь, Нинон Степанна. Вам нельзя этого делать. Вам сына надо на ноги ставить, он еще не кандидат, а других сыновей – кандидатов можно с пути и убирать... Кафедра, конечно, тяжелая. Что ни человек, то, конечно, проблема... А тут еще этот как его... интернат... Ах, не интернат, а мировой финансовый кризис... и это нет, нельзя брать так глобально?... А что же? А образование как национальный проект... Что – президент так сказал? Ну да, он же вел, будучи вице-премьером, эту строчку... не «дочку», какую «дочку» и не точку... точку зрения?.. А какая у вас, такая и у нас... что, что?.. Президент далеко, а бригадир близко?.. А как же права человека, национальный проект по образованию?.. Ах, мировой финансовый кризис... «минималку» будут же платить? Конечно, конечно, у нас есть свой президент, но нету декана. Не Америке же все нам указывать...

Отрываясь от трубки и в сторону.

Коля! Про Фурсенко что-то говорит, про министра нашего, а про ректора ничего...

И в трубку, с готовностью. Да, да, да. Про ректора говорю. Ах, про Фурсенко надо? А что про Фурсенко? А помните в прошлом году Федеральные университеты создали... Да, да, министр был в Восточном, в Красноярске. Так студент один... из Тюмени, да? Из Тобола?... Так студент этот яйцом тухлым костюм ему залепил. На другой день министр был уж в свитере... Что, что вы мне? Ах, опять

крыша поехала? Да куда там поехала! Никуда не поехала. Все видели, телевизор показывал. Думали, Путин его не возьмет уж в свое Правительство, а он взял... Как это не мое дело? Вы тоже говорили тогда об этом, что это сверху они надежду развеивают... А сейчас говорят...

А, ну да. Мировой финансовый кризис? Национальный проект?..

Портрету, отрываясь от трубки. Ух, замотала! Замотала окончательно. То вменяет, а то это же потом отменяет... Пить надо поменьше, мозги все пропил, голубчик...

В трубку. Чего-чего, говорю! Кого замотала? Да трубку вот, говорю, замотала. Труб-ку за-мота-ла!..

Ну да ладно. Приду, приду – поеду, поеду... На кухню мне надо. Кормить надо... Кого? Да Колю, Колю!.. Ну да, умер. Уж год, как Евгений Степанович, тьфу, Семеныч... Ну да, Сергеич, Сергеич... Да, да, да! Кормить надо!.. Кого... Да себя же, себя! Только что в дом ввалились. И крошки во рту с утра не было... не было... не было... Да, не было... крошки...

Какие крошки? Деточки такие маленькие, по телику показывали? Видела, видела, показывали, как этот идиот... второй раз, да, второй раз... смахнул таких крошек вместе с мамой на остановке и дальше поехал, представляете, а?.. Кран потек, кран! Во! Соседи стучат... На кого?.. Да не на кого? А ко мне стучат... Что крыша, что ли, поехала?.. Да соседи стучат. Ну псих там один живет. Тоже кандидат наук, много из себя воображает... стучит да стучит... Кран потек, кран – вот и стучит... А-а, вам еще надо звонить... Вот таким, как я, великовозрастным?..

Ну я побежала. Куда? Да кран же потек, кран. Слышите? Ах, топают, слышите? Это кандидат наук топает. Ну, да, как вы, кандидат... Вы не топаете? Ну да, конечно... Чего

вам топать?.. У вас это как его... интернет? Восточный университет?.. Ну приду, приеду – приеду, приеду...

Наконец, вздохнув облегченно. Да это телефонная трубка! Наконец, отцепилась. Господи! Вот привязалась... Надо было сказать не про кран, а, мол, нас залило, газ идет... хотя это слишком сильное средство... надо запомнить.

Валерия садится в изнеможении в кресло. Утирая лоб ладонью, говорит, обращаясь к мужскому портрету на стене.

Вот так, Коля, и живем. Вишь, как оно без тебя. Гнись, революция, напирает коррупция. Что удумала! Кафедра у нее как своя! А Кочин – это так, для прикрытия, с кем ехать интеллигенту на кладбище. Язык другому – это так, для прикрытия. А у самих уровня никакого, даже школьного! И ничего не хотят для этого делать. Убирают специалистов по литературе, представляете. . Чтобы быть хорошими переводчиками, приличным вузовским преподавателем, надо, прежде всего, знать свой язык, свою родную литературу, а мы что даем студентам?

Картина вторая

Там же. Та же Валерия в комнате. Но уже в пестром домашнем халате.

ВАЛЕРИЯ (*дожевывая яблоко*). Се ты – это все. Коман талеvu? – как вы поживаете? А вор санте – как ваше здоровье? Как масло коровье: тает и питает, говорю... Компрачикосы – это у кого рот до ушей. Гуинплен – был такой у Виктора Гюго. Крали детей, уродовали их, рот до ушей им делали, людям показывали, деньги на том зарабатывали...

Обращаясь к портрету на стене. Сателлиты ее входят на кафедру, со мной не здороваются, ничего себе уровень...

Коля! Как она со мной теперь разговаривает? Как с придурком каким? Десять раз повторила: «а крыша у тебя не поехала?» У самой десять раз поехала. Десять раз повторила мне – десять раз на себя и взяла. При тебе так со мной не разговаривала, не позволяла себе, а то без тебя все можно. Нет мужского духа в доме... Да, да, Коля! Это так. Когда мужчина есть в доме, и по телефону-то с тобой люди не так разговаривают... Да-да, архитектуру отношений с тобой строят не так. А мы, женщины, этого не замечаем. Не ценим, конечно, не ценим... Кризис кафедры, а на нас двоих всё свалили.

Видал, что придумали? Ставки сокращают по самую макушку. С Францией отношения улучшаются, а они французский язык выводят. А ордена французские получают. Дескать, родители требуют английский. Про немецкий молчок. Про испанский вообще ни гугу... На французском сосредоточились. Надо им меня, лично меня как-то выпихнуть – вот и в школах уж язык сокращают, и на кафедре часы убирают. А из Сливона, бывшего декана, долгожителя делают. Уж скоро сто лет в обед, а они ему все почти целую ставку.

Коля! Видал, до чего дело доходит, до какой смехтвории? Спрашивают как-то его студенты... с иронией... ну и как вы выглядите? А он им нагло вато так: «На все сто!» Вот так... Господи, Коля! Я без тебя не могу... Как дело к ночи, так хоть криком кричи. Уж и портрет твой не помогает. Включаю музыку...

Где же эта кассета? Что подарил тогда Евгений Сергееч? Сам записывал для тебя специально. Ты тогда к юбилею ему стихи составил. Ну не венок, а все же сонеты. Надо поискать копию, что ты тут оставил себе. Коля! Может, прочтешь на память? Я постараюсь запомнить...

Открывает ящики в стенке, роется в бумагах, наконец-то находит нужную.

ВАЛЕРИЯ. Вот! Давай сделаем вид, что это ты читаешь. А фактически давай прочитаю я. Говорили тогда на кафедре в один голос, что это удачно у тебя получилось.

Ну, Коля, читай! А я послушаю...

Читает: «Кочиниада».

Посвящается Евгению Кочину:
Хоть и не венок, а все же сонеты.
«Один такой – неповторимый
Среди друзей своих, коллег, –
Он мог бы стать повыше Рима,
Понедоступней всяких Мекк –
С великим именем Евгений,
С которым кто он – трижды гений.
Один – от слова самого,
Другой – с рожденья своего,
А третий – с эрой Водолея,
В какую входит каждый росс,
Он к небу словно бы прирос,
С богами вместе звезды сея.
А он всего-то Кочин Женя –
Наш гений, наше отраженье.

* * *

Один такой – незаменимый,
Поэму может сочинить.
Его студентов аж до Крыма
Протянется живая нить.
Он может все – «бон а ту фер»,
Он наш галантный кавалер.
Ему крутись, а нам везет:

И привезет, и отвезет.
Еще и скажет нам с прононсом:
«Для милых дам, для милых дам
Все, что имею я, отдам!»
И все друзья ему под Солнцем.
Другого нет такого в мире!
Тепло умножено в Алжире!

* * *

Судьба Евгения хранила.
В теченьи институтских вод
Его талантом наделила –
Учить и просвещать народ.
Кто просвещен, а кто блажен.
Еще один талант, Эжен,
Явил ты миру в цвете дней –
Двоих прекрасных сыновей!
Жена – с французским, сын – с французским.
Да вся семья! Ни дать, ни взять.
Держи-ка, новосильский зять,
Нам нашу марку, дух наш русский!

* * *

А мы тебя другим не знали,
Мы – здесь собравшиеся все.
Живешь, Эжен, на магистрали,
На рю – Московское шоссе.
И из Москвы, и на Москву.
И как во сне, и наяву.
Идут машины – мимо, мимо.
Но ты один незаменимый,
Но ты один неповторимый
Среди друзей твоих, коллег.

Мы все артисты, грим на всех,
Но ты один такой – без грима!
Все смотрят в зеркало одно,
А видят разное кино.

* * *

Храни судьба тебя, храни!
Теплись твой огонек, Евгений!
Да не задуют в наши дни
Ветра твоих предназначений.
Да не остудит душу тьма,
Да пусть кончается зима!
С весною красной по старинке
Шлем всем влюбленным «валентинки».
Года, как птицы. От зимы
Куда им, этаким, летится?
И остается лишь гордиться
Той птичьей стаей, где и мы.
Эжен! Ты рыцарь наш, ковбой!
Ты на коне, мы все с тобой!»

14 февраля 1997г.
Написано к юбилею,
погиб 7 ноября 1999г.

Картина третья

Все там же, в зальчике своей двухкомнатной квартиры. Валерия Леонидовна встает и проходит к столику, включает магнитофон.

Возникают звуки оркестра. Знакомая мелодия из мюзикла «Нотр дам де Пари» («Собор Парижской богородицы»).

ВАЛЕРИЯ (залу). Этот концерт составил Николай, мой Коля, благоверный мой. А музыку к нему подбирал

Евгений Сергеич. Подарил когда-то Коле, как ответ на его стихи о нем «Кочиниаду»...

Музыка «Нотр Дам де Пари», развиваясь, заполняет все помещение. Валерия вслушивается в звуки мелодии, создающей трепет души и тела.

ВАЛЕРИЯ (*прямо перед собой, как бы сама себе, богам Нотр Дам де Пари*). *Глядит в окно.*

Ночь уже на дворе. Ноябрь. Короткие дни. Как только ночь, так эта мелодия из мюзикла, эти грезы, мученья. Знаю, что будет. Проснусь где-то в час ночи, и с двух до пяти – тени, глаза, воспоминанья.

Одна, одна. Сын еще когда ушел жить к жене своей. А не так давно не стало Коли, мужа моего. Одна в пустой квартире. И страхи, страхи. Как держаться в этой жизни, как устоять?

Мелодия мюзикла развивается, следуя дальше по своим канонам, захватывая дух.

ВАЛЕРИЯ. Весь век в своем университете, со своим французским. Преподаватель, старший преподаватель. Только на одну ступеньку вверх за жизнь и продвинулась. С ассистентов. А Женя все еще был ассистентом. Или, кажется, только представили к званию старшего преподавателя? Да, Евгений Сергеич?.. Вот и ездим теперь к нему на кладбище... Сами храним себя, сами себя и хороним... Жуть... Кто кого развалил...

Появляется тень Кочина.

ВАЛЕРИЯ (*выключая на момент магнитофон и теперь обращаясь к тени*). Вас называют «Наш трагический современник», а почему? Вроде не тайный алкоголик, так, да? И с семьей все в порядке, так, да? И на работе... мы все ваши коллеги, даже любили вас, Евгений Сергеич... Даже Коля мой, Николай, помню, искренне посвятил вам эти сонеты... Да, Коля?

Возникает тень Николая Заволокина, мужа Валерии Леонидовны.

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*тени Евгения Сергеевича*).

Однозначно. Но почему?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕИЧА. Что почему?

ВАЛЕРИЯ (*вполне реальным голосом, тени Евгения Сергеевича*). Почему вы это сделали, коллега?

Тень Кочина начинает колебаться, растворяться в углу комнаты.

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*спеша ей на выручку*). Ну что вы все к нему привязались?

ВАЛЕРИЯ (*реальным голосом*). Ну, конечно, конечно... Опять крыша поехала... Может, оттого что так долго сидел в ассистентах? Никак не мог защититься. Другим давали звания «старшего преподавателя», а его все обходили. А дома, небось, жена упрекала... А он, на все руки мастер, сделал декану даже евроремонт...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ. Не надо, не надо... О, божественная, божественная, божественная Валерия!.. Зачем ты так?

ВАЛЕРИЯ (*вслух уходящей тени*). «Не сыпь мне соль на рану», так, кажется, да? Откуда это? Ты все у нас знаешь...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*начиная тоже колебаться и исчезать*). Из персидских поэтов.

ВАЛЕРИЯ. Кто – Хафиз? Не Хафиз?.. Кто же? Эмир Ибн аль-Мутаз?.. Не эмир?.. Так кто же, кто?

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*исчезая вместе с Заволокиным, который когда-то играл на «любимой гармонии», но успел все же что-то сказать*). Амир... Амир...

ВАЛЕРИЯ (*подхватывая*). Ну да, эмир...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*у самой двери*). Нет, Амир!.. Амир Хосров Дехлеви... Стихи «Соль на рану»...

ВАЛЕРИЯ (*цепляясь за тень*). Не уходи, побудь со мною... Не уходи, побудь еще со мной...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*приостанавливаясь*). О божественная, божественная, божественная Валерия... Для тебя, для тебя, для тебя... шах ин шах Реза Пехлеви...

ВАЛЕРИЯ (*реальным голосом*). Амир Хосров Дехлеви?

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*из двери уж*).

«Скитаться на путях любви,

О сердце, неустанно!

Бессильно тело без тебя,

Бессильней тела танец.

Винят влюбленного в тебя

В жестокости – пускай,

Еще сильнее мучь меня,

Еще больней тирань.

Слезами скорбными Хосров

Оплакал каждый стих.

Да будет счастлив он от слез

Соперников своих».

Валерия проходит к столику, включает магнитофон. Все та же мелодия из мюзикла «Нотр Дам де Пари» заполняет помещение.

ВАЛЕРИЯ (*продолжая, как ни в чем не было*). Да, да. Весь век в своем университете. Со своим французским. Только недавно, что там, старший преподаватель, а тоже ведь с молодости все была в ассистентах... что там, да, да, на копейках... Только трое нас таких и осталось. «Лошадки мои, красавицы», – говаривал декан, когда-то выделив их из студенток, и взял на работу.

И вот уже финиш. Как же незаметно жизнь скользнула! Уж пенсия. То ставки, то часы сокращают. Обучим

молодых, и не нужны. Правда, одна из троих – кандидат наук, у другой – сын кандидат, муж – в госстрахе...

Мелодия мюзикла заканчивается. Острая тишина, звонкая тишина. Давит на уши, давит. Каплет дождь за окном...

ВАЛЕРИЯ (*заканчивая мысль*)... а у меня за спиной – черная дыра. С меня и начнут.

Господи! Наконец-то отдали за Колины похороны шесть тысяч рублей. Да еще десять тысяч собрали родственники. Вот и ухнула все шестнадцать на одежду себе...

Возникает другая мелодия. Фоном идет Лайма Вайкуле. Звучит ее голос. Не то в магнитофоне, не то в углу, куда ушли и растворились только что тени Коли – мужа ее, Николая, и Евгения Сергеича...

«Еще не осень, еще не осень,

Еще светла дорога...

Пусть говорят, что приближается гроза...

Никому тебя я не отдам...»

Картина четвертая

Там же, все та же Валерия Леонидовна Заволокина. Одна в пустой квартире.

ВАЛЕРИЯ. «О, божественная, божественная, божественная Валерия!» – так звал меня Коля, как некогда свою возлюбленную римский император Сулла.

«Еще не вечер, еще не вечер...

Пусть говорят, былого счастья не вернуть...

Никому тебя я не отдам...»

Говорят, Пушкин знал Заповеди блаженств и претворял их в своем творчестве. Ну и что? Что это продлило ему жизнь? Как и Марио Ланца, тоже прожил тридцать семь... первая ступень ракетносителя... что это путается

в моей голове... первой ступенью стал почему-то Марио Ланца, а ведь Пушкин жил еще когда до него...

Да, однако, Пушкин знал Заповеди блаженств. Вот «Заповедь пятая». Коля, как она там читается?

Возникает тень Николая Заволокина. Под мелодию Лаймы Вайкуле бегут такие строки сонета, читаются тенью Николая Заволокина.

«Блаженны, милостивы те,
Кто милосердны, сострадалцы.
Ведите падших к красоте,
Как к алтарям бредут скитальцы.

Скрываясь в тернии души,
В никем не видимые слезы,
Спускайтесь со своих вершин,
Чтоб отвести от павших грозы.

Дадут ли голому одежды,
Возьмут ли на себя чей грех,
Они несут в себе надежды,

Что ты ведь тоже человек.
За подвиг их, великий труд
Им боги руку подают».

И снова мелодия из мюзикла «Нотр Дам де Пари», но другая. Мужской голос, кажется, Колин голос, вот он, вот. Хрипловатый такой, родной. И одновременно его же голос, который исходит от его тени, появившейся снова в углу. И другие тени отступают, отступают. Но появляется все та же тень Евгения Сергеевича Кочина.

Пауза. Ни мелодии, ни голоса. Наконец, ГОЛОС ТЕНИ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕИЧА (обращаясь к Колиной тени).

А помнишь, у Пушкина? Что говорит царю какой-то злодей:

«Тебя, твой трон я ненавижу,
И гибель я твоих детей
Со злобной радостью предвижу».

ТЕНЬ НИКОЛАЯ ЗАВОЛОКИНА. Зачем ты это вспоминаешь? К чему?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА (*упорно, продолжая свое*). Это, кажется, обращение поэта к Андре Шенье.

ТЕНЬ НИКОЛАЯ ЗАВОЛОКИНА. А у Марины Цветаевой:

«Андре Шенье взошел на эшафот»...

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. У Пушкина:

«Пустыни сеятель свободный...»

ВАЛЕРИЯ (*сидя в кресле и слушая перепалку теней*). К чему вы все это затеяли передо мной? Что вы хотите этим сказать? (*Кочину*). Я поняла: у вас кризис среднего возраста? Да, особенно это проявляется у мужчин. Нужны физические нагрузки... Автомобиль отобрал у вас движение, дачу вы продали...

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. Что вы говорите! Это все несущественно. Существенно то, то Сталин попал в телепроект «Имя Россия». От имени всей Великой Отечественной войны, от имени миллионов, уничтоженных в тридцать седьмом... Вы знаете, что семьдесят лет с лишним у нас не существовало истории? Была только политика, государственный заказ на отлов и отстрел...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ ЗАВОЛОКИНА. Женя, ну зачем же так резко?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. Вы знаете, что Вышинский.. до того... был меньшевиком и потому с полноги выполнял то, что ему поручал Хозяин?..

ВАЛЕРИЯ (*чувствуя кресло под собой горячим*). Евгений Сергеич, ну зачем же так резко? Это все-таки художественное произведение.

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. Не реализм же, если присутствуют призраки, тени. Идеалистическое направление. (*Тени Николая Заволокина*). Нам с тобой все теперь можно, мы уже за чертой.

ВАЛЕРИЯ (*возникая*). Ну так поберегите меня.

ТЕНЬ НИКОЛАЯ. О, божественная, божественная, божественная Валерия!

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. А чего ей бояться? Она уж почти двумя ногами на пенсии.

ВАЛЕРИЯ (*встыхнув, тени Евгения Кочина*). Это правда, что вас с матерью (*вы, Евгений Сергеич, были еще, извините, грудным ребенком*) в двадцать четыре часа выгнали из Воронежа?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА (*едва кольхнувшись*). Да, правда.

ВАЛЕРИЯ (*упорно*). Это правда, что отец ваш подписал брату двоюродному по-польски адрес на конверте?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЙ КОЧИН (*кольхнувшись сильнее*). Правда.

ВАЛЕРИЯ (*твердо*). А чего б вы хотели? В тогдашних условиях.

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. А ничего, кроме правды. Истина – дороже всего. А истина в чем?

ВАЛЕРИЯ (*заинтересованно*). Да, Женя, в чем?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. А в том, что им понадобилась наша квартира. Как же, две комнаты в центре города... Истина в том, что всех, кто сажал, расстреляли через месяц... энкавэдэ... в том числе и наркома Ежова... Истина в том, что в войну и потом

еще своими руками и руками врага «расстреляли» не меньше... а еще был военный ГУЛАГ...

ВАЛЕРИЯ (*отстраняясь от угла, где возникли и двигались тени*). Ну хватит вам, хватит!

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. И последнее, главное. Истина в том: что запугали, отбросили нас лет на триста, создали и без того мифологическому народу миф, сказку, иллюзию... вместо жизненной правды... да, мифы, в которых мы и живем...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ ЗАВОЛОКИНА. Что ты, Женя, хочешь этим сказать? Ты прямо как из «Медного всадника» Евгений – маленький человек, говоришь, но как в статусе императора...

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. Пора говорить-то. Если хотим оставаться в цивилизации. История ходит кругами, витками развивается... Надо говорить, чтоб неповадно было и нынешним. Тоже и их зуд неймет. Сталина включили в число двенадцати, а Льва Толстого – нет, Жукова – нет, Рокоссовского – самого серьезного стратега в войне тоже нет, даже Юрия Гагарина нет... Что мы от такого народа хотим, если сами себе, свои таланты не разумеем, не ценим...

Тени исчезают. Замерев, Валерия сидит неподвижно. Встает решительно, подходит к магнитофону.

ВАЛЕРИЯ. Вот разнервничалась-то! Впустила в себя эти тени, вдоволь дала им в душе своей привыкблуживать... Однако продолжим концерт...

Картина пятая

Там же. Дело уже к середине ночи. Включив магнитофон, Валерия слушает знакомый, даже родной, Колин голос все из того же мюзикла.

Мелодия заканчивается.

ВАЛЕРИЯ. А голос отзвучал и ушел. И вновь ты одна. Но вот возникает другая мелодия, другой голос – это, кажется, Фрэнк Синатра? Так, кажется? С какими-то странными словами, откуда? И Фрэнку подпеваешь, кажется, Коля?

Голос объявляет:

«Одиночество в ночи».

Из «Белой Скифии» – продолжения «Одиссеи» Гомера.

Песня Одиссея.

«Ночь течет во мне,
И звезды с весел падают на звезды.
Наклонясь, я разбиваю их рукой.
Я иду по ним, прямо по ним – по звездам
На тот манящий берег,
На тот пьянящий берег,
Где, как во сне, я вижу тебя далеко.

Моя лодка. Мое одиночество
В этой глубокой,
В этой глубокой ночи.
Как я боюсь потерять тебя
В этой пучине, в этой пучине
Звезд отраженных.
О приблизься ко мне,
О не молчи!

Руку мне протяни,
К груди меня притяни –
В пламя свечи, в самое пламя свечи.

Два одиночества, сразу два одиночества
Вдруг исчезнут
В этой глубокой, в этой глубокой ночи.
Кружится моя лодка,
Падают звезды с весел
В пламя свечи, к ней подберу я ключи,
Не огорчи!

Весла оставим на берегу,
Мы их в объятия бросим,
В водовороты ночи,
В водоворотах ночи
Губы, губы твои горячи.
О не молчи, не молчи!
Губы, губы твои горячи!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут же, без всякой паузы, возникают четкие, акцентированные ритмы испанской гитары. Армик, «Фламенко».

ВАЛЕРИЯ (*под энергичные ритмы гитары*). Попробуем одеть новое платье – это, фиалковое. «Фиалка Монмартра».

И почему этот фиалковый цвет так кардиналы любили?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Она переодевается. Начинает движение. Пританцовывая. Плавные движения превращаются в вальс, танго.

ОНА: «Настроение улучшается, улучшается, улучшается».

Возникает мелодия. Мирей Матье. «Прощальный вальс».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Посвящается Евгению Кочину. Она зажигает свечи. Вальс при свечах. Она движется по

комнате сама, одна. Затем берет стул, движется плавно со стулом, держа его прямо перед собой.

Под ритмы вальса, голоса Мирей Матье.

Берет зеркало, смотрится в него. Облегающий ее талию зеленый костюмчик. Как красиво тебе в этом костюмчике. Снова движется, обняв теперь уже зеркало, как бы за талию. Порывистая и еще молодая.

ПЕСНЯ АРМСТРОНГА. Поет Далида.

«Жизнь в розовом свете» (en rose)

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И снова переодевается. Теперь уже в длинное, до пят, черное пальто. Подруга, у которой сын – кандидат говорит ей, что такое пальто ненадолго. На неделю, не больше. Замызгается низ, в грязь превратится. Ну и что? Ношу вот. Длинно, зато красиво. Когда приду на кафедру – произведу эффект. Даже на молодых.

А ночь за окном. Глубокая, глухая, почти зимняя ночь. И с двух до пяти самое время мистики, страхов. Время призраков, фей.

Возникает мелодия. Гитара, Армик. На ее фоне голос откуда-то, свыше.

«Заповедь седьмая»

«Блаженны те, кто миротворцы,

Кто мир явился примирить.

Чтобы для всех сияло Солнце,

Чтобы глаза не все открыть.

Обиды прочь! И ссоры прочь!

Из сердца вон мечи и стрелы!

Какие дни! Какая ночь!

Не слепы мы, не оголтелы.

Встаем меж стрел, и флаги белы.
И руки подняты на стрелы.
Как к наивысшему лицу

Идем на все, идем к Отцу.
Сыны Небес, Земли сыны –
Они Богами рождены».

ВАЛЕРИЯ (*глядя в окно*). А ночь глубока, далека.
Просто аспидно-черна. И где они, эти тени, призраки?
Где мой Коля, Коля? И Евгений Сергеич?

И голос оттуда, издалека. Не то Колин, не то Кочина
Жени. Поет песню-романс на слова Заболоцкого, музыку
Звездинского.

«Очарована, околдована,
Ветром в поле когда-то обвенчана.
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная ты, моя женщина.
Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная
И звезда ты моя сумасшедшая...»

ВАЛЕРИЯ (*в сторону*). Однажды, это было лет пять
тому, нет Коли, нет. А должен быть уже дома. Я знала,
где он может быть. Не стала звонить, а прямо туда, на
«мальчишник». Нагрянула, нежданно-негаданно. И что
я вижу? Сидит мой Колюня с приятелем в окружении
девиц. На работе, конечно, на работе. Но после рабочего
дня...

Оказывается, он пел уже эту песню. А потом кому-то
пришла идея устроить состязанье певцов. И послали за
одним знакомым – поющим тоже, приятелем Колиного
приятеля. И вот ждали, когда он приедет.

Пришел. Спел при мне какую-то песню.

Все вежливо поаплодировали и ждали, когда Колюня допоеет эту самую песню. И он подошел ко мне, с меня начал... Но тут мы закончим. Тем, что далее было.

Подошел он ко мне. Присел на колено. Обнял и допел.
«Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силой.

Картина шестая

Там же, те же, продолжение.

И слезами, и стихотвореньями.
Обожгу тебя, горькую, милую.
Что прибавиться, не убавится.
Что не сбудется, то позабудется
Отчего же ты плачешь красавица?
Или все это мне только чудится?»

ВАЛЕРИЯ. Как он предчувствовал будущее. Меня одну, эту ночь. Мое одиночество в этой ночи.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Снимает пальто с себя. Берет его одной рукой за вешалку, другой – как бы за талию. Так и движется с ним плавно, танцуя. Под мелодию, заполнившую все помещение, душу ее. Замирает. «У меня хорошее настроение, у меня хорошее настроение, у меня хоро...»

И голос ее Колюни откуда-то издалека. Его авторская песня. Для нее одной его голос.

«Зеленые глаза»

«Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?

Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.
Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того – она не человек.

Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.
Мы все уйдем, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем – и слава богу.
Приходит ночь – и это не беда.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Валерия стоит, замерев, зачарована песней. И тут же возникает знакомая мелодия Армстронга. Голос чернокожего музыканта. Под музыку эту, ритмически двигаясь, она снимает с себя сначала пальто, затем облегающий ее зеленый костюмчик, остается в легком фиалковом платье.

И уже снова голос Далиды продолжает карнавал музыки, танца. «Amore, amore».

ВАЛЕРИЯ. О море! О море! О любовь, любовь!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И опять она начинает двигаться в такт биению своего сердца, в такт с ритмом Далиды. Все

энергичнее, энергичнее. Страстно. Как будто это делает в последний раз в своей жизни.

Разойдясь, она сбрасывает с себя и это фиалковое платье, цвет которого так обожали кардиналы, и остается в тонкой ночной рубашке. Тело ее движется, движется по-молодому. Все энергичнее, все энергичнее-е-е!

«Коля, Коля! Amore, amore».

В изнеможении валися она на тахту. И опять возникает все та же, что и вначале, другая мелодия. Голос мужской из того же мюзикла «Нотр Дам де Пари». Колин голос... задушевный... трепетный...

«О любовь моя, о любовь».

Завтра она придет туда к ним в этом своем длинном, до пят, пальто, в этой шляпке роскошной под вуалькой. К шляпке еще бы и «штраусовое» перо.

«О любовь моя, о любовь».

Делает движение, как бы поправляет это перо. Остолбенеют и скажут: «Ну ты обалденна! Просто нет слов».

Музыка из мюзикла.

«О божественная, божественная, божественная Валерия!» – так говорил своей возлюбленной Сулла. Так говорил ей Коля, Николай – ее муж.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. От входной двери потянуло запахом гари. Открыла дверь – сгоревшая газета. Кто-то сжег ее у самой двери.

ВАЛЕРИЯ (*шепотом*). Был бы жив Коля, газеты бы под самой дверью не жгли.

А за спиной ее все та же музыка, тот же мюзикл «Собор Парижской богородицы».

Валерия, стоя, слушает концерт, но теперь уж с конца к началу.

«Богема». **Шарль Азнавур.**

Голос ее Коли вместе с Далидой.

Мирей Матье. «Вальс при свечах».

Картина седьмая

Там же, в комнате. Валерия по-прежнему одна.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Светаёт. Тени исчезают. «Вальс при свечах» завершают мучения ее ночи.

«О божественная, божественная, божественная Валерия!»

Она падает лицом в подушку. Плечи ее сотрясают рыдания.

Занавес.

*7 ноября 2008 г.,
г. Орел.*

ГРЕЗЫ КАБИРИИ

(Запрещенные игры)

(одноактная мелодрама)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КАБИРИЯ – из фильма Феллини «Ночи Кабирии».

КАБИРКА – из «Белой Скифии», невеста Телемаха.

ТЕЛЕМАХ – сын Одиссея, царя Итаки.

АНДРОН КОНЧАЛОВСКИЙ – кинорежиссер, наш современник.

МОЛОДОЙ СКИФ с его песней.

МОЛОДОЙ ГРЕК с его песней.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ АНДРЕЕВ – профессор, зам. редактора журнала.

КЛАВДИЯ – его жена.

АВТОР.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Люди, образующие большой песенный Круг Земли, танцующий свой огненный, солнцепламенный танец в честь Праздника Слова, Вина и Винограда.

Картина первая

Город Орел. Дворянское гнездо. Излучина реки. Ротонда с видом на Орлик – одно из прекраснейших мест, одухотворенных мест срединной Руси. Мелодия из «Снов» Вагнера, во всю щелкают соловьи, Соловьиная роща. И на фоне мелодии голос за кадром, как эхо веков. Три времени сразу вместе, и прошлое как сон о России, как эти соловьиные песни без слов. Слова мы, люди, придумаем сами, вернее, они сами рождаются из музыки этих берез, шума ветра, воспоминаний и мыслей о будущем. Милые, милые сны.

АВТОР. И снится мне как будто это я написал Гимн России. Сначала музыку и слова, потом под прежнюю музыку только слова. И слова эти возникают так явственно, четко.

«Россия великая, Русь изначальная,

Ширь евразийская, вещей полет.

Тебе, моя Родина, песнь величальная,

Тебе мое сердце поет и поет.

Припев: Свято храни себя, Родина славная!

Всех собирай под двуглавым орлом!

Мудрость народная, сила державная,

Стой навека, наш отеческий дом!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А музыка, развиваясь, переходит в другую мелодию из «Запрещенных игр».

АВТОР. А «Запрещенными игры» у нас были всегда. Четверть территории планеты, треть земных богатств всей земли, а населения всего два процента. Казалось бы, живи, распаивайся на весь мир, а нет, у нас все «запрещенные игры». Все то нельзя, другое нельзя, а что можно?.. Вот и живем, как живем, все обещаем достойную жизнь поколениям. Да все отбиваемся от наседающих волн то с Востока, то с Запада. Тратим материальное, да и духовное все на кого-то, а не на себя. Все «союзников» ищем, а «союзники» наши в нас же самих...

Гимн России написал до того, как был конкурс объявлен. Почуял, что «Славься» Михаила Глинки не поют, мелодия какая-то для гимна России слишком уж оперная. Свой написал гимн – себе, для души своей, чтобы петь, а тут конкурс. И что делать? Решил отвезти самому Президенту, наивный. И повез в Москву в Москву я его – этот гимн. Ну, конечно, попал только к

другу – одному ученому мужу, который, выслушав меня, сказал:

– А «Одиссея»?

– Что «Одиссея»?

И пауза. А ничего. Ну спел я им с женой дома этот гимн на музыку Александрова. Вот такая картина...

АВТОР. «Прошли мы сквозь грозные годы, ненастья,

А столько пройти нам еще предстоит.

Но к Солнцу, но к Миру, к Свободе и счастью

Нас чистое, смелое сердце стремится.

Припев. Свято храни себя, Родина славная!

Всех собирай под двуглавым орлом!

Мудрость народная, сила державная,

Стой навека, наш отеческий дом...»

ЖЕНА друга, профессора Андреева (*жена тоже, между прочим, доцент*). Хорошо. Очень даже мне нравится. Я лично такой бы гимн пела.

МУЖ ее – профессор Андреев. Вот интересно-то, как бывает... В молодости у нас, наверное, каждый второй пишет стихи. Владимирский я, откуда Фатьянов и Владимир Солоухин. Так вот и я писал по молодости стихи. Туда-сюда... посылал... не получилось. За прозу взялся. Туда-сюда... посылал, совал кое-куда... не получилось. За критику взялся – получилось!.. Вот я и зам. главного редактора, доктор наук. Широко известный в узких кругах...

АВТОР. Ну и что про Одиссея-то, что?

Пауза. Молчит. А потом и выдает такое.

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Да как же ты там, в Орле, у себя живешь? В «третьей-то литературной столице»?

АВТОР. Да так. Классиков дюже много. Все Тургенев, Тургенев, музеи всякие. Там у нас так: если уж взялся за

гуж, пиши, как следует. Не то по стенке размажут... так-то с современниками...

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ну, и что же ты написал?

АВТОР. Три эпопеи: в поэзии, прозе, драматургии.

ОБА ОНИ. Да ты! Ты что – гений?

АВТОР. Вы думаете, гений – это банкеты, анкеты, хлеб с маслом? Тим – Рим – Иерусалим? Нет уж, позвольте. Это пуля в висок, это сила в песок, это боги, мученья за всех и за все... В каком доме лучше жить – с Пушкиным или Достоевским? Пушкин – сказка?.. Кублановскому в телепередаче доверили Пушкина представлять, и что?..

Пушкин – космос, Вселенная, байронизм только частность...

АВТОР. И уже тут, а Орле, когда из Москвы вернулся, задумался я об этой Одиссее-то: к чему это он так сказал? Да и попал я в эти свои «Одиссеи», к самым верхам античного мира – к Гомеру, 27 веков назад. Однако чем глубже смотришь в прошлое, тем дальше видится будущее.

ЖЕНА АНДРЕЕВА (*тоже доцент*). Во завелся, во завелся от Пушкина!

АВТОР. А как же. Вот смотрите! У Достоевского, говорят, нет описанья природы...

ЖЕНА АНДРЕЕВА. Зато описанье породы.

АВТОР. Да кто же против-то? Но я о другом. У Гоголя, когда Тарасу Бульбе в битве срубили голову, сказано-то как: «И покати́лась она, матеря́сь, под гору...» Матеря́сь! Вот эти, батеньки, художник! И у Есенина в «Песне о собаке»: «Покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег»...

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Да, конечно. Корифеи, гении наши! А у тебя что?

АВТОР. Да так вот, слету. Песня такая – **«Прощание с Киевом»**. Последний катрен, например. Француженка на автовокзале нас провожает. Стоит лицом в лобовое стекло, впилась в нас с сыном. Купили, мы ей за последние свои разменные деньги охапку цветов. Больше ведь никогда не увидимся!

«Вот так и стоит среди зноя,
С цветами, как огненный флаг.
Прощается Киев со мною,
В ее утопая руках».

Весь Киев в ее утопает в руках, а? Нет, каково?

Ай да Пушкин, ай-да молодец! И метафора, и глосса все вместе – таинственное в невероятном.

И как-то самой собой совершился мой новый перевод «Одиссеи» с несколько устаревшего перевода Жуковского... И далее потом получилось продолжение «Одиссеи» Гомера – третья героическая поэма «Белая Скифия». Это о наших пращурах скифах – праславянских, о наших скифских – скототских хлебородных местах, в которых, торгуя хлебом и отправляя хлеб в Элладу через греческие города – полисы на Понте Эвксинском – Черном море, вскормили немало греческих мудрецов, таких, как Аристотель, Эврипид, Платон с его «академией». И само собой к этой «Белой Скифии» подобрался научный базис, зазвучал музыкальный ключ. И вот как они оба, соединясь в душе моей, однажды запели моим голосом. Вот он, ход ученых – греческих мудрецов в белых одеждах. А с ними и наша скифянка.

Под музыку, в биоэнергическом ритме.

«В роще Платона» (песня)

«Из античной юности звенящей,
До седых теперешних веков
Тихой рощей, мысль плодоносящей,
Все ведет Платон учеников.

Все идут они, те корфеи,
Мимо соблазнительных олив.
Но одно местечко тут для феи,
Женщине любимой, припасли.

Вот как! И уж рощею Платона,
Тихой академией его,
К истине та скифская мадонна
Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла».

Картина вторая

Музыка прерывается.

АВТОР. А вскоре вечером, в одной из телепередач, слышу я голос, и кого бы вы думали? – Андрея Кончаловского. Вроде не о том и в то же время о том – о фильме – ретро, фильме Феллини «Ночи Кабирии». О знаменитом ходе в ночи героини фильма Кабирии. Вот он, этот голос Андрона.

ЕГО ГОЛОС. «Не получалось у меня. Может, потому что у меня не хватило смелости. Потому что определенно смелость необходима. Везде. И если ты великий писатель, чтоб написать великий роман... Я очень долго пытался разгадать секрет, как действуют такие, как Феллини, на зрителя. Помню во ВГИКе, я посмотрел картину Феллини «Ночи Кабирии» (реплика Андрона: «Кофе есть? где кофе? Я сейчас забастовку объявлю».

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС сверху: Кофе уже в пути.

АНДРОН Спасибо большое. Я говорю, я помню, как было в «Ночи Кабирии»... нас, студентов, повели посмотреть... старое, черно-белое кино... Будете плакать,

если вы увидите это кино, я плакал и думал: надо понять, как это снято?

И вот я взял картину на монтажный стол. Монтажный стол – это где смотришь пленку. Переворачивать, смотреть дальше. И вот я стал мотать. Так, вот она идет по дороге, понятно. Так, понятно. Общий план, камера сзади. Так, она пошла направо. Вот она присела. Записываю все: кадры за кадром. Делаю картину и думаю: почему она плачет, почему плачет? Я стал проматывать запись назад. Ничего так и не понял, почему я плачу, когда смотрю этот финал...»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И музыка, музыка. Грусть. «Запрещенные игры». И я тоже плакал, когда смотрел финал того же фильма «Ночи Кабриии». Знаменитый ход Кабриии в ночи, который породил целую волну в синема. Ну, скажем, «17 мгновений весны». Ход двоих по длинному каземату (*снимали, кажется, в «Матросской тишине»*). Ход вальжный – Шелленберг – Табаков, раскованный вместе с ходом Броневого – Мюллера вместе с Шелленбергом.

Плакал я и сейчас. Когда в «Белой Скифии» писал ход другой Кабриии, Кабирки с еще гомеровских времен. Невесты Телемаха. Ход ее к нему, Телемаху, – сыну Одиссея. И почему плакал? Тоже не знаю. Просто слезы сами лились, когда шла Кабирка в ночи, улыбаясь, с цветами в руках, несчастная и ненесчастная.

Не как, не что – главное в изображении, а какое оно?

И вот ход Молодого Грека в «Белой Скифии», встреченного Одиссеем, как ход Телемаха оттуда, в свою Итаку. К невесте своей...

ГОЛОС АВТОРА (*резко*). И появляется Молодой Грек, несущий на плече что-то.

«Лопата, похожая на весло».

Песня Молодого Грека, возвращающегося в родную Итаку.

«Я – грек, по Белой Скифии мотался.
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу Весло, с каким не расставался,
Как с посохом своим великий князь.

Под музыку, в ритме шагов.

На синем море торговал, горбачил.
Приобретал другое ремесло.
И вот Лопата, – ну а как иначе? –
И превратилась в то мое Весло.

Вернусь в родную греческую хату,
Воткну Лопату в тучный чернозем.
И превращу я в дерево Лопату,
На славу мы в Итаке заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб скифский хлынет изобильно к нам.
А как опять захочется Свободы,
Рвану на Север, к скифским берегам.

С Веслом, с Веслом опять уйду из дома.
А возвращусь с Лопатою, и рад.
Как воля, так Весло нам – царство грома,
А как Лопата – тишина и сад».

АВТОР. Так почему же, почему слезы сами льются, глядя на финал «Ночи Кабирии»? И не от жалости, нет. Просто от того, что Кабирия была не просто гулящая, не банальная проститутка, которую обобрали и бросили.

Она – из мира отверженных. Еще Гомер улавливал это, а мы тем более понимали. Не классами разделены люди, даже не нациями, что показал нам XX век. Раздел гораздо глубже. Люди с белой энергией, солнечные люди и с темной, черной, загадочной энергией. Люди ночи, тьмы, лунные люди, сомнамбулические. Природой так сотворено. Казалось бы, навсегда, канонически.

И этот ход Кабирии по направлению к любви, этот знаменитый ход Кабирии – к преодолению, стиранию граней онтологического, рокового.

МУЗЫКА. Украинская мелодия. Романтическая гитара. «Мисяць на небе». Эту мелодию пели три тенора в Париже, на стадионе в 1998 году.

Сейчас женский голос поет эту мелодию.

АВТОР. И эта Кабирия Феллини и Кабирка еще та, от Гомера, из «Белой Скифии», их взаимопереходы из белого в черное, из черного к белому – в стремлении к счастью, любви человеческой.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И новая мелодия, новая тема. И этот совершенно четкий голос – из реальности в этом мире, ясен с полуслова. И опять-таки из той же телепередачи голос Андрея Кончаловского. Все о том же, о той же Кабирии. Об этой «Ночи Кабирии», о знаменитом ходе Кабирии.. гаснет голос...

ГОЛОС АНДРОНА. «Я плакал и думал, надо понять, как это делается. И вот я кладу ленту на монтажный стол. А монтажный стол – где смотрят пленку. И мотаешь вперед – назад... Так, понятно. Вот она идет по дороге. Следующий план... так, общий план, камера сзади... И так кадр за кадром... И думаю, а почему она плачет, почему плачет?

Опять стал проматывать вперед-назад. Вот она идет по дороге. Следующий план... так, общий план, камера

сзади... И так кадр за кадром, сделал картину. И думаю, а почему Кабирия плачет, почему плачет?

Опять стал проматывать вперед-назад. Так и не понял, почему я плачу, когда смотрю этот финал?»

АВТОР. И я плачу, когда смотрю этот фильм Феллини. И тогда плакал, когда писал сцены из своей «Белой Скифии», сцены движения Кабирки к Телемаху.

Музыка. Все те же «Запрещенные игры», «Очарование сада».

И шаги, шаги отдаленные движутся по мелодии. Как в начале концерта.

АВТОР. Это сама грусть, это тема Кабириков, Кабирки; Кабиры – это племя иное, с Востока. В «Одиссее» – темные, лунные люди, филистимляне, ливийцы, колдунами их звали на Итаке. Они жили на маленьком островке, у самой Итаки. Она оттуда, из этого восточного племени, она дочь вождя кабиров, Гефеста.

Любовь к Телемаху, сыну Одиссею, укрощают ее темную энергию, делают ее белой, дневной. Но грусть разлита в ней. Ее необъяснимо тянет к белому, дневному Телемаху – сыну Одиссея.

Картина третья

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. *Музыка затихает... Возникает иная... Переборы гитары, нежность, томление...*

АВТОР (на фоне музыки). Что же думает об этом Одиссей? А вот о чем. И сам Антиной, и сын его ушли в иные миры, к губительной Керре, другие ждут своего часа, засылая сватов к Пенелопе. Самые страшные из них – кабиры. Алкая власть, они предпочитали своих богов, а не Зевесовых олимпийцев. Теперь, после смерти вождя их Тишайшего, и тем более. Кто же из кабиров

выделен быть женихом? Кому втайне пророчат кабиры после Одиссеи царскую власть на Итаке? Ясно кому, сыну второго базилевса – Гифуру, брату Кабирии.

*Музыка, гитара, «Токката». Нежность, странность.
Переливы волн людских, синего моря.*

Голос под гитару, поющий мелодию вместе с гитарой.

И Гифура – брата Кабирии

Они назвали Кабиром,

Выразителем всех.

Вот кто главный соперник Телемаха... в борьбе за царскую власть...

АВТОР. И рос, подрастал Телемах тут почти двадцать лет, пока Одиссей, его отец, ходил на Троянскую войну.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут в свивах ветров от берега, долетающих из-за поселения, Одиссей уловил голос. Ахеяне пели свою знаменитую песню о празднике. Каждый год поют ее в этот день, заканчивая труды свои на полях в виноградниках, и за плоды трудов своих благодарят высших богов.

Мелодия. Перебор гитары. «Запрещенные игры».

ГОЛОС ПОЕТ.

«О праздник великий,

Который всегда с нами!

Ты пришел к нам опять,

Мы так ждали тебя.

Праздник наш, наша лоза виноградная,

Винообильная.

Это наше вино искристое,

Благоуханное.

Праздник наш – это кубок,

Подставляемый нами под амфору,

Это струя, медленно текущая,

В горло падающая, на самое дно.

Праздник наш – это Солнце, Гелиос,
Это огненный, солнечноподобный кратер
С танцами наших ног,
Сорвавший нас в общий круг.
Праздник наш – это наши руки
На плечах друг у друга,
Которые не хотят
Точить стрелы,
Пусть делают это за них другие,
А мы хотим, чтобы люди всех островов
Родимой Итаки,
Всей дорогой нам Эллады,
Всей, всей огромной Земли
Положили руки на плечи друг другу
И образовали один огромный круг,
Наполняясь пространством всей, всей, всей
Нашей огромной Земли.
Танцуем же, поем мы про праздник,
Который всегда с нами.
О люди! С которыми мы вместе пьем
Златое вино.

Переборы гитары, радостные голоса.

О боги наши жизнелюбивые!

Мы любим вас,

Мы обожаем вас!»

АВТОР. И не заметил Одиссей, как ноги сорвались, понесли его, теперь уже сами, вниз с горы к людям, образовавшим круг и танцующим свой огненный танец. Ничего, ничего, Одиссей! Мы еще проживем, мы станцуем еще не раз этот вихрь наших ног, наш огненный, солнцепламенный танец любви...

Появляется Молодой Грек, несущий на плече что-то.

«Лопата, похожая на весло»

Песня Молодого Грека, возвращающегося в родную Элладу.

Стихи.

«Я – грек! По Белой Скифии мотался.
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу Весло, с каким не расставался,
Как с посохом своим великий князь.

Затем под музыку, поет.

За синим морем торговал, горбачил,
Приобретал другое ремесло.
И вот Лопата – ну, а как иначе? –
И превратилась в то мое весло.

Вернусь в родную греческую хату,
Воткну Лопату в землю за окном,
И превращу я в дерево Лопату,
На славу мы в Итаке заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб скифский хлынет изобильно к нам.
А как опять захочется свободы,
Рвану на Север, к скифским берегам.

С веслом, с веслом опять уйду из дома,
А возвращусь с Лопатой, и рад.
Как воля, так весло нам, царство грома,
А как Лопата, тишина и сад».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Под музыку из симфонии №40 Моцарта, под эту песню.

И это ход молодого грека –

Это ход Телемаха, а с ним и Кабирии.

АВТОР. Она улыбается людям, и слезы бегут, бегут у нее по щекам. А кругом ночь уже, ночь. И плачет она по несбывшемуся, по непостижимому. Но придет рассвет, можно будет перейти грань, назначенную самой природой. Да будет утро, да будет день! Да будет больше белой энергии, больше белого света в людях, через волю непостижимое.

Картина пятая

Музыка. «Очарование сада». Грустная песня Чайковского. Под эту музыку хорошо думается, вспоминается.

АВТОР (в одиночестве). Три времени года все вместе. Грустная песня – это «Октябрь» из «Времен года» Чайковского. Это – прошлое, казалось бы, недавнее, но уже прошлое. А что было в прошлом? Какой-то Совет принял решение о Гимне страны. Автором стал все тот же Сергей Владимирович Михалков. Вместе с поэтом Регистаном было, тот был соавтором слов еще того, первого гимна. Что я знаю о них?!

Был я в Самарканде. Регистан в переводе означает «площадь из песка», главная площадь перед «Гур-эмиром», главным храмом вблизи храма – мавзолея Тамерлана, занесенного ЮНЕСКО в свои анналы мировой культуры. Теперь Михалков – старший один, без соавторства.

Гимн опубликован. Могу сравнить с моим текстом, ведь мой написан тем же размером, на ту же музыку – Александрова. И что я вижу? Три кусочка моих. Какие? Сейчас покажу...

Сначала весь текст.

«Песня о России»

(гимн)

«Россия великая, Русь изначальная,
Ширь евразийская, вещей полет.
Тебе, моя Родина, песнь величальная,
Тебе мое сердце поет и поет.

Припев.

Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!

Прошли мы сквозь грозные годы, ненастья,
А столько еще нам пройти предстоит.
Но к Солнцу, но к миру, свободе и счастью
Нас чистое, смелое сердце стремится.

Припев.

Сияй, золотись куполами, любимая!
Россия могучая, матушка, Русь!
Моя неделимая, неодолимая,
Гордился тобою всегда и горжусь.

Припев.

Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!»

АВТОР. Так вот, какие же куски мои? А вот. «Мудрость народная», «Гордился тобою всегда и горжусь», и еще один... а какой – сами найдите. Я на эти два слова положил

всю жизнь свою (словосочетание «мудрость народная», «горжусь» (обращение от первого лица). А они хоп – взяли и вставили и приписали: «Михалков». И кто ж это сделал? Как вы думаете? Комиссия отца Дионисия? Но дело не в этом, мне слов не жалко. Дело в том, что гимн не поют. А почему? Дело-то в психологии. Музыка ладно, а вот слова обновленные путаются в сознании, в душе со старыми и тормозят дух...

Ну что говорил мне мой друг – профессор Андреев: что-то об Одиссее, да? Кто фильм поставил про «Одиссею» об четырех частях? Андрон Михалков-Кончаловский. И еще есть один Михалков, существует – Никита, это целое «дворянское гнездо».

Вместе их трое, горы своротят. Триглавым сделают Эльбрус, да, товарищ Андреев?

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Об чем речь?

АВТОР. Служу Отечеству! И рад служить.

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Действительно, по-моему, прежде всего совершена психологическая ошибка. Не надо было брать текст, приближенный к прежнему. Действительно, психологическая путаница. Путается в голове: те слова того времени, эти слова нового времени... мозги не срабатывают... Давление психологического порядка при том же авторе текста...

И автора надо было нового, и совершенно новый текст. А с музыкой?

АВТОР. С музыкой у меня все в порядке. Музыка еще та, привычная. Еще от «Боже, царя храни», а «Боже царя храни» еще от гимна английской королевы. Александров знал, что писал: что в генах сидит, и давно. Еще Пушкин написал такой текст, благодаря монарха за открытие царскосельского лица.

Вот.

«Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли.
Гордых смирителю,
Всех утешителю
Все ниспошли.
Там – громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.
Здесь безмятежною
Сенью надежною
Нас осенил.
Брани ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань –
Глас умиления,
Благодеяния,
Сердца стремления –
Вот наша дань!»

Ай да Пушкин! Ай да молодец!

Отчего же слезы не текут у того же Андрона от такого «финала»: гимн есть. а слова не поют? В трех временах года – это уже прошлое.

А вот настоящее. На днях наш Президент Медведев произнес послание народу (отнюдь не рядовое, рассчитанное на будущее), встали все в Георгиевском зале Кремля после того и слушают Гимн страны, а петь не поют. Никто. Ни сами, ни через трансляцию.

Тем более, через день-другой, то есть вчера, 9 ноября 2008 г., Президент Медведев подписал указ о государственной флаге. То «триколор» можно

было вывешивать на государственных зданиях, в государственных целях. Указ демократизирует «триколер»: на своих домах в праздники – пожалуйста, вывешивай, на футбольных матчах размахивай, «Россия, вперед!»

А гимн не поют. И не прикажешь ведь, душа не поет.

Помню свою первую публикацию. Стаж пенсионный с нее мне пошел. В Курске дело было.

С утра домой, в Малоархангельск, надо было ехать. Опоздал на «рабочий поезд». Пошел вниз, в цокольное помещение вокзала. Присел и, чтобы чем-то заняться до следующего «рабочего поезда», начал гимн писать «Курская земля».

«Курская, магнитная, родная,
Коренная русская земля!»

Бросил конверт в почтовый ящик в адрес «Курской правды». Да и забыл про это. Под Октябрьскую прибегают в институте ребята – сокурсники, трясут газетой: опубликовали! После мужик какой-то пришел, музыкант.

– Я, – говорит, – слова на музыку положил, вы не против?

Другой мужик пришел:

– Я, – говорит, хор областной профсоюзный, – мы этот гимн уж разучиваем, вы не против?

И пошло, поехало. Это в прошлом.

А в настоящем: и про свой родной Малоархангельск написал гимн, и про Орел, тоже гимн. В раж вошел. Это я потом про Россию. Даже на свою музыку оба гимна положил... Ну что – на этом закончим?..

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. А чего стесняться, ну и показывай. Интересно, как это писатель гимны пишет,

как какой-нибудь Третьяковский или Ломоносов... да еще и музыку к ним... да еще и поет... Прямо какая-то мистика... ты что, офонарел или гений?

АВТОР. А вы что – с ума, что ли, все походили? Вон у Андрона спроси, кто он? Конец фильма Феллини «Ночи Кабирии», сам же говорит, не знает, как квалифицировать... отчего ему плачется...

А я тоже плачу. Да вот по какому поводу – по творческому. Все русские гимны, все лучшее со всей России собрал я в книжку («Самые любимые, самые красивые») – так называется. Да взял и напечатал под своей фамилией. И к обложке такое свое шестистишие присопокупил:

«... Пойдем под ручку с чувствами
Размывами дорог.
И любитя, и плачется,
И песне далеко.
Весь путь наш обозначится,
И так легко, легко».

Картина шестая

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ну, и что ты хочешь этим сказать?

АВТОР. А ничего. Просто так. С детства пою, как птица в раю. Мать моя еще в первом, деревенском хоре у Пятницкого пела. Наверное, гены, да? Слышь...

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Как это, «слышь»? Я все же в Москве живу – вон где...

АВТОР. Так мобильник теперь: рраз... и вот он... Так вот, слышь? У меня домик в деревне. Ну дача, дача... В Тургеневском краю толстовские, фетовские места... Пишется, как дышится, а дышится, как пишется. Классики

за меня пишут, а я только гусиным пером вожу... Ну так вот, прошлым летом живу в своем поселке Синяевском (это бывший «столыпинский отруб»), работаю пером и лопатой, косою кошу. И вот, думаю, дай маненечко передохну. Включил магнитофон – своего «япошу», поставил фатьяновских «Соловьев», я сам там пою. А тут на косяке двери моего подвала – напротив распахнутого окна – соловей сел. Он тут у нас в дупле груши живет, не боится, не улетает. А тут сел, было начал щелкать и вдруг «япошу» услышал, замолчал, сидит и слушает, как мы с «япошей» тут разоряемся... Господи, у меня даже слезы выступили. Надо же, сам соловей нас с Фатьяновым слушает. И, когда на Фетовской поляне, на празднике поэзии (тут у нас, на том краю бывшего нашего подбелевского хозяйства «Россия», где Фет в Новоселках родился, Коюзюлькино в народе-то там называется). В общем, когда один тут приезжий стихотворец сказал мне что-то не то, а я ему и говорю: чего это тут с командой своей разоряешься, из себя выходишь? Это наши места – фетовские. Один соловей у нас: то тут попойет – к нам прилетит от Фета, а то там у нас, в Синяевском, попойет – сюда прилетит, к Фету. Так и живем тут в этих местах, на речке Алешне.

И стихи прочитал – «Алешня» называются. Вот такие.

«Алешня в пойме. Травяной настой.

Страна раки в березовом краю.

Купался тут когда-то Лев Толстой,

И я в воде по самую шлею.

Я – русский конь в упряжке ременной.

Коню с переметом затянуло в речку.

Какой там пряник, кнут вневременной!

Как дернут – оборвут, боюсь, уздечку.

Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гневи!
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!

По всей Алешне от берез светло,
По всей долине тянется туман.
Неси, Алешня, рук мои тепло
В огромный Ледовитый океан».

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ну, а дальше что? С гимном-то?

АВТОР. А дальше вот. На тот год буду на Фетовском празднике, эти стихи спою. Уж мелодию написал, Виктор Садовский на ноты положил, вроде бы понравилась, получилось.

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ну, а с гимном, с ним-то что?

АВТОР. Что я тебе – бог Саваоф? Вопрос заглох. Помню, послал тогда кассету с гимном дирижеру Президентского оркестра Овсянникову. Когда отбор был, концерт готовили, вытащил он, помню, Колю Баскова раньше срока, сорвали с учебы, голос еще не устоялся. Попал, правда, в Большой театр, да так и пошел по «откос». Бог дал талант для оперы, а он по эстраде пошел... Жалко... А меня, помню, хотели, наверно, увидеть, какой я из себя (да я типичный тенор по всем показателям – по голосу, по конституции «органоно»), на концерт в качестве журналиста Московского округа в Кремле из Орла группу нас пригласили, к Дню Победы.

Помню, цветов надавали, чтобы, значит на сцену вышел – Зыкину поприветствовать или Рената Ибрагимова за его песню «Кони-звери». А я застеснялся, не вышел, сидеть на

месте остался. А когда после концерта, выходили из зала, так Овсянников в дверях стоял. Вот такая шапка белых волос, торчал, издали было видать. Ну, а я типичный же тенор, нас таких только на сцене видать, а так, в потоке, мы – люди скромные....

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ (в сердцах уже). Ну дык что с гимном-то?! Скромный ты человек! Широко известный в узких кругах!

АВТОР. С каким – с тем или этим?

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ (*недоверчиво*). А что их у тебя много? Небось, еще и для Греции написал?

АВТОР. Повторяю, для Малоархангельска и для Орла. Оба, кстати, на музыку положены, а музыка тоже теперь вот на ноты... Какую хотел бы послушать?

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ну, про Орел, что ль, давай? Все же «третья литературная столица».

АВТОР. Спеть, что ль?

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ну, а как же?

АВТОР. Ну, поехали. Тоже еще не утвержденный.

Картина седьмая

«Гимн Орлу». Весь сразу или по частям?

АВТОР (*откашлявшись*).

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ (*широко известный в узких кругах*). Валяй сразу весь.

АВТОР. Заметь, без тренировки.

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Без репетиции?

АВТОР. Значит, так. «Гимн Ор-лу-у».

«Крылатой птицей над Окой летящий

Орел наш – город славы боевой.

Уж пятый век, как друг твой настоящий,

Он задушевно говорит с тобой.

Припев. Боянный, среднерусский, синеокий –
В музейный город едет вся страна.
Пусть мелки воды – берега высоки,
И все нам имена, все имена.

Первый салют Орлу – мы победили!
Первый салют – и всегда победим!
Улицы – розы, улицы – крылья,
Город любимый, Отечества дым!

Столица близко, слышатся куранты,
Кремлем – красавцем искренне горжусь.
Тут мелки воды – глубоки таланты,
Могучая тургеневская Русь!

Припев: Боянный, среднерусский, синеокий –
Гербовный город знает вся страна.
Пусть малы воды – велики дороги,
Овеянная славой сторона.

Первый салют Орлу – мы победили!
Первый салют – и всегда победим!
Улицы – розы, улицы – крылья,
Город любимый, Отечества дым!

Улицы – розы, улицы – крылья,
В небе России к Солнцу летим!
В гербе России Счастья хотим!
В гербе России Счастья хотим!

Гимн закончен. Пауза.

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. У-у сколько тут всего! Есть слово «горжусь», «могучий» – твое любимое слово...

АВТОР. Раньше всех... после Курска... про Малоархангельск я написал. Помню спел в Запорожье, а Саша Воинов – русский болгарин, доцент ихний, как пристал: «Подари! Подари моему городку, откуда я родом... из-под Мелитополя». – «Да ты что, – говорю. – Это же я про свою степь писал... про среднерусскую».

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Про сколотскую, хлебородную? Ну, валяй.

АВТОР. Да что я тебе – народный артист?

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Анастасия Вяльцева – тоже ваша орловская... брянских кровей... бывало, до утра людям пела, когда просили. Ну, прошу тебя, спой.

АВТОР. Это под баян. Написано так. На сжим и разжим. Особо припев: «А степь, а степь широкая. А по степи – кресты да колея-я-я»... Ух-ты, степь широкая-я-я...

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ну давай, давай, ждем-с.

АВТОР. Ну, значит, так... Да волнуюсь я, вот и... Ну, значит, так...

«Малоархангельск» (Степная песня).

«В когорте малых городов,
Быть может, и не самый малый,
Он весь из парков и садов,
На стеллах павшим звезды алы.

Мы тут живем на видном месте,
Как раз меж Курском и Орлом,
Где ключ Оки, родные песни
И синий-синий окоем.

Припев. А степь – а степь,
А степь – а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ – Ока, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.

Мое высокое раздолье.
Плесни из кружки, и течет
Одна река – на Черноморье,
Другая – до Каспийских вод.

Как назвала Екатерина,
Так и стоим мы на своем.
Малоархангельск – слово длинно,
Но кратко – на сердце моем.

Припев. А степь – а степь,
А степь – а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ – Ока, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.

Он крепко сшит и ладно скроен,
Георгиевский кавалер.
Как у Москвы, святой Егорий
Венчает наш духовный герб.

Мы у архангелов в чести.
Как Феникс, встаем из пепла...
Любимый город мой, расти!
Да будет мне с тобою светло!

Припев. А степь – а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ – Ока, а небо синеокое,
Глубинка русская моя!
Судьба моя, душа моя глубокая!
Россия – родина моя.
Судьбы моя, душа моя глубокая,
Святая Родина моя».

И пауза. Тишина. Возникает мелодия. Одна следует за другой. «Очарование сада» с щелканьем соловья, «Сны Вагнера», «Симфония №40» Моцарта.

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ (на фоне музыки). Ну и что про гимн-то России? Как, по-твоему может быть он в будущем времени? Будут петь его хотя бы спортсмены?

АВТОР. А «Одиссея»?

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Что «Одиссея»?

АВТОР. А то! «Одиссея» потянула за ниточку. Вытянула «Белую Скифию», а за него... чудесным образом... Голос Андрона Кончаловского, и Андрон уж вытянул фильм Феллини. Знаменитый ход Кабирии, над которым, недоумевая, плакал этот Андрон...

Возникает мелодия. «Запрещенные игры».

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. А если бы не заплакал?

АВТОР. Если бы плакать бы запретили? Не было бы ни гимнов – ни одного, ни второго, ни третьего... не было бы ни мелодий, ни запрещенных игр с ними, не было бы нашего с тобой диалога... не было бы ничего... «Табуля раза» – чистая доска, что значит, стертая память...

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ну и что остается в таком случае людям?

АВТОР. Катрен прочел я вчера в Малоархангельской школе... в честь ее юбилея... Краткость – сестра таланта.

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Двоюродная?

АВТОР. «Что школа вам дала? – мне говорят. –

Не божий дар, не пармская обитель.

Я говорю: – Когда других клеймят,

Меня зовут по-прежнему Учитель.

ПРОФЕССОР АНДРЕЕВ. Ай да Пушкин, ай да молодец!

Занавес.

Прилагается аудиокассета «Грезы Кабирии».

9 ноября 2008 г., г. Орел.

РУССКОЕ ПОЛЕ

(Седые хлеба)

Поэма о русском хлебе

Музыкально-лирическая новелла

Одноактная драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МОЛОДОЙ УЧИТЕЛЬ, ставший Писателем.

МОЛОДОЙ АГРОНОМ, ставший Губернатором провинции.

МОЛОДОЙ ВРАЧ, ставший зам. министра в Москве.

ВЕРА ИВАНОВНА ЕФРЕМОВА – мать врача, библиотекарь в г.Адамове.

НАДЕЖДА СТЕФАНОВНА СЕМЕНОВСКАЯ – сестра агронома, зав. клубом в г.Адамове.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА ЛУНИНА – жена учителя, преподаватель университета в областном центре.

ТЕЛЕЖУРНАЛИСТ.

ГОЛОС СВЫШЕ.

Действие происходит все в том же бывшем уездном степном городке Адамове где-то в серединной Руси. Главные герои – три друга, которые когда-то учились вместе – в одном классе одной тут, единственной школы. Лето в начале XXI века.

Картина первая

Армик. Испанская гитара. «Аранхуэзский концерт». Какой-то по-славянски грустный и в то же время широкий мотив.

ГОЛОС СВЫШЕ (*под этот фон*). Вот, наконец, и собрались три друга. Договорились, приехали в городок, где прошли их детство, юные годы. Где вместе учились, одни книжки читали, пели одни и те же русские песни.

Получились три замечательных, самых востребованных профессии, так считается в человечестве: учитель, агроном, врач. За спиной у них теперь годы, опыт такой, а песни, а степи эти, а русские души все те же.

Все трое (выходя на авансцену, положив руки друг другу на плечи). Наша, любимая. Наша, степная.

«Русское поле».

И все трое (запевая).

«Поле, русское поле.

Светит луна или падает снег.

Счастьем и болью связан с тобою,

Нет, не забыть тебя сердцу вовек.

ПИСАТЕЛЬ. Русское поле, Русское поле!

Сколько дорог прошагать мне пришлось.

Ты – моя юность, ты – моя доля,

То, что сбылось, то, что в жизни сбылось.

ВСЕ ВТРОЕМ.

Не сравнятся с тобой

Ни леса, ни моря.

Ты со мной, моё поле,

Студит ветер висок.

Здесь Отчизна моя,

И скажу не тая:

«Здравствуй, Русское поле!

Я – твой тонкий колосок!»

ПИСАТЕЛЬ. А степь широкая, седые хлеба.

«Хвала рукам, что пахнут хлебом».

Кто первый сказал эти слова? Ну кто, кто? Кто сказал первый? А Эжен Потье – автор слов «Первого Интернационала».

Опять звучит та же мелодия. Гитара, «Аранхуэзский концерт».

ГОЛОС СВЫШЕ (*повторяя под нее*). «Хвала рукам, что пахнут хлебом».

ПИСАТЕЛЬ (*внутренним, искренним голосом*).

Николай Рубцов.

«Положил в котомку сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.
Хлеб не взял, ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль.
Все же бабка сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала: «Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет»

ВСЕ ВТРОЕМ (*запевая*).

«Поле, Русское поле!
Пусть я давно человек городской –
Запах полыни, вешние ливни
Вдруг обожгут меня прежней тоской.

Поле, Русское поле!
Я, как и ты, ожиданьем живу.
Верю молчанью, как ожиданью,
Пасмурным днем вижу я синеву.
Припев. Не сравнятся с тобой
Ни леса, ни моря...
Поле, Русское поле!
Я – твой тонкий колосок!»

ПИСАТЕЛЬ (*вдохновенно*). Другьям моим хлеборобам,
воеводам районным, фермерам – людям новой формации,
отголоску столыпинскому прежних времен –

Это слово мое о русской хлебе.

Всем им это слово мое о русском хлебе.

ГУБЕРНАТОР. Видите, какое высокое место?

Среднерусская возвышенность. Там (показывая на северо-запад) лес и степь, лес со степью встречается – Полесье Орловское. Тут (показывая на юго-восток) поле веками встречалось с ковылями, с дикой степью.

И ВСЕ ВТРОЕМ (читая). «Мы тут живем, на видном месте,

Как раз меж Курском и Орлом
Где ключ Оки, родные песни
И синий-синий окоем.

Запевая (*под баян*).

А степь – а степь,
А степь – а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ – Ока, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.

ВРАЧ (*читая*). Мое высокое раздолье.

Плесни из кружки, и течет
Одна река – на Черноморье,
Другая – до Каспийских вод».

ПИСАТЕЛЬ. Шла неделя литературы где-то под Прохоровкой, вернее, в Большесолдатском районе Курской области. С утра выступали мы перед механизаторами. И вспомнились мне почему-то стихи французского поэта Артюра Рембо в моем переводе «Спящий в ложбине».

Это о молодом солдате в той еще, далекой прусско-французской войне. Когда этот солдат лежит, весь обнаженный перед небом, и две ранки в боку его краснеют, плещут. А он лежит, солдат, который молод.

И тут же вспомнилось наше, близкое тут, вот оно. Недавно перед тем мы втроем (со Львом Котюковым и

Виктором Дронниковым) побывали под тургеневским Льговом, в селе Ильинском (Хотынецкого района Орловской области). И как раз механизаторы выкопали останки молодого солдата, погребенного войной.

В клеенке сохранились письма сестре молодого солдата и адрес:

«Узловая Тульской области
Рядовой Василий Елисеев».

И написались тогда такие стихи, я тут же там их тогда и прочитал.

«Пахали поле, выпахав останки
Солдата, погребенного войной.
Дрожали письма на руках крестьянских.
Полуистлели, сделались трухой.

Но имя это все же сохранили.
«В.Елисеев... восемнадцать лет...»
На нем же рожь могучую косили,
В любви встречали не один рассвет!

Скорби же, Елисеевское поле, –
Простреленная Русская земля!
Не будь тебя, еще какой бы доли
Хлебнули Елисейские поля!»

ГОЛОС СВЫШЕ. Ахнул зал от боли и сострадания. Так какой же урок был дан всему человечеству! И Артур Рембо написал, может быть, пронзительнейшие стихи о войне. И опять эти стихи, это поле, опять судьбы людские...

ГУБЕРНАТОР. Вчера, по телевизору показали, в департаменте – побратиме нашем Шампань – Арденн Стелу павшим еще в той Первой мировой войне поставили. Под Верденом. Выступал Президент

Франции Никола Саркози, благодарил Россию: сколько же наших, русских, там тогда полегло. Целые полки туда, к союзникам по Антанте, были посланы русскими. В Первой-то мировой неприятель так и не взял ведь Париж...

ВРАЧ. На большой Орловско-Курской дуге была еще малая «дуга» в «треугольнике бессмертия» (Малоархангельск – Поныри – Глазуновка).

ПИСАТЕЛЬ. Это Сабуровское поле – четвертое поле России... Куликово, Бородино, Прохоровка... Под Сабурово только в одной атаке на каких-нибудь десяти гектарах, брошенные в бой почти без оружия, легли сразу десять тысяч... в основном хлеборобы, молодежь, белобилетники... и гвардейцы тоже... По две дивизии в день погибали тут... А вообще-то погибло не считано, не мерено... Лучшие сыны Литвы – Литовская дивизия вся начисто легла под Алексеевкой... Под Ольховаткой за день сразу семнадцати присвоили звание Героя, и ни одного в живых...

ГУБЕРНАТОР. Ключевое, знаковое слово «Свобода». Недаром штаб Центрального фронта под командованием Рокоссовского располагался туда, ближе к Курску, на танконепроходимом месте, в Коренной пустыне, в Свободе!

ПИСАТЕЛЬ. После Сабурово Хозяин фронта прибыл в Малоархангельск. Мне было тогда лет восемь. И мы, пацаны, попали туда, за оцепление из автоматчиков. И я видел Рокоссовского во дворе старой школы, как он распекал своих генералов. И было страшно и видеть, и слышать все это, и ощущать обстановку. Просто жуткие слова про Сабуровское поле... Сабуровское поле... Сабуровское поле...

ВСЕ ВТРОЕМ (вдохновясь, запевая в едином порыве).

«Поле, Русское поле!

Счастьем и болью связан с тобою.

Нет, не забыть тебя сердцу вовек».

Картина вторая

ГОЛОС СВЫШЕ. Поле, Русское поле! Что мы знаем о нем исторически? Сабуровское поле – четвертое поле России. Их бросили в 43-м сюда, в это бучило войны, и тех из местных, из молодых, которые в 41-м не достигли 18-летнего возраста. И тех со всей великой страны, которых после известного приказа под Сталинградом сочли «штрафниками», обязанными искупать несуществующую вину... Жестокая война, жестокосердная...

Музыка. Испанская гитара. «Аранхуэзский концерт». И под переборы гитары песня Богословского.

ГОЛОС ПОЮЩЕГО.

«Темная ночь.

Только пули свистят по степи,

Только ветер гудит в проводах...

И у детской кровати тайком

Ты слезу утираешь...

И тревожная темная ночь

Пролегла между нами»...

Пою и плачу, помню ведь, каждого вижу в глаза... майора Лисунова, капитана Евдокимова...

ГОЛОС ПИСАТЕЛЯ. Поэму о Василии Теркине читали танкисты, сидя с нами вечером у костра. Пели эти песни, народные песни, русские романсы, которые я пою до сих пор. А один молоденький лейтенантик, получив перед боем письмо из Ленинграда, пережившего блокаду,

о том, что у него там погибли все родные, семья, хотел застрелиться. А на другой вечер танкисты, вырвавшись из боя, приехали ремонтировать танки и сказали, что парнишка тот сгорел прямо в танке. Снарядом в танк заклинило люки, и молодой лейтенантик кричал там, сгорая. И пожилой солдат посадил меня на коленки (я был, помню, в праздничной белой рубашке) и сказал:

– Сынок, сможешь ты рассказать потом про все эти страсти людям?

И сказал я, угнувшись:

– Смогу.

Этот дядечка учил меня первым буквам, читать. А писать я и сам научился.

Возникает музыка. Голос Леонида Утесова. «Офицерский вальс». Это как будто про наш городок Малоархангельск, песня Никиты Богословского.

«Ночь коротка. Спят облака,
Я знакомую музыку вальса
Услыхал в тишине городка.
Утро зовет, снова в поход.
Хорошо, что я встретился с вами,
Проходя мимо ваших ворот.
Хоть я с вами совсем незнаком
И далеко отсюда мой дом,
Но мне кажется снова,
Возле дома родного
В этом зале большом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем».

ВРАЧ. Действительно, как будто про наш городок. Помню, как проходили мимо нашего дома солдаты.

Туда, к Сабурово, и оттуда больше уже не возвращались.
Просто прорва какая-то, молох.

ПИСАТЕЛЬ. А у меня такие рождались строки. За себя
и за того парня.

««Тихо вокруг»,
Высотки покрыты мглой.
Город во храмах приснится вдруг,
Лучший мой город земной.
«Черная ночь».
Только пули в степи и снуют.
Плакать не в мочь,
Завтра, наверно, убьют.
Только танк в той степи догорал...
Человек, расскажи!
Как танкист – лейтенантик сгорал!
Как проклятья гремели врагу.
Как парнишка рыдал... Не могу!
Как услышу на том берегу,
Все к тому лейтенанту бегу».

ГОЛОС СВЫШЕ. А хлеба тут настолько седы,
настолько седая история, что мы даже не подозреваем.
«Да, скифы мы с раскосыми и жадными очами!» –
Александр Блок. Да, скифы мы, скифы и наши пращуры,
предки дальние. А из скифов особые скифы – сколоты,
хлеборобы, земледельцы, жившие здесь, и выращивали
хлеба еще за 7-5 веков за нашей эры. А через греческие
города – полисы на Черном море они вывозили в
Элладу свой хлеб. Об этом узнал я, когда взялся за
«Одиссею» Гомера.

Так вот, слепой провидец Тиресий Одиссею – царю
Итаки – сказал (после Троянской войны Одиссей вернулся
домой и сразил из лука молодых ахейян, сватавшихся к
его жене Пенелопе). Так вот, чтобы царю достойно быть

похороненным в земле родимой Итаки, Тиресий – слепой старец-провидец – посоветовал Одиссею отправиться в новое путешествие, где бы весло в его руках приняли за лопату. И куда, думаю? А откуда шел хлеб в Элладу, Грецию, в Итаку? А отсюда, из наших мест, от сколотов, из Белой Скифии. Через греческие города – полисы. И вскормил наш хлеб всю Элладу, Аристотеля, Эврипида, Платона, самого Гомера, Александра Македонского, а через них всю европейскую, мировую цивилизацию. Вот какова цена нашему хлебу, нашим полям – сколотским, скифским, праславянским, нашим полям.

ПИСАТЕЛЬ. Слышите? Это песня Молодого Скифа, как гимн русскому хлебу. Это из «Белой Скифии», которую я написал как продолжение «Одиссеи» Гомера.

Итак, **«Весло, похожее на Лопату».**

«На синем море плавал и рыбачил,
Приобретал другое ремесло.
Моя лопата там, а как иначе? –
И превратилась, видите, в весло.

Приду домой, воткну весло за хату –
Перед окошком, в тучный чернозем.
И превращу весло опять в Лопату,
На славу, мы скифяне, заживем.

И зашумят сады и огороды.
Хлеб в закрома, за море потечет.
А как опять захочется свободы,
Рвану на юг, как всякий скифский сброд!

С Лопатой вдруг уйду из дома,
А возвращусь опять-таки с веслом.
Как воля, так Весло нам, царство грома.
А как Лопата – тишина и дом,
А как Лопата – тишина и дом».

Картина третья

*И опять возникает Армик. Испанская гитара.
«Аранхуэзский концерт» со своей по-славянски
грустноватой, протяжно ритмизированной мелодией.*

ПИСАТЕЛЬ. А эта песня о моем Малом городе – Малоархангельске, о нашем колодце с красной крышей посреди улицы, прямо напротив наших окон. Он жив до сих пор, несмотря на то, что в городе есть водопроводу, и все поит людей живой водой.

Дедушке моему Герасиму Макарычу

«Ключ-колодец».

(Моя авторская песня)

«В тихом городке Малоархангельске
Я иду, а под ногой журчит.
Под моими окнами, как праздники,
Голоса, как в серебрах ключи.

Кто их, родниковые, повесил –
Знак скрипучий, мерный звон цепей?
Кто колодец тут накуролесил
Посредине улицы моей?

Это водосвятие к народу
Вынесено с нашего двора
В знак того, что пали за свободу
На войне три дедовых орла.

Бьет вода живая – льет, не уставая.
Значит, живы! Господи, живем!
Дедово наследство – это помню с детства.
Дедушкино, родовое пьем.

Мелодия «Аранхуэзского концерта». Игра протупает все явственнее, проигрывает основной лейтмотив, от которого веет пространством, широтой полей.

А копал ту жилу дед с Ивани,
Доставал до чрева самого.
Про подлодку услышал на рани,
Задохнулся – это ж про него!

Это ж он, засыпанный в колодце,
Из Ивани голос подает!
После дед мой только и берется
Скалывать на сруб намерзший лед.

Вот водопровод в Малоархангельске,
Но с утра все светится, журчит,
И на нашей улице, как праздники,
Серебрами звякают ключи.

Бьет вода живая,
Льет, не уставая.
Значит, живы! Господи, живем!
Доброе наследство – это помню с детства,
Нашенское, родовое пьем.
Доброе наследство – это помню с детства,
Дедушкино, родовое пьем».

ГУБЕРНАТОР. А что, мужики, актуальная песня! Про воду! К двадцатому году нового века обозначится самый большой дефицит, а именно, пресной воды. Вода – это сельское хозяйство, производство продуктов питания,

уже сейчас в некоторых странах обозначается проблема с продовольствием.

ВРАЧ (*вставляя свое*). Кроме «золотого» миллиарда.

ПИСАТЕЛЬ. А у нас тут по городу еще и «трубочки»... льются бесконечно...

ВРАЧ. Немцы пример подали. Вон в конце Дайменки сделали главную «трубочку»... Оборудовано теперь неплохо: деревянная часовенка, скамеечки, купель для крещения...

ПИСАТЕЛЬ. Отец Василий крестит детей, молодежь в армию провожает... водицей родной кропит... Сколько «трубочек»-то по городу теперь? В Никулинском саду, по переулку Адлера, вниз от городской бани к пруду...

ВРАЧ. Это уж по моей линии. В Никулинском колодце тоже сделали «трубочку».

ГУБЕРНАТОР. Я уж говорю районному начальству, с урожаем не получится, так хоть воду будете разливать по бутылкам да продавать... как в Корсаково...

ПИСАТЕЛЬ. Петр Первый был спец по «марциальным» водам в Петергофе, «Самсона» поставил. Воду откуда, с высот, подают самотеком. И в Петрозаводске, и в Старой Руссе...

ВРАЧ. И в Липецке.

И, вздрогнув, сплотившись как-то, положили руки друг другу, на плечи они все втроем. Снова грянули главную свою, любимую «Русское поле».

«Поле, Русское поле.

Пусть я давно человек городской,

Запах полыни, вешние ливни

Вдруг обожгут меня прежней тоской...

Поле, Русское поле!

Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря.

Ты со мной, мое поле, студит ветер висок.

Здесь Отчизна моя,

И скажу, не тая:

«Здравствуй, поле! Я твой тонкий колосок»».

ГОЛОС СВЫШЕ. Однако хлеб вырастили, какой ранее и не снился. То о стопудовом урожае в песнях пели, это шестнадцать центнеров, а теперь по всему району центнерочков под пятьдесят... А куда везти? Кому продавать?

ПИСАТЕЛЬ (*подмигнув друзьям*). А как в добрые старые времена, как и прежде: в Итаку, в Элладу, в Грецию. Через Тьмутаракань, Геллеспонт – Черное море.

ГУБЕРНАТОР (*иронично*). Да как в добрые гомеровские времена.

ГОЛОС СВЫШЕ. Да вот же они, эти поля, – зеленые, золотые! Степь широкая, насколько хватает взгляда! По всей округе... вокруг девонских этих, малоархангельских глин...

ПИСАТЕЛЬ (*вдохновенно*). И я с молодости, когда еще в школе учился, уходил, помню, в эту степь, ухал в нее с головой, в эти поля по дороге на Глазуновску, вон туда – к «вышке», к наблюдательному пункту Рокоссовского, к Сабуровскому полю, и тогда раздавался голос в ночи. И я пел звездам такие лермонтовские слова:

«Выхожу один я на дорогу.

Сквозь туман кремнистый путь лежит.

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу.

И звезда с звездою говорит».

В те юные годы поспать мне хватало два-три часа. А утром я уж бежал к другу своему Володе Ефремову, а... да вот она, вот... видите призрак?

ГОЛОС СВЫШЕ. В самом деле, на мареве дороги возникает что-то похожее на человека.

ПРИЗРАК ВЕРЫ ИВАНОВНЫ *(библиотекаря бывшего, матери Володи Ефремова)*. Помню, помню.

ПИСАТЕЛЬ. Что помню? Как книжками щедро нас одаряла? Журнальчик «Огонек» нам всегда приносила?

ПРИЗРАК ВЕРЫ ИВАНОВНЫ. Приходшь с утра. А я улыбаюсь и говорю тебе: а кто-то пел вчера ночью, аж от Мурашихи, от Сабуровского поля, было слышать.

ПИСАТЕЛЬ. А я-то думал, что пою только звездам.

Картина четвертая

И опять же переборы гитары. Армик. «Аранхуэзский концерт». На грусть, на широту славянской души настраивающаяся мелодия.

ПИСАТЕЛЬ. А через годы так же ночью, на той же самой Глазуновской дороге, те самые слова мои зазвучали как песни. Про «Елисеевское поле», как будто про Сабуровское, тут у нас, за этим холмом. Мои слова, моя и мелодия.

(Запевая).

«Пахали поле. Выпахав останки
Солдата, погребенного войной.
Дрожали письма на руках крестьянских.
Полуистлели, сделались трухой.

Скорби же, Елисеевское поле, –
Простреленная Русская земля!
Не будь тебя, еще какой бы доли
Хлебнули Елисейские поля!»

ГОЛОС СВЫШЕ. Скорби же и ты, Сабуровское поле. – четвертое славное, героическое поле России! Куликово поле, Бородино, Прохоровка и ты, Сабуровское, – в

«треугольнике бессмертия» (Малоархангельск – Поньри – Глазуновка). В гигантском сражении на Орловско-Курской дуге. Нам еще предстоит до всего дойти, до всего докопаться: и как это получилось, что только в одной атаке под Сабурово на каких-то десяти гектарах легли сразу десять тысяч, в основном молодежи, хлеборобов, а на обелисках по деревьям всего каких-то десятки, сотни имен? И почему с 3-го по 8-го июля 1943 года, как началась битва, шли о ней сообщения, а с 8-го июля как рукой все обрезало. А приказ Верховного № 227 подействовал. И до сих пор про Малоархангельск мало где что найдешь в исторических документах? И, вообще, как это враг оказался на Волге и тут, в самом сердце Руси, а ведь Первую мировую войну провоевали где-то на западных, северо-западных рубежах? Военный ГУЛАГ, «скифский» план ведения войны – реальная перспектива...

А на другой день, а именно, 5 августа 2007 года, в годовщину Освобождения области, состоялось открытие мемориала Вечного Огня и танка на пьедестале на подступах к Малоархангельску со стороны Сабуровского поля, от Глазуновки.

Поле, Русское поле!

Степь широкая, обагрённая войной!

Стечение народу у Вечного Огня, у мемориального танка.

Тут же три друга, земляки: учитель, врач, агроном.

ПИСАТЕЛЬ (читая стихи).

– Что школа вам дала? – мне говорят. –

Не божий дар, не пармская обитель.

Я говорю: – Когда других клеймят,

Меня зовут по-прежнему Учитель.

АГРОНОМ (*улыбаясь*). Что ж ты не спелим? (*показывая на народ*)

ПИСАТЕЛЬ. Давно у сестры твоей хлеб не хочу отбивать (*показывая на Семеновскую, зав. клубом в Адамове*). Надежда Стефановна, как у вас там с концертом?

НАДЕЖДА СТЕФАНОВНА. Прекрасно! У нас как часы: одна Чугусова с детьми чего стоит!

ВРАЧ. Это которая поет песни Шаинского?

НАДЕЖДА СТЕФАНОВНА. Не совсем так, но вроде этого.

Подходит поближе сюда к ним Любовь Михайловна – жена учителя, преподаватель университета в области.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА (мужу). Лучше Артюра Рэмбо прочитай «Спящий в ложбине» в своем переводе. Как раз по теме...

ПИСАТЕЛЬ, он же Учитель (*вспыхнув*). Ну давайте хоть тут вам прочту. Артюр Рембо. «Спящий в ложбине»

«Зеленый дол, куда течет река.
В траве пожухлой стыннут берега.
И солнце, и гора молчит, строга.
Долина вся в лучах не велика.

И молодой солдат с открытым ртом
Лежит, весь обнаженный перед небом.
Один, среди волнуемого хлеба,
Весь распростерт, на ложе спит своим.

Шаги в цветах, а он лежит, лежит.
Все улыбается, как в детстве, дома спит.
И бледен он, и в тело входит холод.

От запахов уж ноздри не трепещут.
И рядом два пятна краснеют, плещут.
А он лежит – солдат, который молод».

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА (мужу, иронично). И что ты хочешь этим сказать?

ПИСАТЕЛЬ (чеканя). Во-первых, не я, а Рембо, он автор.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Переводчик – соавтор. Вернее, соперник автора.

ПИСАТЕЛЬ (еще более чеканя). Во-вторых, поэзию не объясняют. Сказано, и все. Соображай – каждый в меру своих возможностей.

ГУБЕРНАТОР (улыбаясь). Семейный дуэт... Спели бы лучше...

ВРАЧ. Сестра твоя рассказывала... Надежда Стефановна... как ее двоюродная с твоей двоюродной (Писателю)... ну подруги, подруги... Вот, говорит, пели здорово! Под гитару, дуэтом – голос низкий и голос высокий... И ты увивался, пел с ними, был голосочек...

ПИСАТЕЛЬ. Да не просто пели, а пели прекрасно! Сестра моя Лида – высокий голос, сопрано. А у Клавы Лаушкиной – низкий голос, меццо-сопрано...

ГУБЕРНАТОР. Вон телевидение идет. Я уже записался... По твою душу, Писатель? Что скажешь?

ПИСАТЕЛЬ. Сейчас услышите. Что сказать, тоже уже подумал.

Подходит тележурналист с магнитофоном.

ПИСАТЕЛЬ (давая интервью). Часто спрашивают: почему мы тогда победили? Во-первых, мы были у себя дома, защищали свой дом, свои семьи... Во-вторых, духом мы были выше врага, именно духом! Для меня лично «оттепель» началась не в шестидесятых, а именно тогда, летом сорок третьего... тут, на подступах к Малоархангельску, на Орловско-Курской дуге... Вовсю гремели в репродукторы когда-то полузапрещенные

песни, романсы. Офицеры, солдаты наши, пели Вадима Козина, Изабеллу Юрьеву...

АГРОНОМ (*улыбаясь восхищенно*). Работала ж идеология!

ВРАЧ. Все работало. Стрептоцид красный, потом белый... появился... Скольким тогда спасло жизнь...

Картина пятая

ПИСАТЕЛЬ. Шли в атаку на смерть – с улыбкой на устах, с песней, с поэтическим словом в груди!.. До сих пор Вадима Козина, Изабеллу Юрьеву пою... И таких, как они, например, Галину Кареву... Там, за Глазуновкой, сельцо есть такое, так там все Каревы...

АГРОНОМ (*иронично*). Изабеллы?

ВРАЧ. Анастасии... Анастасии Вяльцевой...

ПИСАТЕЛЬ. Так Вольцева же брянская родом.

АГРОНОМ, он же ГУБЕРНАТОР (*закрывая дискуссию*). Что не знаете, что ли, по какому все принципу строится? По губернскому. А Брянск губернии был Орловской.

ПИСАТЕЛЬ. Тогда и Николай Семеныч Лесков, великий русский писатель, тоже ведь не змиевский. Он родился у бабки своей, в деревне Старое Горохово... Малоархангельского уезда...

ВРАЧ. С этим Старым Горохово просто чудо, ни в какие ворота не лезет.

ГУБЕРНАТОР. И что?

ВРАЧ. Юмор, больше по вашей части... по административной... двенадцать стульев, одного не хватает...

ГУБЕРНАТОР (*сдвигая брови*). Н-да? Ну и чего!

ВРАЧ (*по-прежнему иронично, не отступая от своего*). А то! А то! Родился-то в Старом Горохово Лесков, а колхоз-то носил имя Тургенева.

ГУБЕРНАТОР. А что ж тебе надо – имени Горохова, что ли? Помните, было в нашем классе тут в школе даже трое Гроховых – семейство «бобовых».

ПИСАТЕЛЬ. Помним – помним, а как же? Это Иван Николаевич наш... Залипай... по биологии... так их прозвал.

ВРАЧ. Сам из деревни Залипаевки, что в Дросковском районе, он оттуда был, Размологов.

ПИСАТЕЛЬ. Так Лесков-то что тебе не велик, что ли? Когда в Орле ему открывали памятник, так председатель Всероссийского комитета Свиридова даже гениальным назвал...

ВРАЧ. Всегда у нас так. Нет пророка в своем отечестве. В музее Лескова в Орле сам читал, рукой Лескова написано: мол, ухожу из жизни «третьестепенным» писателем... вот так... На «Литераторских мостках» в Питере под зеленым замшелым камнем лежит...

ГУБЕРНАТОР. А что б вы хотели? Даже Пушкина лишь через сто лет стали признавать. В Москве когда памятник ставили...

ПИСАТЕЛЬ. До начала шестидесятых в вузах все причисляли его к романтикам – «байронистам»...

Картина шестая

Все там же, в Адамове, все трое. Учитель, Агроном, Врач.

На другой день, вспоминая вчерашнее.

ГУБЕРНАТОР (Писателю, откровенно). Самое интересное что ты, брат, сказал! Про «оттепель»-то. Сила духа, мол, да! Умирала, мол, с песней, с поэтическим словом в груди!

ВРАЧ (иронично). А помните Чепуху?

ПИСАТЕЛЬ (*живо*). Помним, а что?

ВРАЧ. А то! Десять лет отсидел, жив, спасибо, остался.

ГУБЕРНАТОР. Кому «спасибо»?

ВРАЧ. Как по-латыни «чепуха»? Реникса... Всегда был такой примудренный этот Чепуха. Словотворец, весь в сказках да прибаутках. Порода такая. У них в роду все такие. Так вот, взяли брякнул где-то: «Дурак красненькому рад». Всегда так все говорили, отроду было так. А тут иные времена – иные, значит, пламена. Окрас слова тот же да смысл, выходит, другой...

ГУБЕРНАТОР (*кладя руки на плечи друзьям*). Эх, ребята! А Русское поле всегда одно, Русское поле!

Запевая.

«Эх, пусть я давно человек городской.

Запахи полыни, вешние ливни

Вдруг обожгут меня прежней тоской.

Русское поле, Русское поле!»

ПИСАТЕЛЬ (*запевая*).

«Ах ты, ноченька!

Ночка темная!

Ночь темная-я-я, ах,

Ночь осенняя.

С кем я ноченьку,

С кем я темную.

С кем осеннюю

Коротать буду?

Нет ни матушки,

Нет ни батюшки

Нет ни девицы,

Разлюбезной, дорогой.

Только ты одна,
Ночка осенняя.
Ночка темная».

Возникает испанская гитара. Армик. «Аранхуэзский концерт», На фоне мелодии голос:

«Русское поле.
Седые хлеба.
Хвала рукам, что пахнут хлебом!»

Картина седьмая

ГОЛОС СВЫШЕ.

Оркестр Рея Кониффа. «Зеленые поля».

И мелодия. И фон ее, этой мелодии. И на фоне – голос Писателя. Вот такие слова:

«Когда я иду зелеными, этими зелеными полями, к своей деревеньке, заброшенной где-то в срединной Руси, тут у нас, на Орловщине, в местах, связанных с именами Льва Толстого, Тургенева, Лескова, Фета, я слышу в себе эту прекрасную мелодию Кониффа. И здесь, на виду села Высокого, она звучит во мне как исповедь сердца, сливаясь с народными песнями о жизни сиюминутной и вечной, о нашей душе человеческой.

И я иду навстречу новым словам, в душе моей созревающим, навстречу новым книгам в поэзии, в прозе, в драматургии, навстречу любимым людям Нюре и Ивану Тихоновым из поселка Синяевского, навстречу Солнцу, встающему там, за селом Высоким, из-за горизонта, навстречу моим новым песням.

И вечер уж, и звезды над головою, как яблоки, а рукой не достать».

11-12 ноября 2008 г.,
г. Орел – г. Мценск – г. Малоархангельск.

ЗОЛОТОЙ ОРЕЛ
(Неаполитанские песни в Орле)
Музыкально-лирическая новелла
Концерт – шоу

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Романтическая гитара и на ее фоне
ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Здравствуй, Орел! Это я
– Леонардо, – твой певец. И почему неаполитанские
песни в Орле? А потому что я всю свою жизнь мечтаю
о Неаполе, пою неаполитанские песни с молодости,
как будто на берегу прекрасных лазурных вод, на
берегу Неаполитанского залива. Да ведь и Орел, как
сказал классик, вспоил на своих мелких водах столько
литераторов, сколько не поставил на пользу Отечеству,
ни один другой русский город.

Мелодия, гитара.

Так что это орловские мелкие воды – великие воды и
стоят мессы.

*Гитара сменяется мелодией со светлыми, энергичными
ритмами.*

Итак, Ока – река, этот пояс Богородицы. Белый
корабль – прогулочный теплоход. Волны плещутся, –
иллюзия моря. И я пою а'капелла под эту волну.

«Санта Лючия»

«В лунном сиянии море блистает,
Ветер попутный парус ласкает.
Лодка моя легка,
Весла большие,
Санта Лючия, Санта Лючия!

Город Неаполь очень прекрасный,
Мне улыбнулся свод неба ясный.
В душу вливаются взоры земные,
Санта Лючия, Санта Лючия!

Прочь, все заботы, прочь, все печали,
О мой Неаполь! Светлые дали.
Радость безмерная, нет ей причины.
Санта Лючия, Санта Лючия!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Утро. Розовеет небо. Белый теплоход отчаливает от стенки. И тут же знаменитая Стрелка – место впадения Орлика в Оку, мыс Доброй Надежды. Здесь, под дубом Орла, и начинался наш город летящий, гербовный город. Да вот она, стелла. Под Стеллой в честь 400-летия заложено письмо к потомкам (1566 год). Столб фонтана напротив бьет прямо из вод Оки. Как в Венеции, много воды. А в них отражаются звезды – ночью, вечером. Огни фейерверков, мы – город Первого Салюта.

И вот это утро, розовеющее на волне.

Пою.

«Рассвет» Леонковалло

«Аврора уж солнце встречала,
Покровы раскинув свои.
Багряной рукою ласкала
Аврора и в поле лучи.

О, если б ты знала, как страстно
Тебя на заре солнце ждет.
«Ужель буду ждать я напрасно, –
Певец так, страдая, поет?»

В белый наряд твой подвенечный
Сердце не скроешь ты от меня.
Буду любить я образ твой нежный,
Не для любви ль ты создана?»

Какое славное, розовое утро. Акварельный рассвет. Обвевающий по Оке ветерком лицо мое. А представим себе другое утро, туманное. Тургенев – русский писатель. Да вот дом с доской на улице Тургенева, где родился он, Иван великий. Вот памятник ему тут, над Окой. Романс его на музыку Юлии Абазы.

Сегодня ясно, а завтра утро будет туманное, седое, и этот романс – знаковая песня, гимн русской интеллигенции.

Поют голоса – мужской и женский.

«В пути»

**«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.**

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые.
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь, родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое».

Сменяя мягким мужским голосом. Ритмически.

На английском: «Синьорина, капуччина...»

Певец из Италии? Да?

Видите, нас поддерживает «скаудра адзура».

Далида поет. Затем мягкий мужской голос, вроде Фрэнка Синатры.

«О ля белла синьорина...»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Подожди нас тут, белый теплоход! Амы пройдемся вверх – от Стрелки по Орлику. Видна банк, Александровский мост, на собор Михаила-архангела – прекрасное место Орла. А в Орлике плавает белый лебедь. Ну как не отклониться еще раз и не спеть свою песню, на мою музыку, на слова Стефана Малларме «Умиравший Лебедь» (в моем переводе с французского).

«Не знает высоты, на юг не улетает,
Он тут всегда, а пруд сковало льдом.
Он хочет пить, он бьет по льду крылом,
Но льда его крыло не пробивает.

Он – Лебедь, он встречает смерть на льдине.
Зима пришла, сурова и седа.
А он все тут – на милой на равнине,
Откуда все летят, когда зима сюда.

Тряхнет он шеей – тонкою, лебяжьей
И не стремится ввысь, слабее силы вражьей.
Крылом не одолев земного притяженья,

Он сел на пруд, чтоб тут заиндеветь.
В плену у льда, исполненный презренья,
Свободный – на свободе умереть».

Ритм гитары. Энергичные, как четкие шаги по земле.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут же поблизости ряды, Торговые ряды города. Красота, одетая в мрамор. Как я писал в одном из своих романов, тут же дом, один дом дороже всей какой-нибудь Волоконовки.

А вид с Красного моста каков – на старый театр, когда-то это была городская Дума. А за театром – памятник еще одному великому орловцу – писателю Николаю Семеновичу Лескову. А вокруг него персонажи – бронзоволикие. Вот Грушенька с гитарой. Ей и споем.

Неаполитанская песня. «О Мари»

«О, растворишь, окошко!
Дай увидеться мне с нею.
Пред ней благоговею,
Я жду свиданья с ней.

Я свой покой утратил,
И глаз я не смыкаю.
Только о ней мечтаю,
Я жду свиданья с ней.

О Мари! О Мари!
Ты навек унесла мой покой.
Дай хоть на миг
Мне забыться в объятьях с тобой.
О Мари! О Мари!
Ты навек унесла мой покой.
В дар мне верни,
О Мари! О Мари!»

«Первое письмо».

«Нет на свете глаз добрей, чем ваши.
Нет улыбки ни нежней, ни краше.
Взгляда нет на всей земле скромней,
Сердца горячей.

Отчего ж при вас всегда краснею,
Даже улыбнутся не посмею.
Слова дорогого
Я сказать, признаться, не решусь.

Первое письмо, первое письмо,
Тайну сердца раскроет вам оно.
Ни в одной строке с вами не хитрю.
Я при встрече вас все повторю.

Первое письмо, крохотный листок.
Вы найдете там слезинку между строк.
Я сдержать не мог эти слезы счастья,
Я был весь во власти любви и тревог».

«Синьорина»

«Есть красотка – синьорина,
Что со всеми так любезна и мила.
Постоянно весела, чья улыбка так светла,
Кто сердечных ран моих причина.

В честь красотки – синьорины
Под окном всю ночь вздыхает мандолина.
Трал-ляля...
Если ты промелькнешь в окне,
О плутовка моя!
Если руку протянешь мне,
Значит, ты любишь меня.

Вы прекрасны, нет сомненья.
И к лицу вам этот праздничный наряд.
Даже ваш сердитый взгляд.
Мне дороже всех наград,
Я пленяюсь им в одно мгновенье.

Вы прекрасны, нет сомненья.
Встретив вас, приходит каждый в восхищенье
Траля-ля...

Если ты промелькнешь в окне,
О плутовка моя!
Если руку протянешь мне,
Значит, ты любишь меня».

«Пой мне»

«Пой мне! Хочу еще раз, дорогая,
Услышать голос твой я в час разлуки.
Хочу я вновь изведать блаженство рая
И повторять всю жизнь той песни звуки.

Пой мне! Пусть надо мной бушуют грозы.
И бьется в берег день и ночь прибой.
Море! Оно мои разбило грезы.
Под рокот моря я прощусь в тобой».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут опять прямо с неба
слетают перлы – жемчужина голоса. Это роскошная
песня, это шикарный итальянец всея Америки, друг папы
Римского – Фрэнсис Альбер Синатра.

На фоне прекрасной песни Синатры.

ГОЛОС МОЙ. Грейтесь! Грейтесь, если замерзли!
Поет Фрэнсис Синатра.

И он поет. Ритмы и красота мелодии.

МОЙ ГОЛОС. Ну что ж, и я оттаял. Остается не
ударить лицом в грязь. Кстати, это прекрасное, высокое
место Орла. Главная площадь. Интересное место, не
правда ли? Ну, а все остальное – в песне об этом. Итак,
моя авторская песня

«Червоная свеча».

Специально для этого и написана. Прямо тут впервые поется. Итак, моя авторская песня **«Червоная свеча»** (песня из цикла «Золотой Орел»).

«От главной площади Орла
Две улицы, как два луча,
Две волховы, сквозь город прорезаясь,
И золотые купола
Червона золота свеча
Горит в сердцах,
По двум лучам передвигаясь.

Запеваает голос, мелодия.

Одним лучом – с холма туда,
Вниз по бульвару, кабакам,
В храм на Песковской,
В златоглавость упираюсь.
Я чту старинные года,
Красиво тут, красиво там.
Как по весне, как в тишине
Тревожит завязь!

Другим лучом
С холма на холм,
На кафедральный шпиль – собор,
На острие его ложусь и замираю.
Здесь бой курантов и «Бристоль»,
Как изумителен обзор!
У края моря тут стою и припадаю.

На двух лучах
Вальс «При свечах»,
Как все в Орле, на двух лучах.
Со временем никак не успокоюсь.
Роман давно бы мой зачах,
Но на устах, но на плечах
Все эта нескончаемая повесть.

Роман я с городом кручу,
А на устах... молчу, молчу...
Не до столиц нам
С лоском их и блеском.
Несу червоную свечу
И не столичности хочу,
А все-таки как где-нибудь на Невском.

От главной площади Орла
Две улицы, как два луча, –
Две волховы, две волховы, две волховы».

Мелодия. Романтическая гитара, как и в начале.

МОЙ ГОЛОС (И под фон гитары).

И если пойти по первому лучу – к Храму на Песковской, то эта пешеходная улица, а на ней бар – подвальчик, со ступенями вниз. Или магазинчик – кафе «Ягодка». Лепнина-то на потолке, как в Елисеевском – в Питере или в Москве.

И что будем пить, мистер, мастер Леонардо? Ограничимся соком? Яблочным. Из знаменитой орловской антоновки, воспетой Буниным. А улица – бывшая Болховская. По направлению к Болхову – этому храмовному городу на Орловщине, орловскому Суздалью. В его окрестностях в селе Павлодар и родился поэт Аптухин.

А что будем петь? Ну что ж, тряхнем стариной. Споем его – авторскую «Пара гнедых». И тут – чудо такое – подошел ко мне сам Алексей Аптухин (ну, помню, копия его – встретился в Кромской районной газете, Апухтин был там редактором, современный редактор апухтинских, боярских кровей). Помню, положил руку мне на плечо. «Ну, спой, спой, Леонард», – попросил.

Фантазия, конечно. А все как наяву.

«Пара гнедых»

«Пара гнедых, запряженных зарею,
Тоших, голодных и грустных на вид,
Тихо плететесь вы мелкой рысцою,
И возбуждаете смех у иных.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых, пара гнедых.

Ваша хозяйка в старинные годы
Много хозяев имела сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более пылких сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых, пара гнедых.

Русский, француз, англичанин и немец,
Герцог, барон, офицер, генерал –
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у неё засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей поныне,
Пара гнедых, пара гнедых.

Тихо туманное утро в столице,
По улице медленно дроги ползут.
В гробе том жалком останки блудницы
Парой гнедых еле-еле везут.
Кто ж провожает ее на кладбище?
Нет у нее ни друзей, ни родных.
Несколько только оборванных нищих
Да пара гнедых, пара гнедых».

Гитара, Гюйя. Ритм. Мелодия «Мария – Элен».

ГОЛОС МОЙ (*под гитару*). А другой луч направлен на собор в отдалении, на улице 5-го Августа. Храм иконы Казанской божьей матери – защитницы святой Руси. А на фоне собора – памятник еще одному замечательному писателю-орловцу Ивану Алексеевичу Бунину – нобелевскому лауреату. Памятник тут, на фоне Оки. А неподалеку областная библиотека, носящая его имя.

И музыка, музыка. Гитара, Гюйя, «Мария – Элен».

ГОЛОС МОЙ (*продолжая*). Общеизвестно, Бунин – писатель-орловец. Однако, как и я, прибыл сюда, на Орловщину он уже парнем – в Елец, в имение под Ельцом, а я – лет около двух в степной городок Малоархангельск. Я сложил ему гимн, в гимне есть такие слова:

«Мы тут живем, на видном месте,
Как раз меж Курском и Орлом,
Где ключ Оки, родные песни
И синий-синий окоем».

Между прочим, мы оба работали, можно сказать, в одной газете. Она – тогда называлась «Орловский вестник», это было во времена, когда Бунин переводил «Песню о Гайавате» Лонгфелло. А я – работал в той же «Орловской правде», в таком же отделе газеты, где занимался в основном прозой и публицистикой. Недаром Бунину два города поставили памятники: тут – в Орле и Воронеже, где мы с ним родились.

Мелодия. Все та же «Мария – Элен».

И ГОЛОС МОЙ. Ну, а внизу по направлению луча, все та же Ока – река, наш белый теплоход, великие воды Орла.

Будем же плыть по Оке
И петь о море, о любви.

Мелодия та же, что ранее была фоном неаполитанских песен. Энергичные ритмы, они летят, как птицы, эти неаполитанские песни, русские романсы.

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Мелодия. Романтическая гитара. Поет маэстро Леонардо. А'капелла.

Неаполитанские песни.

Малоархангельская Лена Ильина пришла домой к нам в орловскую квартиру. Приехав из Львова, Лена рассказала нам, что теперь она уже где-то под Неаполем. Поехала оттуда, с Западной Украины, в Италию и устроилась на работу где-то под Неаполем, о котором я мечтаю

всю жизнь. Хозяин ее – какой-то профессор из города. У нее есть дело, пищевое предприятие, и Лена вначале была посудомойкой, готовила пиццу. Своим трудом, энтузиазмом и честностью в деле заслужила у хозяина уважение и даже квартиру. Вызвала к себе мужа.

Услышав, как я пою неаполитанские песни, Лена сказала:

– Приезжайте в Неаполь к нам, дядя Лёня... Вы думаете, если там итальянцы, то все поют, как Карузо? Споете, положите шапку, да они деньгами вас закидают...

Засмеялся я на это и спел такую вот неаполитанскую песню.

«О мое солнце!»

«Как ярко светит после бури солнце,
Лучами алыми мир озаряя.
И к новой жизни сердце пробуждая,
Как ярко светит после бури солнце.

Я знаю солнце еще светлей,
О дорогая, солнышко мое!
О дорогая, солнышко ты,
Солнышко мое!

Как дивно светит солнце в час заката,
Лучами алыми мир озаряя.
Привет прощальный шлет нас обнимая,
Как ярко светит солнце в час заката.

Я знаю солнце еще светлей,
О дорогая, солнышко мое!
О дорогая, солнышко ты,
Солнышко мое!»

* * *

«Море синее играло
Бирюзовою волной.
При разлуке твои глазки
Затуманились тоской.
Мне как будто говорило,
Море ласково шумя:
– Не грусти, вернется милый,
Приголубит он тебя.

Море, верни нам вновь
Ласку, мечту, любовь.
Счастье снова улыбнется нам,
Снова я прильну к твоим устам.

Страстно я буду ждать
Лишь о тебе мечтать.
И настанет этот час.
Море лаской встретит нас.
Не грусти, мой друг, прощай.
О не грусти, прощай!»

* * *

В молодости, еще в 9-м классе, мы вечерами, бывало, гуляли в Малоархангельске по главной улице – по ее бульжной мостовой. Это улица была для нас как Невский в Питере, Арбат в Москве, Дерibasовская в Одессе. И там, бывало, я иногда пел русский песни, романсы и даже неаполитанские песни. Вот ко мне прицепился один землячок, учился классом ниже, – Витек Колединцев. Вот любил он когда я пел эти неаполитанские песни. И все просил повторить, особенно «Баркароллу».

А на той улице дом стоял, и жил в нем новый директор школы. Самодур оказался, кулаком по каждому поводу стучал в классе по столу, бывало, и тем себя утверждал. Вот вызывает он на другое утро к себе Витька. А тот наивный такой был, мать-уборщица, отец на фронте погиб. «Эр» не выговаривал.

– Чего это вы допоздна орали вчера под окнами! Бродили до ночи! – сдвинул брови директор.

– Баггркагорллу пели, – разулыбался Витек.

– С кем это?

– А с Леонардом Золотаревым.

– Баркароллу? Слова выбирай, какие полегче, без буквы «Р»... Вишь, как у тебя: Ко – ллле – динцев. Без буквы «Р»...

И вот теперь я пою, стараясь чересчур не грассировать эту букву.

«Баркаролла»

«Что ж ты дремлешь, моя дорогая,

И не выглянешь даже в окно.

В небе бродит луна золотая,

Без тебя же на сердце темно.

Слышишь мерный шум прибоя,

Ожиданьем весь я полн,

Пусть дорогою счастья с тобою

Нас помчит легкокрылый мой челн.

Может быть, на меня ты сердита.

Может, чем я обидел тебя.

Или прежнее счастье разбито,

Приходи же, не мучай меня!

Слышишь мерный шум прибоя,
Ожиданьем весь я полон,
Пусть дорогою счастья с тобою
Нас помчит легкокрылый моя челн,
Мой челн!»

* * *

«Скажите, девушки, подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтая,
Что нет красавиц ее нежней и краше.
Я сам хотел признаться ей, но слов я не нашел.
Очей прекрасных огонь я обожаю,
Скажите, что иного я счастья не желаю.
Что к ней всем сердцем, как цепью, прикован,
Хочу тебе всю жизнь отдать, тобой одной дышать.
О, если б только смелости набраться,
Я б ей сказал: напрасно ты скрываешь,
Что нежной страстью сама ко мне пылаешь,
Расстанься с хитрой маской и сердце мне открой.
Очей прекрасный огонь я обожаю!..»

**ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Под Спасским-Лутовиново
(стихи).**

«Две липы, две кроны у вешнего сада.
Вплетается в шепот гобой.
То блюзы, то роки – живая эстрада,
То Рознера джаз голубой.

Зеленою музыкой бредит макушка,
Сюжет на макушке двойной:
Пониже, с романсом, садится кукушка,
На джаз – соловей озорной».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Еще не вечер, но уже розовеют воды Оки. Споем же в честь дня уходящего эту, одну из моих любимых, неаполитанских песен.

«Амополло»

«Едва сменит зной ночей прохлада,
Я здесь, у зеленой тени сада.
Лети, как птица, эта серенада,
Зови, о зови эту песню любви!

Амополло, цветок весны прекрасный,
Дыхание ночей душистых мая.
Разве можно не быть влюбленным страстно
И жить, от пылкой страсти не сгорая?

Амополло, как море в час расцвета,
Любовь моя безбрежна и нежна.
И, надеждой чуть согрето,
Сердце ждет на зов любви ответа.

Как мед, уст твоих лобзанья пряных,
Как хмель, он мне голову туманит.
Как жизнь, слова признанья всем желанны.
И снова пою здесь я песню мою.

Амополло, цветок весны прекрасный,
Дыхание ночей душистых мая.
Разве можно не быть влюбленным страстно
И жить от пылкой страсти не сгорая?

Амополло, как море в час рассвета,
Любовь моя безбрежна и нежна.
И, надеждой чуть согрето,
Сердце ждет на зов любви ответа».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Что ж, остановимся на этом месте, на равном удалении от старого тетра – бывшей городской Думы, Александровского моста и памятника Лескову. Перед нами собор Михаила-архангела во всем своем великолепии и красоте. Здесь в XIX веке, когда провозили из Таганрога в столицу, покоилось тело государя – императора Александра I. В этой точке всегда было многолюдие. Все кипело народом тут во все времена. А сейчас? Из распахнутого окна театра доносится мелодия – бельканто, протеже самого Марио Ланца – это Хемпердинк.

«Мой мир»

Мелодия и тенор, поет под оркестр.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Проедем по Орлу и окажемся на вокзале. Привокзальная площадь. Белоколонный размах крыльев в греческом стиле.

– Ну что, Орел? Послушаем куранты?

Бьют склянки. Исполняют прекрасную мелодию Калинникова – симфонию русской души.

Это ворота Орла. Сюда приезжают и отсюда возвращаются, чтобы вновь и вновь соприкоснуться с нашей русской культурой, с писателями-классиками, навевающими особое настроение.

Итак, **«Вернись в Сорренто»**.

Такую песню хочется спеть здесь, на вокзале, как и когда-то впервые исполнившему ее автору этой песни Куртису. Он спел ее на вокзале в Сорренто, провожая гостя из Рима. И что хотелось попросить высокопоставленного чиновника, так это то, чтобы власти дали денег городку

на открытие почтового отделения, в Сорренто не было даже своего почтового отделения.

И, когда артист спел гостю свою песню, городку дали денег даже на два почтовых отделения!

Гитара. Мелодия. Ритмы бравурные, четкие, мелодичные. И голос. Неаполитанская песня. Поет Леонард Золотарев.

«Вернись в Сорренто»

«Видишь, как прекрасно море,
Как волнуется оно!
На душе моей лишь горе,
Все страдать осуждено.

Слышишь, песня раздается,
Вдалеке звучит она.
О любви она поется,
Грусти и тоски полна.

О, не уходи, друг милый,
Мне прощай не говори.
Не роняй цветок увядший,
Слов прощальных не дари.

О, не оставь меня,
Тебя я умоляю!
Вернись в Сорренто.
Вернись молю!»

«Первое письмо»

«Нет, на свете глаз добрей, чем ваши,
Нет улыбки ни нежней, ни краше.
Слова нет на всей земле скромней,
Сердца веселей.

Отчего ж при вас всегда краснею,
Даже улыбнуться не посмею.
Слова дорогого
Я сказать, признаться, не решусь.

Первое письмо, первое письмо.
Тайну сердца раскроет вам оно.
Ни в одной строке с вами не хитрю,
Я при встрече вам все повторю.

Первое письмо,
Крохотный листок.
Вы найдете там слезинку между строк,
Я сдержать не мог.
Эти слезы счастья,
Я был весь во власти любви и тревог».

Романтическая гитара.

На фоне гитары – голос. А вот и вечер. Как быстро темнеет. Прекрасен Орел вечерний – город писателей, русской культуры, город – труженик, город поющий.

И вот мы, может, на самом знаменитом месте в Орле – на Дворянском гнезде. Бюст Тургенева. Ротонда белоколонная. Деревянный дом Лизы Калитиной. А где-то поблизости памятник Фету, музеи Лескова, Грановского, Бунина.

Гитара, мелодии, ритмы. Излучина Орлика. Нет, каков вид! Это Русь серединная, нежная. Солнце туда уже ушло, в верховье Орлика, а тут еще розовость воздуха, усталость дня. Предвосхищение ночи. И все это так и просится не забыть. Не забыть!

Последние ритмы гитары.

«О, не забудь меня»

(неаполитанская песня)

«Помнишь, впервые встретил я
Тебя в саду весеннею порой.
Ты ласково взглянула на меня,
И робко ты мне кивнула головой.

Унесла навсегда ты мой покой.
Только одной тобой моя душа полна.
О, не забудь меня!
Пойми, ты счастье мне дала!

Поверь, краса твоя
Совсем с ума меня свела.
Мне не забыть твои,
Как море, синие глаза.
Нет, никогда твои мне не забыть,
О, синие глаза!»

* * *

Русская народная песня. «Ах ты, ноченька»...

«Ах, ты, ноченька,
Ночка темная.
Ночка темная,
Ночь осенняя.

Что ж ты, ноченька.
Принахмурилась?
Что ж, осенняя,
Ах, затуманилась?

Что ж ты, девица,
Призадумалась?
Или нет у тебя,
Ах, друга милого?

Ах ты, ноченька,
Ночка темная.
Ночка темная,
Ах, ночь осенняя,
Ночка темная,
Ночка осенняя!»

Оркестр. Мелодия. И гитара.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Стихи.

«Не до столиц нам
С лоском их и блеском.
Несу червоную свечу
И не столичности хочу,
А все-таки как где-нибудь на Невском.

От главной площади
Две улицы, как два луча,
Две волховы, две волховы, две волховы».

«На прекрасной голубой Оке» (моя авторская песня).

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Вакхическая песня.

(Моя авторская песня, написанная по поводу выхода в свет моей книги прозы «Липа вековая»).

«На прекрасной голубой Оке

Мы сидим втроем, стакан в руке.

И шумит волна, хмельна,

Как в стакан глоток вина,

И сидится хорошо на реке.

Мы втроем сидим и пьем,

Говорим о дне своем,

И течет река, хмельна.

Бесконечна глубина,

Далеко еще до дна,

Обмывайся, моя книга, мой том.

Соловей на бреге том,

И ему чуть-чуть нальем,

И плывет душа, хмельна.

Далеко еще до дна,

Бесконечна глубина,

Обмывайся, моя книга, мой том.

На прекрасной голубой Оке

Мы сидим втроем, стакан в руке.

И шумит волна, хмельна,

Зачерпни еще со дна,

И сидится хорошо, как в шинке».

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И течет Ока, хмельна,
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на реке.
И течет река, хмельна,
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке».

Конец.

*1 июль 2002 г.,
пос. Синяевский.*

ОРЕЛ – ПТИЦА ГЕРБОВНАЯ

(музыкально-лирическая новелла)

Одноактная мелодрама

ПРОЛОГ

Первое отделение

АВТОР. Орел. Дворянское гнездо. Излучина Орлика у дома Калитиных. Откуда-то с вокзала от часов привокзальных, долетает мелодия Василия Калининкова – позывные Орла, напоминая о времени. О том времени, когда заканчивается жизнь и дома Калитиных, и всего Дворянского гнезда в Орле – этого старинного, мемориального места.

Знакомая мелодия Надежды Кадышевой летит с этого крутого откоса на Дворянском гнезде.

«Край ты мой любимый,
Край обыкновенный.
Знаю, есть на свете лучшие места,
Только песня все же
Выбирает этот,
Если вдруг приходит странная тоска.

Встану я на зорьке,
Выйду в сад зеленый,
Выйду и умоюсь утренней росой,
Обниму березку, поцелуюсь с кленом...

Я сорву подснежник раннею весной,
Босоногим детством пробегу по лужам...
Край ты мой любимый...»

Картина первая

ГОЛОС АВТОРА. Лети, мой Орел! Душа моя, душа моего города гербовного над этим высоким местом, над Дворянским гнездом. Благодаря «машине времени» я собрал тут прекрасных орловчанок. Это Александра Чернышева – Муравьева, которая повезла послание Пушкина в Сибирь «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье». Это Анна Керн, которой сам Пушкин посвятил прекрасные строки «Я помню чудное мгновенье». Это сама Лиза Калитина – хозяйка этого берега. Это Зинаида Райх-Есенина, жена прекрасного русского поэта. Это Елена Александровна Благинина – классик детской литературы, XX век. Это все мы, стоящие тут, на высоком дворянском откосе.

Мелодия. Романс Свиридова.

ГОЛОС. Хорошо! Хорошо поется с этого высокого места, с этой белой ротонды на Дворянском гнезде.

«Песня об Орле»

(моя авторская песня)

«Орел, Орел мой – в этом слове
Ласкает душу мне и слух
Боянный в речевой основе,
Наш русский гений, русский дух.

Из глубины, в дожди и грозы
Неся родную нашу речь,
Мы – соль земная, сок березы,
Нам заповедное беречь.

Припев: Все тут мое, все тут мне дорого.

А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни – и ты над городом,
Летишь, как птица, над Окой.

Даря живое слово весям,
Тут, в разнотравии своем,
Мы – шум дубрав, мы – кладезь песен,
Тут мы и плачем, и поем.

Орел мой в сердце у России,
В Москве, на гербе отчем свой.
Уж пятый век, а все красивей
Мой город русский, корневой.

Припев: Все тут мое, все тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни – и ты над городом,
Летишь, как птица, над Окой.
Летишь, как птица, над Окой».

Музыка. Вальс Георгия Свиридова.

ГОЛОС АВТОРА. Стихи. «Страны света»

«То ли к Орлу сбегаются дороги.
То ль, разбегаясь, образуют крест.
Нам повезет. На эти страны света
Нацелены орлиные крыла.
Орел летит! Счастливая примета.
И мы на этих крыльях у Орла».

Стихи. «Моя Орлея».

«Опять Орел мой – город приграничный,
Вновь до границы как рукой подать.
Сам царь Иван к нам за печатью личной
Указом на кромку направил рать».

Мол, поищите место, чтобы крепость
Замкнула юг, Москву, ее венцы.
И пядь земли, но очень много неба
Увидели тут царские стрелцы.

Гнездо Орла на стрелке, на дубице...
С тех самых пор легенда и живет.
Как где-то тут гнездилась и гнездится
С Орлом Орлея, на слияньи вод.

Истокам, что в Оку века впадали,
Окрестностям из городов и сел
«Орлеи» летописцы имя дали
И только крепость (царь сказал) – «Орел»!

В первопрестольной – в облике державы,
Опять Орел мой сам себя обрел.
Российский герб – он потому двуглавый,
Что со столицей, нашею орлицей,
В союзниках и наш родной Орел!

Гляжу, как солнце виснет чечевично
И дальше западает за кромку.
Опять Орел мой – город приграничный,
Проходит грань по сердцу моему.

Гнездо на Стрелке. Вечер пламенится.
И клетот орлий где-то за Окой.
А тут – Орел, а там у нас – столица.
И много-много неба над Окой».

Музыка. Надежда Кадьшева. «Золотое кольцо».

«Яблоневого вечера»

«Яблоневый вечер звёздами расцвечен.
Из краёв далёких вновь пришла весна.
Снова за окошком слышится гармошка,
И душа моя надеждою полна.

Нелегко порою было нам с тобою,
Но о сильных вьюгах лучше позабыть.
Мы ещё не спели всё, о чём хотели,
Мы с тобой ещё не начинали жить.

Наступает вечер. Розовые ветви.
Вот уже рассвета наступает час.
Звёзды догорают, годы пролетают,
Только, верь, весна придёт ещё не раз.

Яблоневый вечер звёздами расцвечен.
Из краёв далёких вновь пришла весна.
Снова за окошком слышится гармошка,
И душа моя надеждою полна».

ГОЛОС АВТОРА (*подходя к прекрасным женщинам нашим – орловчанкам*).

Что же это вы стоите тут, пригорюнились?

– Да вот, – говорят эти женщины-орловчанки, показывая на Лизу Калитину, – скоро жить ей негде будет, дом этот сносят. Мемориал. Как снесли многие дома тут, на Дворянском гнезде.

АВТОР. И вспомнилось мне самому: тут на этом месте, где теперь больница детская, мне мечталось, чтобы построили концертный зал с видовой площадкой на Орлик. Красивейшее место Орла.

(К женщинам). Что ль, вас поддержать этой песней?
Итак, моя авторская песня.

«Ракитушка»

«Край ты мой раKITный, лунь зеленоглазый.
В серебре макушка, хлопоты в гнезда.
Не о том мечталось, что случилось сразу.
Не того хотелось, что теперь везде.

Выше сеновала сук облюбовала
Вещая кукушка – эхо по реке.
Тысячу просил я – сто накуковала,
Ну, а та упала на седьмом витке.

Бурею раKITу с берега свалило.
Вот стою – горюю: берег-то крутой.
Как ее любил я, как она любила.
Замирает в сердце голос золотой.

Недошелестели все мои метели.
Ненацеловался, а уже седой.
Гляну с сеновала – нет ее, не стало.
Уж другие птицы вьются над водой.

Край ты мой расейский, лунь зеленоглазый!
Берегом иду я в рыжем кожане.
Что запало в душу, не уходит сразу.
Ветлы да раKITы клонятся ко мне».

АВТОР. А это как бы сам Тургенев поет моим голосом для Александры Чернышевой – гимн русской интеллигенции – на музыку Юлии Абазы.

«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые.
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь, родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое».

Мелодия. Гитара, Гойя.

*Мелодия сменяет другую мелодию. Задумчиво-грустно.
Тот же Гойя, гитара.*

Картина вторая

ГОЛОС. Для Анны Керн. А.С.Пушкин.

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь».

ГОЛОС. Для Лизы Калитиной. А.А.Фет.

«На заре ты ее не буди»,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч упоительный сон,
И, чернеясь, бегут по плечам
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди,
На заре она сладко так спит».

Музыка. Сквозисто-прозрачная мелодия. Гитара, Гойя.

ГОЛОС. **Ф.И.Тютчев. «К.Б.»**

А мы посвятим этот романс Зинаиде Райх – Есениной.

**«Я встретил вас, и все былое
В отжившем сердце ожило.
Я вспомнил время золотое,
И сердцу стало так тепло.**

Так поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в вас.

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,
И то же в нас очарованье,
И та ж в душе моей любовь».

ГОЛОС Ну, так что делать, прекрасные орловчанки? С теми, кто собирается разрушить дом Лизы Калитиной? Пусть Гелена Великанова преподнесет им **«Ландыши»**, а Алексей Апухтин прокатит на **«Паре гнедых»**.

«Ландыши».

«Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не тюльпаны и не лилии.
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые.

Ландыши, ландыши!
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши –
Белый букет.

Пусть неярк их наряд,
Но так нежен аромат,
В них весны очарование.
Словно в песне много слов,
Словно первая любовь,
Словно первое признание.
Ландыши, ландыши –
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши –
Белый букет.

Я не верю, что года
Гасят чувства иногда,
У меня другое мнение.
Верю, будешь каждый год
Пусть хоть много лет пройдет,
Ты дарить мне в дни весенние
Ландыши ландыши –
Белый букет...

Алексей Апухтин. «Пара гнедых».
«Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.

Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых, пара гнедых.

Ваша хозяйка в старинные годы
Много хозяев имела сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.

Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных,
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых, пара гнедых.

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал,
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у неё засыпал.

Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей поныне,
Пара гнедых, пара гнедых».

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы продвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.

Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих.
Кнут, только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых, пара гнедых».
Мелодия. Гитара, Армик. Романтик.

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Картина третья

ГОЛОС. Александр Подболотов. Под гитару.

«Что вздремнулось?»

Женские голоса.

«Что взгрустнулось в тишине,

Преисполненное мгновенье?

Все не так, не по себе,

Даже пенье уж не пенье.

То ли милая ушла,

Где-то вихрем закружилась

То ли молодость прошла,

Как подруга изменила.

.....

Господи!

Хоть бы застрелиться, что ли?»

ГОЛОС. Отчего же взгрустнулось? Что – Орел становится одним из лучших городов в срединной России? Нет, пожалуй. Оттого, что уходят такие дома, как Лизы Калитиной, как Дворянское гнездо – легенды Орла, которые придают городу особое очарование.

АВТОР. Старый рынок (мои стихи).

«Мы – поэты с реки,
Вроде как моряки.
Заштормило нас всех, закачало.
Уж не помню, когда
Ел я те шашлыки,
Спал под крышей,
А не у причала.

Но, как только весна,
Только вздрогнет блесна,
Вижу – солнце в реке заиграло.
Так и рвутся стихи,
Раздуваю мехи,
Открываю, как рыцарь, забрало.

Я в ударах судьбы
Слышу голос трубы,
Я от гимнов былых задыхаюсь.
И, как старый солдат,
Погибая сто крат,
Со щита во весь рост поднимаюсь!»

ГОЛОС. «Александровский мост» (мои стихи).

«Иду чуть свет к мосту у Александра,
Я сын охоты, сводный брат зари.
Уду закинул, встал, изогнут странно:
Ну, кто кого сейчас перехитрит?

Не клюй, рыбешка! Не ловись, не надо!
К приманке не бросайся с полноги.
Нас много всяких, что ловит вас радо.
А ты – реликт, себя побереги».

**ГОЛОС «Улица Латышских Стрелков» (моя авторская
песня)**

*Такая улица есть в Орле. А это песня – Второго
училища.*

«Училище наше – рабочая смена,
На улице нашей Латышских Стрелков.
Мы герб вырезаем из клена отменно,
Под гербом Орла и летим высоко.

Мой русский характер горячий, не скрою.
Талант не зарюю свой, не затаю.
Славянские корни, я строю, я строю
В Орловском краю деревеньку свою.

Эх, Панин! Окошко опять прорубаем.
Калугин! Резцом наводи красоту
Трудами по дереву мир украшаем
И любим впервые, и верим в мечту.

Нам надо учиться,
Нам нравится это,
Мы будем работать с тобой наяву.
Я вырежу Солнце, я выкрашу лето
И жить в деревеньке тебя позову.

Мой русский характер горячий, не скрою.
Талант не зарюю в тумане веков.
Да здравствуют руки, которыми строю,
И улица наша Латышских Стрелков!»

ГОЛОС. София Ротару. «Лаванда»

«В нашей жизни все бывает,
И под солнцем лед не тает.
И теплом зима встречает,
Дождь идет в декабре

Лаванда, горная лаванда!
Наших встреч с тобой синие цветы.
Лаванда, горная лаванда!
Сколько лет прошло, но помним я и ты.

Лето нам тепло дарило,
Чайка над волной парила.
Только нам Луна светила,
Нам двоим, нам двоим...

Лаванда, горная Лаванда!..»

ГОЛОС НА ФОНЕ ЭТОЙ ПЕСНИ. Помню был я в Бийске (ехал на родину Шукшина, чтобы встретиться с его матерью, земляками – через год после смерти его) и тут, остановившись на турбазе за рекой Бией, услышал эту мелодию и сражен был ею. А уже оттуда вез из Сросток (после Горноалтайска) домой флакончик одеколona с синим цветочками «Горная Лаванда». На память об этих цветах – эта песня, этой поездке, обо всех людях и крае.

Картина четвертая

ГОЛОС. К чему твержу я о доме Лизы Калитиной, о Дворянском гнезде? Да и Иван Сергеевич помогает мне. Слова Тургенева, положенные на музыку моей души, «**К чему твержу**».

Сам и пою.

«К чему твержу я стих унылый,
Зачем, в полночной тишине,
Твой голос страстный, голос милый
Летит и просится ко мне?

Зачем огонь немых страданий
В ее душе зажег не я?
В ее груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к ее ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?»

ГОЛОС. Афанасий Фет – Леонард Золотарев.

«Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила,
Нет, я не верю, чтоб ты не любила,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко предается,
Мне близ тебя хорошо и поется,
Свеж и душист твой роскошный венок».

ГОЛОС. А это поэт Сергей Городецкий. Наш земляк,
первый заметивший в Москве Сергея Есенина –

златоглавого рязанца. И так, Сергей Городецкий. «Нищая Тульской губернии».

*Слова поэта, положенные на мои музыкальные фантазии.
Сам и пою.*

«Нищая Тульской губернии
Встретилась мне на пути.
Инея белые тернии
Тщились веноч ей сплести.

День был морозный и ветреный,
Плакал ребенок навзрыд,
В этой метелице мертвенной
Старую свиткой укрыт.

Молвил я: “Бедная, бедная!
Что же, прими мой пятак”
Даль расступилась бесследная,
Канула нищая в мрак.

Вьется дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.
Что же ты, Тула богатая,
Зря самовары куешь?

Ласка твоя прозорливая
Сгинула где без вестей?
Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?»

* * *

Пою. Сергей Городецкий на мою музыкальную импровизацию.

«О тебе, о тебе, о тебе,
Я тоскую, мое ликованье.
Самой страшной отдался б судьбе,
Только б ты позабыла страдания.

Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает.
С яблонь снегом текут лепестки,
Скорбь моя, как огонь, вырастает.

Вот она захватила сады
И зарю у озер погасила.
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.

Крашен свод ало-черным огнем,
Бесконечно смеясь и сияя,
В высоте как спасительный сон
Ты стоишь надо мной, дорогая».

ГОЛОС. Орел. Берег Орлика.

У храма Михаила – архангела. Стихи.

«От жизни современной сатанея,
Все бы ломать нам, все бы в непокой.
Но вот стоишь, от радости немея,
Вот Михаил-архангел пред тобой.

Под куполами тянет к высоте,
Уводят в небо певчие скрижали
И через шпиль приводят к красоте,
В надзвездные святые вертикали».

ГОЛОС. Анна Герман. «Дубрава».

Грустная мелодия оркестра. И голос Анны теплый, глубокий.

«Все во мне от счастья замирало
Как к нему я шла,
Зелена была моя дубрава,
Зелена была
Мы встречались с ним у перекрестка,
Мы бродили там.
Каждый кустик, каждая березка
Радовались нам.

Вся земля дышала и светилась,
Но прошла весна.
Птицы смолкли, небо помутилось.
Началась война

Он погиб у города Медыни,
Боль моя, слеза.
Навсегда закрылись молодые,
Ясные глаза»

Затихает грустная мелодия.

У тропы, тропинки неприметной
Возле двух рябин
Со своею славою бессмертной
Он лежит один.

Весть о нем, как горькая отрава,
Сердце мне прожгла.
Зелена была моя дубрава,
Зелена была»

ГОЛОС. Как слезится душа в этой песне у Анны Герман. Он погиб под городом Медынью. У Павла Шубина, нашего земляка, поэта, в одном из самых сильных, пронзительнейших стихов о войне такой же солдат, только под Мгой где-то летом 42-го, за полмига до смерти.

Павел Шубин. «Полмига»

(стихи положены на музыку моего сердца)

«Нет, не до седин, не до славы
Я век свой хотел бы продлить.
Мне б только до той вон канавы
Полмига, полшага прожить.

Прижаться к земле, и в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее, врезать как надо,
В четырежды проклятый дзот.

Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву...
Прожить бы мне эти полмига,
А там я всю жизнь проживу».

ГОЛОС. А вот эти стихи и следующие – Елены Александровны Благиной – это все о нем, о солдате, не вернувшемся с войны. Отсюда, от этой ротонды, и видны поля вокруг Орла, эти войной обожженные поля, которые все помнят.

Елена Александровна Благинина.

«Пиджачок».

На музыку моей души.

«Опять продаются фиалки.
Я все еще, милый, жива.
А твой пиджачок на распялке,
Пустые висят рукава.

Вельветовый, в узенький рубчик.
На что он теперь, для кого?
Как было бы славно, голубчик,
Когда бы надел ты его.

Но радостью скромной такую
Утешиться нам не дано.
Ты больше веселой рукою
Не стукнешь легонько в окно.

Ты мне письмеца не напишешь,
Родимой не назовешь.
Земного дождя не услышишь
И песен о нем не споешь».

ГОЛОС. Все это поэты, земляки наши, были и есть.
Шаги по Орлу, и вот подвесной мост через Орлик. Мысль
о деньгах. Банк.

«Вот Орлик. Банк. Как истина простая.
Вот нищий на мосту, не обежать.
Зачем же там, когда их не хватает,
Зачем им там, в подвалах тех, лежать?»

ГОЛОС. А зачем дом Лизы Калитиной сносить,
уничтожать? Главней всего, как поется в песне, «погода
в доме».

Итак, Лариса Долина. **«Погода в доме»**.

«Какой прогноз у нас сегодня, милый?

Ты с чем опять проснулся не в ладу?

Скажи мне просто: «Господи помилуй!»

Какую блажь имеешь ты в виду?

Припев:

Главней всего погода в доме

А все другое – суета.

Есть я и ты, а все, что кроме,

Легко уладить с помощью зонта.

Какой прогноз: дожди или туманно?

Не ждет ли нас нечаянно беда?

Тебя, как извержение вулкана,

Я предсказать не в силах никогда.

Какой прогноз? Покуда небо звездно,

Чего нам ждать весны или зимы?

Скажи мне все. А если будет поздно,

То виноваты будем только мы»

Припев. Поем вдвоем: я и ты.

ГОЛОС. Видите, отцы! Так и с домом Лизы Калитиной
возможно уладить все полюбовно, с помощью зонта.

Итак, **«Черная вуаль»** (моя авторская песня).

«Уж не зальется Россия гармониями.

Как-то по-дикому кычет сова.

Все прокутили мы, все проворонили,

Опустошили святые слова.

Было ль былое да жили иль не жили?
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией не жили,
Как на сплошной попадались обман.

Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали до тла.
Вот за такими стальными прогонами
Дама Пиковая вкось и легла.

Так и останусь, наверное, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты.
Снова калечат уже покалеченных:
Кто-то – в Париж, а кого-то – в Кресты.

Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.
Синими брызгами Даму Пиковую,
Вас, как в шампанском, купают, мадам.

Круглая, круглая – от постороннего
Черной вуалью укрыта Луна.
Все прокутили да все проворонили,
А ведь Россия, простите, одна».

ГОЛОС. Самолет за Ботаникой, белый, серебристый
самолет. устремленный в небо, ассоциируется у меня с
городом, с Орлом нашим.

Итак, группа «Белый Орел».

Песня «Как упоительны в России вечера».

Пою с группой.

«Как упоительны в России вечера,
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Ах, лето красное, забавы и прогулки.
Как упоительны в России вечера.

Балы, красавицы, лакеи, юнкера.
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки.
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Как упоительны в России вечера.

Как упоительны в России вечера.
В закатном блеске пламенеет снова лето.
И только небо в голубых глазах поэта.
Как упоительны в России вечера.

Пуškai все сон. Пуškai любовь – игра,
Но что тебе мои порывы и объятья?
На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера».

ГОЛОС. Александр Подболотов. **«Утро туманное»**
(под гитару).

«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое».

Конец.

25 марта 2002 г.,
г. Орел.

ПИСЬМО МАТЕРИ (Есенинская)

Музыкально-лирическая новелла

Поэт Александр Подболотов. «Что взгрустнулось?» Под
женские голоса.

«Что взгрустнулося тебе
В это чудное мгновенье?
Все не так, не по себе,
Даже пенье уж не пенье.

То ли милая ушла,
С кем-то вихрем закружилась?
То ли молодость прошла,
Как подруга изменила?
А – а – ах, как подруга изменила.
Господи,

Хоть бы застрелиться, что ли?»

АВТОР. Сижу за письменным столом, в моей
комнатушке, в доме моем материнском, в маленьком
нашем степном городке Малоархангельске, что как
раз между Орлом и Курском, у истока Оки, сижу,
призадумавшись. Пишу последний, четвертый том
своей эпопеи в стихах «Арсений Чигрнев», называется
«Москва – третий Рим».

Всполохи мечутся в мозгах от порывов души. И, само собой, от безмерного творческого напряжения. И от того, что мать не так давно ушла, я еще не привык без нее. А тут через дорогу мальчик – пятиклассник на «бетонке» погиб, попал под машину на велосипеде. И мать с бабушкой орут день и ночь, и у меня душа разрывается от сострадания...

И прошлые два тома романа в стихах написал так же, в неистовой свистопляске ума и чувств, по семнадцать дней на каждый. И в тот раз, и в этот – кот Васька сидит на шее у меня, и сам подпитывается, небось, от меня, и мне от него хорошо. Мягкий, теплый, пушистый. Одно слово – животный мир...

А под утро (галлюцинации, что ли?) Сергей Есенин ко мне сюда приходил. Ну просто как живой, так явственно я с ним разговаривал. Ведь это он позвал меня в поэзию. Помню, еще в четвертом классе попался мне серенький томик с березкой – есенинский. Заглянул в него и сторел от любви, зачарованный музыкой, красками слов...

Вот он стоит сейчас перед мной, на пороге, и запекает:
«Отговорила роща золотая»...

А я следом за ним иду к двери, продолжаю:

«Березовым веселым языком»...

А у самого на столе фото с этой золотой рощей – подарок директора есенинского музея в Константиново Владимира Исаича Астахова. А на стене рядом, в зальчике, ковровая икона Казанской божьей матери, престол в Константиново, в Коренной...

Он мне:

– «Как жену чужую обнимал березку»...

А я ему: «Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала мне старая мать»...

А он уже за порог на крыльце уходит собирается, и меня за собой зовет. А я остановился, тут стою перед порогом и песней ему отвечаю. Слова его на музыку моего сердца, сами ложатся, подсказываемые им самим.

«Песнь о собаке»

«Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ошенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег».

ГОЛОС МОЙ. Эх! Сколько помню себя, колом во мне
стоят эти две последние строчки Есенина. И потом уж,
месяца через полтора, когда я спел эту «Песнь о собаке»
Галине Борисовне Курляндской у нее на дне рождения,
как обычно 6 ноября, она сказала, расстрогавшись:

– Не пойте ее никогда.

Спросил потом у друга своего Осмоловского. Тот
сказал:

– Наоборот, пой. Вишь, какое производит впечатление.

«Покатались глаза собачьи
Золотистыми звездами в снег».

ГОЛОС МОЙ. «Песни, песни, о чем вы кричите?»

«Лейся, песня пуше, лейся, песня, звяньше.

Все равно не будет то, что было раньше!»

«Сыпь, тальянка!..»

Запеваю.

«Клен ты мой опавший,
Клен заледенелый,
Что стоишь склоненный
Под метелью белой?

Или что увидел,
Или что услышал?
Словно за деревню
Погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож,
Выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе,
Приморозил ногу.

Да и сам я нынче
Чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома
С дружеской попойки.

Там вон встретил вербу,
Там сосну приметил,
Распевал им песни
Под метель о лете.

Сам себе казался
Я таким же кленом,
Только не опавшим,
А вовсю зеленым.

И, утратив скромность,
Одуревши в доску,
Как жену чужую,
Обнимал березку».
Пою и далее.

* * *

«Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть, ведь каждый в мире странник.
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если роща, листья разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком,
Скажите так, что роща золотая
Отговорила милым языком».

Музыка. Гитара. Поет Александр Подболотов.

«Над окошком месяц,
Под окошком ветер.
Облетевший тополь
Серебрист и светел.

Дальний плач тальянки,
Голос одинокий
И такой родимый,
И такой далекий.

Плачет и смеется
Песня лиховая.
Где ты, моя липа,
Липа вековая.

Я и сам когда-то
В праздник спозаранку
Выходил к любимой,
Развернув тальянку.

А теперь я милой
Ничего не значу.
Под чужую песню
И смеюсь и плачу.

Над окошком месяц,
Под окошком ветер.
Облетевший тополь
Серебрист и светел».

Голос затихает. Возникает мой голос. В теноре баритональные звуки. Та же песня, те же слова Сергея Есенина а'капелла.

«Над окошком месяц,
Под окошком ветер».

МОЙ ГОЛОС. Сергей Есенин. «Персидские напевы».

А раз напевы, то я их, эти стихи, тем более пою. Сам, на свои мелодии.

Из шестнадцати есенинских стихотворений, входящих в этот знаменитый цикл, положились на музыку тринадцать. И пою я их все а'капелла. Как бы читаю их музыкально, как исходят они из души.

«Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени Россия
Я известный, признанный поэт.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляну,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре,
Я тебе придумаю о нём.
Всё равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнём».

МОЙ ГОЛОС. И, когда я пою эти слова Есенина на мою мелодию, сколько брызг в меня летят с моря Черного от Босфора.

«Чайки» казачьи несутся по Геллеспонту откуда-то с Северного Причерноморья, а в «чайке» – предок Чайковского, фамилия такая отсюда, со своим прекрасным романсом «Мой костер (Песня цыганки)». И «великая псковитянка» государыня Княгиня Ольга видится там, на Босфоре, принимающей христианство, поворачивающей нашу Русь к цивилизации...

И песня там, на Босфоре, на берегу – на Правой Маме. Звонкие казачьи голоса у врат Царьграда, на которых их предок князь Олег прибил свой победный щит...

И далее. Из персидских напевов. А'капелла, так же пою в баритональном, бархатном регистре.

**«Я спросил сегодня у менялы,
Что даёт за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное “люблю”?»**

Я спросил сегодня у менялы,
Легче ветра, тише ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое “поцелуй”?

И ещё спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она “моя”?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Алой розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
“Ты моя” сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру,
Что срывали чёрную чадру».

МОЙ ГОЛОС. И что я вижу тут, что? Поэта Хафиза.
Персия, 14-й век. Рондо. Повторение первой строки. И
Фета. И наш уже, 21-й век.

«Как хороши, как свежи были розы».

Розы: «Хафиз – Мятлев – Фет – Есенин». Кстати,
Есенин бывал у жены своей Зинаиды Рейх, тут у нас,
на Орловщине. Персия-то, Шираз – из Орловщины, от
Фета, из Тургенева к Есенину тянется.

Пою опять-таки а’капелла. И опять-таки на свою
мелодию.

«Шаганэ»

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне,
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи,
Я нисколько не чувствую боли,
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при Луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при Луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она странно похожа,
Может, думает обо мне,
Шаганэ ты моя, Шаганэ».

МОЙ ГОЛОС. *И далее «Письмо матери». Пою я опять-таки а'капелла.*

Один к одному: и мать, и низенький дом со ставнями. Все как и у меня, в Малоархангельске, в верховьях Оки, у самого ее истока.

Сергей Есенин слагал слова для своей матери. Я – на слова его слагал мелодию и для его матери, и для своей.

«Письмо матери»

«Ты жива еще, моя старушка,
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж,
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная, успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось,
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня, не надо.
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет».

МОЙ ГОЛОС *(с грустью)*.

«Ты одна мне несказанный свет,
Несказанный свет».

Есенин – мой крестный отец. Он позвал меня, как сказал я, с десяти-одиннадцати лет в поэзию. А потом оказалось, что он одного года с моим натуральным отцом. Сергей Есенин всегда с любовью смотрел в верховье Оки со своей Оки срединной, широкой.

Он наш зять орловский. Вот как он говорил: «Любимая! Меня вы не любили».

У Тургенева: «Я вас любил! Меня вы не любили».

«Письмо к женщине».

(На музыку моего сердца)

«Вы помните, вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате,
И что-то резкое в лицо бросали мне.

Вы говорили: нам пора расстаться,
Что вас измучила моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел – катиться дальше, вниз.

Любимая! Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы, что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состояньи...

Сегодня я в ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь я сообщить вам мчусь,
Каков я был и что со мною случилось.

Живите так, как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием, вас помнящий всегда,
Знакомый ваш Сергей Есенин».

* * *

МОЙ ГОЛОС. А это отрывок из поэмы «Анна
Снегина»

С. Есенин. «У калитки»

Этот отрывок помню, наверно, не с шестнадцати, а, скорее всего, даже с четырнадцати лет. Когда стали во мне звучать песни. Но на эти слова, хоть и помнил их всегда, музыка изнутри как-то сама собой сочинилась.

Был там, в Константиново. И фото есть о том всякие. Подарил их мне тогда директор музея Владимир Исаич. А я и без фото все помню: и калитку, и домик, и сад, и сарайчик внутри двора, где Сергеем писались, бывало, стихи.

«Письмо как письмо. Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.
По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: “Нет!”

Знакомые милые были.
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит, любили и нас».
Еще как! И любим!

И баян, голос баяна. Прекрасные, задушевные звуки.

МОЙ ГОЛОС. Поет Александр Новиков.

«Обопьются, дерутся и плачут
Под гармоника желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

Я и сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий, июнь голубой
Мне становится ... мертвячиной
Над пропащею этой гурьбой.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное громче кричат.
Был таким я дурашливым, юным,
Что сгубил свою жизнь сгоряча.

Нет, таких не подмять, не рассеять,
Бесшабашность мою до дна.
Ты, Рассея моя, Расея –
Азиатская сторона».

Гитара, Армик.

МОЙ ГОЛОС. Сергей Есенин. «Просто песня»
(Музыка Леонарда Золотарева)

«Эх раз, еще раз,
Еще много, много раз...
Есть одна хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.
Росла забубенная, росла ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы. Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.
Как случилось, случилось, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая! Вылей трель унылую!
В темноте, мне кажется, обнимаю милую.
За окном гармоника и сиянье месяца,
Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая!
Как гитара старая и как песня новая.
С теми же улыбками, радостью и муками.
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха!
Все равно любимая отцветет черемухой.
Я, не знаю где отцвел, в пьянстве, что ли, в славе ли,
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.
Эх раз, еще раз, еще много, много раз!
Песня панихидная по моей головушке.
Эх, раз, еще раз...»

С неизбежной тоской в голосе финал этой песни.
МОЙ ГОЛОС. Слова С.Есенина. Музыка Л.Золотарева.
А'капелла. И тут песню Есенин как бы пел мне, когда
приходил не так давно в дом мой материнский в моих
галлюцинациях.

«Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!»

* * *

«Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя – поле безбрежное
Дышит запахом меда и рос.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом, накопытили
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорви-голова!»

МОЙ ГОЛОС. «Золотая сорви-голова!». Эта строчка напомнила недавний фильм о Сергее Есенине «Золотая

голова на плахе». И такое странное, я бы сказал, стечение фактов и обстоятельств. Дача у меня есть в поселке Синяевском Мценского района, в фетовских, толстовских местах. И вот там когда-то появился известный артист Василий Лановой с женой своей, тоже артисткой Ириной Купченко. Помню, писал я тогда первую часть своего романа в стихах «Арсений Чигринев». Дело было в 1991 году. Как раз в Москве случилось что-то, к власти пришло ГКЧП. И мы с другом пришли к Лановому, на другой край поселка: «ЧП ведь! ГК ЧП!»

А он, Василий, сидел на бревне и ошкуривал его. Дом ему собирались строить. Вот такие строчки тогда и написались:

«Так вот, сидел Арсений на бревне
И стружку гнал на диво всей родне.
То стружку там, то стружку тут –
Пусть знают, помнят, сознают.
Что там мы, выходцы, в столице,
Не просто спицы в колеснице...»

И, когда роман этот я написал, издал и подарил Купченко и Лановому как прототипу, он, видимо, воспринял это своеобразно. Во всяком случае, через несколько лет вышел этот фильм «Золотая голова на плахе» про Сергея Есенина, где Лановой сыграл роль Дзержинского.

И вот стоит Дзержинский над Есениным и говорит, сочувствуя:

– Что же ты какой-то незащищенный.

Вроде как про меня, думаю. Это одно, а главное, что в фильме этом я воспринял, как подарок себе от Ланового, это романс. Хороший романс, так понравился мне! Я взял и спел его с Николаем Басковым, он как раз поет этот романс в кинофильме. Не простой – по мелодии,

высокая тесситура – по исполнению. Но замечательный в общем, по настроению, тонкий и мелодичный. Спасибо, думаю, Василию Лановому.

«Капли жемчужные»

«Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы, чувство тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищите что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых».

Конец.

«БИРЕМЮР»
(«Солдат Томми Аткинс»)
Музыкально-ироничная новелла
(одноактная мелодрама)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лично я как АВТОР всяких героических поэм, исторических песен, стихов. Клуб знатоков «Реникса», или «Белая Скифия», реальные лица, друзья.

УЗИЛЕВСКИЙ ГЕННАДИЙ ЯКОВЛЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, из академии.

ОБОЛЕНСКИЙ СЛАВА – «дофин», философ из университета.

КРАСНИЦКИЙ ЛЕОПОЛЬД НИКОДИМЫЧ – археолог из экспедиции.

ПРОФЕССОР КАЗАРИН (зав. кафедрой из Симферопольского университета).

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Заседание клуба знатоков. Посвящается солдату всех видов, с разных точек зрения. В том числе и наемникам, которых зовут почему-то «гусьями», а не наемников – «лебедями».

Итак, заседание Клуба под Зеленой Лампой.

Картина первая

Георгий Свиридов. Оркестровая музыка. Ритмическая, тревожная. Предшествовала в свое время программе «Время».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (*на фоне музыки*). Гомер сломал и бросил лиру. А песнь, что пели все края, он просто стер на радость миру, прошел и взял, совсем как я. Матросы, девки на базарах, шуршанье ветра, рост травы; узнал напевы песен старых. Смолчали, – ну совсем, как мы. Что стер, то стер. Он знал, что знали. Но ни контрактов,

ни тюрьмы тем по-заговорщицки не дали. А он в ответ, совсем, как мы.

Мелодия Георгия Свиридова.

АВТОР (совсем как я). «Чепуха все это! Подумаешь, Редьярд Киплинг!» И я отправился в Крым, под Севастополь, к Максимовой даче. Где как раз отмечали 75 лет гражданской войне и где стреляли когда белые красных, когда красные белых. И вот увидел я много народу и сказал доценту Саше Войнову из Запорожья, а напишу про это я лишь один. И написал вот. Итак, песня о **Белом камне**.

«**Максимова дача**» (моя авторская песня)

«Максимова дача, Малахов курган
На подступах ближних и дальних.
И ходит мой конь по широким кругам,
Аж розовы ноздри и камни.

На розовом, розовом камне тесно.
Винтовка в руках, парабеллум.
Одно на Максимовой даче, одно –
И красным, и синим, и белым.

Лежат, синеглазые, смотрят на нас –
Смирненные, в вечном покое.
И конь спотыкается мой каждый раз
О синее море такое.

О самое синее в мире сейчас,
О Черное море такое
Все конь спотыкается мой каждый раз,
О племя страны молодое.

Все розовы, розовы ноздри коня,
Все камень под ним розовее.
Стихия опять уронила меня
По Белому камню развеяв.

Все конь спотыкается мой каждый раз
О племя страны молодое,
О самое синее в мире сейчас,
О Черное море крутое».

ПРОФЕССОР КАЗАРИН. Чепуха все это! Гражданская война, гранд-дамы в длинных одеждах. У нас еще все впереди...

Марш Георгия Свиридова. Дробь барабана, наконец, возникает мелодия.

АВТОР (на фоне марша, Казарину). Спел бы, что ль, свою песню, которую знают все: и тут у нас, и в Запорожье, и даже в Симферополе. Наверное, знают ее многие по России...

ПРОФЕССОР КАЗАРИН (*запевая четко, размеренно*).

«Ахерон»

«Пусть я погиб под Ахероном,
И кровь моя досталась псам.
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона,
Как прежде, рвется к небесам.

Как прежде, храбр он и беспечен
И, как всегда, неустрашим.
Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век солдата быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.
Все теперь, хором!

Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век солдата быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.

Под ассирийским знойным небом
В сирийских гордых городах
Шагов солдатских грохот мерный,
Шагов солдатских грохот мерный
Заставит дрогнуть дух врага.

Мозоли, кровь и пот не в тягость,
На раны плюнь – не до того!
Нам дал приказ Тиберий Август,
Нам дал приказ Тиберий Август,
Мы должны выполнить его.

Все теперь, хором.

Нам дал приказ Тиберий Август,
Нам дал приказ Тиберий Август,
Мы должны выполнить его.
Сожжен в песках Ерусалима,
В водах Ефрата закален,
Во славу кесаря и Рима,
Во славу кесаря и Рима
Шестой шагает легион.

Все хором, все.

Пусть я погиб под Ахероном
И кровь моя досталась псам.
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона,
Как прежде, рвется к небесам».

И снова марш Георгия Свиридова, барабанная дробь.
ЛЕВ КРАСНИЦКИЙ, археолог. Чепуха все это! По

моему мнению. Давайте я прочитаю вам такие стихи. Это песня кафедры Древнего Рима Московского госуниверситета.

«Чеканным шагом, легионеры,
Вперед, вперед идем!
О женщинах песни,
О битвах песни,
Поем, поем,
Поем, поем!

Конечно, у каждой песни есть своя мелодия, раз ее поют. Но я ее хорошенько не помню, уж сто лет после университета прошло. И потому сходу пою, как есть.

Потоки крови, подобно Тибру,
Текут, нам наплевать.
Империя платит за наше искусство
Убивать, убивать.

Враги тут в стане, стеной навстречу
Огнем дорог.
Восходит солнце – наш бог великий,
Военный бог.

К большой добыче, легионеры,
Вожди нас призовут.
А если смерть, так лучше пиллум,
Чем недуг, недуг.

Чеканным шагом, легионеры!
Вперед, вперед идем!
О битвах песни, о женщинах песни
Поем, поем!»

И опять же марш Георгия Свиридова.

АВТОР (*иронично*). Вот, что значит учиться в МГУ, на кафедре Древнего Рима. А то бы... а то бы... Но все равно шаг чеканный, легионерский.

ЛЕВА КРАСНИЦКИЙ (*загораясь*). Это песня не только кафедры – все археологи поют, всей страны!

ГЕННАДИЙ УЗИЛЕВСКИЙ (*доктор наук*). Чепуха все это, подумаешь! Вот родной брат Валерия Брюсова, поэта, как написал, так все геологи поют до сих пор. Спросите Валера Брюсова стихи – не помнят, а его песню поют... такие-то пироги... Ну, и археологи тоже, конечно, поют. Это гимн и археологов, вот так.

АВТОР. Археологи, геологи, идеологи – какая разница! И те, и те осваивают: археологи кости легионеров, а геологи – кости земли... которая делает из легионеров кости...

Вот такая песня, послушайте.

«Как за Танаис – рекой да за рекой
Скифы поют, эх, да гуляют!
Потерял эллин покой, эллин покой,
Стены воздвигает.

Даль степная широка да широка,
Все Причерноморье.
Повстречаю грека я да грека я
Во широком поле.

Окинаком рубану да рубану
По эллинской роже.
А коня с собой возьму, с собой возьму,
Конь всего дороже.

Поскачу ли в Херсонес да в Херсонес,
Степью ретивою,
А потом в кабак да в лес, в кабак да в лес,
Выпью там хмельного.

С чарой крепкого вина, да вина,
Не смешав с водою,
Буйну ночку проведу да проведу
С гетерой молодою.

Даль степная широка да широка,
Без конца и края.
Льется песня степняка да степняка,
Льется, замирая.

Как за Танаис – рекой да за рекой
Скифы пьют, гуляют!
Потерял эллин покой, эллин покой,
Песенки играет».

ГЕННАДИЙ УЗИЛЕВСКИЙ (*доктор наук*).
Последнюю строчку, чую, сам придумал? В оригинале:
«Стены воздвигает».

АВТОР. Может, вместе споем? А, Геннадий?

ГЕННАДИЙ УЗИЛЕВСКИЙ. Чепуха все это. Лучше:
«Стены раздвигает». Конечно, споем. За геологов и
археологов, которые копают – мелко и глубоко.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Но взял Геннадий да и прочитал
стихи не про пыль по Африке, а про охоту в Африке, в
переводе Маршака. А после, все подумали: а что? Когда-
нибудь возьмем и споем...

АВТОР. Это когда я мелодию сочиню.

ГЕННАДИЙ УЗИЛЕВСКИЙ. Редъярд Киплинг.
«Пехота в Африке» (стихи).

«В ногу, в ногу, – мы идем по Африке,
Сотни ног, обутых в буцы, топают по Африке.
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.
Восемь, семь, пятнадцать миль, тридцать нынче
пройдено.

Десять, три, четырнадцать, двадцать семь вчера
прошли,

Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.
Думай, думай, думай, думай, – думай хоть о чем
нибудь

Или станешь идиотом от такого топота.
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.
Считай, считай, считай, считай патроны, пересчитывай.
А если зазеваешься, тебя раздавят тысячи.
Буцы, буцы, буцы, буцы втопчут в пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.
Днем еще туда-сюда – все же ты в компании.
Но когда кругом ни зги, только слышишь сапоги –
Только буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.
Сорок дней я был в аду и скажу по совести,
Там не жарят, не пекут, – там все то же, что и тут.
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь».

ВСЕ ХОРОМ, *весь этот клуб знатоков*. Чепуха все это!
Подумаешь, – буцы! Подумаешь, – пыль! Подумаешь, –
Африка! Подумаешь, – Томми, идущий по Африке!

Все тот же марш Георгия Свиридова, барабанная дробь.

АВТОР. Ну что, вспомним и Томми Аткинса, стихи Редьярда Киплинга, положенные на музыку моей души?

ОБОЛЕНСКИЙ (*философ*). «Шеллу О'Нил» спой.

АВТОР. Так это же Роберт Бернс.

ОБОЛЕНСКИЙ (*философ*). Ну и что? Какая разница, все равно про солдата британского, про Томми...

АВТОР. Ну ладно, «Шелла О'Нил». На мою музыку. Сам и пою.

«Когда волочиться я начал за нею,
Немало я ласковых слов говорил.
Но более всех имели успех
Слова: "Мы поженимся, Шелла О'Нил".

Дождался я брака, но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шеллу О'Нил.

Решился я вскоре бежать через море,
С колонной пруссаков в атаку ходил
Навстречу снарядам, ложившимся рядом
С шипеньем и свистом, как Шелла О'Нил.

У Фридриха в войске я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире кинжала острее, чем жало
Безжалостной женщины – Шеллы О'Нил!»

Марш Георгия Свиридова, его четкие ритмы.

ОБОЛЕНСКИЙ (*философ*). Ну, а Томми Аткинс? Что про Томми?

АВТОР. В другой раз. Не все сразу.

ОБОЛЕНСКИЙ (*недовольно*). Чепуха все это! Вот француз Артюр Рембо, гениальный юноша, написал стихи «Спящий в ложбине». Про молодого солдата. Про войну 1870 года между Францией и Пруссией, так стихито антивоеннейшие!

АВТОР. Эти, что ль? Ну давай прочту их, в своем переводе.

Артюр Рембо. «Спящий в ложбине»

«Зеленый дол, куда течет река.
В траве пожухлой стынут берега.
И солнце. И гора молчит, строга.
Долина вся в лучах не велика.

И молодой солдат с открытым ртом
Лежит, весь обнаженный перед небом.
Один, среди волнуемого хлеба,
Весь распростерт, на ложе спит своим.

Шаги в цветах. А он лежит, лежит.
Все улыбается, как в детстве, дома спит.
И бледен он. И в тело входит холод.

От запахов уж ноздри не трепещут.
И рядом два пятна краснеют, плещут.
А он лежит – солдат, который молод».

ОБОЛЕНСКИЙ (*злорадно*). А сам поэт, этот юноша, ушел в Африку – торговать оружием, работорговлей заниматься. Как эти «гуси» – легионеры. Чтобы те убивали таких же, как этот солдат, «спящий в ложбине». Вот такие-то в поэзии метаморфозы!

ЛЕВ КРАСНИЦКИЙ (*наконец-то, как бы очнувшись*).
Чепуха все это! Прочитай-ка лучше свои стихи

«Сарматы». Тоже исторически были вроде солдаты, легионеры. Только в прошлом....

АВТОР. Ну, хорошо. «Сарматы». Это первые мои стихи исторические. С которых все и пошло: и героический эпос, и лирика героическая.

«Сарматы кочевали по степям –
Сыны ветров, нечесаны, лохматы.
Гоняли дроф. Копытили бурьян.
Пасли коней. На то они сарматы.

Сидели вечерами у костра.
Огонь им красил бронзовые лица.
И мысль была упруга и густа,
Как молоко в жеребой кобылице.

Там, за степями, холод, злоба, тьма.
Все плохо, что сармату непонятно.
А где-то уже строили дома,
Трубу вели на солнечные пятна.

А где-то возвеличивали трон,
Кого-то фараонами венчали.
И подданные, тужась испокон,
Златые троны спинами качали.

А тут страшил сарматов темный лес.
В нем, топком, племя русских и бесстрашных.
Не боги, не сошедшие с небес,
Но верят в Солнце, пашут свои пашни.

Крепки, как кречет, кратки, как скакун.
Такого лучше видеть только мертвым...
Сидит сармат – нетесанный валун,
Седой курган, задумчивый и гордый,

Весь свой ковыльный озирая путь.
Горел костер. Варились жеребята.
Сармат ладони жирные – о грудь
Отер, вздохнул. На то они сарматы.

Дрожала степь от криков и телег
Жила, жестоким полымем объята.
Ему свое казалось лучше всех,
И только пыль осталась от солдата.

И лишь курган. В кургане грозный трон.
Охранное оружие из стали
И, мертвый, правит мумиями он,
Пока живые холм не раскопали.

Потом, в себя уставясь, как в Коран,
Вновь над курганом возведут курган.
И, хоть отковылились ковыли,
Сарматами все тянет из земли.
Все тени кровь кипучую тревожат.

То бросят вскачь, то тут же и стреножат».

ОБОЛЕНСКИЙ (философ). Чепуха все это!
Подумаешь, – скифы, сарматы, скифо-эллины! Скифы –
с «раскосыми и жадными очами» (Александр Блок).

ГЕННАДИЙ УЗИЛЕВСКИЙ, доктор наук (иронично
этак, шутливо). Да спой, спой ты ему про корнета
Оболенского, про поручика Голицына! Чтобы не
возникал.

ЛЕОПОЛЬД КРАСНИЦКИЙ. Спой, спой!

АВТОР. Под гитару, значит. Как получится.

ЛЕОПОЛЬД КРАСНИЦКИЙ. Хорошо получится.

Сам же рассказывал, как в Москве где-то, в ресторане гостиницы «Россия», что ли... когда на пленуме вы с Моисеевым были... Так набежали откуда-то с блицами... засуетились, защелками... папараццы, называются...

АВТОР. Ну, поехали. Включаю маг свой – «япошу» и покатили. На фоне гитары.

«Поручик Голицын»

«Четвертые сутки пылают станицы,

Горит под ногами донская земля.

Не падайте духом, поручик Голицын!

Корнет Оболенский, налейте вина!

Мелькают Арбатом знакомые лица,

С аллеи цыганки заходят в дома.

Подайте бокалы, поручик Голицын!

Корнет Оболенский, налейте вина!

А где-то уж кони проносятся к яру...

Ну что загрустили, мой юный корнет?

А в комнатах наших сидят комиссары

И девочек наших ведут в кабинет.

Над Доном угрюмым идем эскадром,

На бой вдохновляет Россия-страна.

Раздайте патроны, поручик Голицын!

Корнет Оболенский, надеть ордена!

Ах, русское солнце – великое солнце,
Корабль-император застыл, как стрела...
Поручик Голицын, а может вернемся?
Зачем нам, поручик, чужая земля?»

И опять марш Георгия Свиридова. Барабан, четкие ритмы.

ЛЕОПОЛЬД КРАСНИЦКИЙ (археолог). Чепуха все это!

ОБОЛЕНСКИЙ (философ). А как насчет Томми Аткинса?

АВТОР (раскрывая том Маршака, его переводы). Конкурс объявляется на лучшую мелодию вот для таких стихов.

«Про пиктов»

«Рим марширует вперед,
Под ноги Рим не глядит:
Пусть разбегается мелкий народ
Из-под колес и копыт.

Мы же за вашей спиной
В стаю собьемся, ворча,
Чтобы решающий бой –
Хитростью вместо меча.

Мы – мелюзга, мелкота,
Ростом не выше куста,
Но чужаки неспроста
Наши обходят места.

Мы – незаметный народ,
Ржавый нарост на сосне,
Червь, пожирающий плод,
Или заноза в ступне.

Любо и нам среди лесов и болот
Труд свой бесшумный вершить,
Зная, что час наш придет –
Можно пока не спешить.

Нет, наш народ не силен,
Если же в сильных нужда,
Тайной тропой из дальних сторон
Мы проведем их сюда.
Новое рабство нас ждет,
Но обратится во прах
Ваша твердыня, и мелкий народ
Спляшет на ваших гробах!»

ЛЕОПОЛЬД КРАСНИЦКИЙ (*манерно*). Да, это что-то вроде «Верескового меда» Роберта Бернса.

ОБОЛЕНСКИЙ, философ (*вскользь*). Роберта Льюиса Стивенсона это.

АВТОР. Да, что то вроде. Споем, но потом... «Чепуха все это!» – сказал бы, мне думается, Саша Войнов – доцент из Запорожья, с которым мы познакомились тогда еще, в Севастополе. – «Спой-ка лучше, Михалыч, свою «Графскую пристань», – сказал он мне тогда»... Ну попробуем.

И пою я.

«Графская пристань»

(Моя авторская песня)

«А осень, как сон. Севастополь во сне.
Скрип столика, Графская пристань.
Не граф я, но кровь голубая во мне,
Ром крепостью градусов триста.

Спасай свою душу! Балдей при луне!
Там – митинг, тут – дамы-графини.
И семьдесят пять уж гражданская войне,
И искры играют в графине.

Незримый хранитель могучему дан.
Но что-то в сознании брезжит:
«А если опять на Малахов курган?
А кто ж его снова удержит?»

Гудит Севастополь. Ром плещется в нас.
Все страсти, когда хоть устанем!
И морем качается «Красный Кавказ»,
И градусов триста в стакане».

ВСЕ МЫ, ХОРОМ. Чепуха все это!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Хоть бы задумались. Что это мы
все «чепуха да чепуха»?

ЛЕОПОЛЬД КРАСНИЦКИЙ. А если по-латыни это
слово прочесть: «реникса».

АВТОР. А вот если в Орле на одном памятнике прочесть
по-латыни, что получается? Так имя автора «Биремюр».

ГЕННАДИЙ УЗИЛЕВСКИЙ. Что интересно, если
прочесть имя автора и в Берлине, в Трептов – парке, то
же самое Биремюр.

ОБОЛЕНСКИЙ, философ. Чего это мы: все солдаты,
все «гуси»?

ЛЕОПОЛЬД КРАСНИЦКИЙ, археолог (*вразумительно*).
То «гуси» – легионеры, наемники, а то ... в Трептов-парке
солдат! А Гуртьев в Орле, памятник, – так это «лебедь»...

АВТОР (*хитровато этак, чтобы от «Томми» все-таки
отвертеться*). Давайте-ка я лучше вам стихи Редьярда
Киплинга в отрывках прочитаю.

«Песня Римского центуриона».

«Отряд мой отправления ждет,
Взойдя на корабли.
Но пусть мой меч другой возьмет,
Остаться мне вели!

– Легат! – мне крикнет вслед чуть свет,
Уйдет когорта в Рим. –
Я прослужил здесь сорок лет,
Я буду там чужим.
Здесь сердце, память, жизнь моя
И нет родней земли.
Ну как ее покину я?
Остаться мне вели!»

«Бремя белого человека!»

«Неси это гордое бремя!
Будь равен и деловит.
Не поддавайся страхам,
Не питай обид.

Простое ясное слово
Сотни раз повторяй.
Сей! Чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай.

Неси это гордое бремя!
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен.

Чего ты хочешь, проклятый?
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой египетской тьмы.

Нести это гордое бремя –
Неблагодарный труд.
Ах, слишком громкие речи
Усталость твою выдают!

Тем, что ты уже сделал
И сделать еще готов
Молчащий народ измерит
Тебя и твоих богов».

«**Восток и Запад**» (баллада).

«О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток.
И с места они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
На Страшный господень суд.
Но нет Востока с Западом, нет.
Что – племя, родина, род,
Если сильный к сильным,
Лицом к лицу,
По краю земли идет».

ЛЕОПОЛЬД КРАСНИЦКИЙ (нетерпеливо уже). А все же как там насчет «Томми Аткинса» этого Редьярда Киплинга?

АВТОР. Ну, как дождинка, упало мне на мундир, Лева, слово твое про «Аткинса». Ладно, пою слова Киплинга на мой внутренний голос, распев. Заметим, какая ирония!

«Томми Аткинс»

«Хлебнуть пивца я захотел и завернул в трактир.
– Нельзя! – трактирщик говорит, взглянув на мой мундир.
Девчонки мне смотрели вслед и фыркали в кулак.
Я усмехнулся, вышел вон, а сам подумал так:
«Солдат – туда, солдат – сюда! Солдат, крадись, как вор.
Но «Мистер Аткинс, в добрый путь!» – когда играют сбор.
Когда играют сбор, друзья, когда играют сбор.
«Любезный Аткинс, в добрый путь», – когда играют сбор.
Явился трезвого трезвей я в театральный зал.
Но, пьяный щеголь сел на стул, где я сидеть желал.
Назад спровадили меня – под самый небосвод.
Но если пушки загремят, меня пошлют вперед!
Солдат – туда, солдат – сюда! Гони солдата вон!
Но, если надо на войну, – пожалуйста в вагон.
В вагон пожалуйста, друзья, пожалуйста в вагон.
Но если надо на войну, пожалуйста в вагон!
Пускай вам кажется смешным грошовый наш мундир.
Солдат-то дешев, но хранит он ваш покой и мир.
И вам подтрунивать над ним, когда он под хмельком,
Гораздо легче, чем шагать с винтовкой и мешком.
Солдат – такой, солдат – сякой, бездельник и буян!
Но он храбрец, когда в строю зальется барабан.
Зальется барабан, друзья, зальется барабан.
Но он – храбрец, когда в строю зальется барабан.
Мы – не шеренга храбрецов и не толпа бродяг.
Мы – просто холостой народ, живущий в лагерях.
И, если мы подчас грешим – народ мы холостой, –
Уж извините: в лагерях не может жить святой!
Солдат – такой, солдат – сякой, но он свой помнит долг.
И, если пули засвистят, – в огонь уходит полк.

В огонь уходит полк, друзья, в огонь уходит полк,
Но, если пули засвистят, в огонь уходит полк!
Солдат – такой, солдат – сякой, и грош ему цена.
Но он – надежда всей страны, когда идет война.
Солдат – такой, солдат – сякой! Но как бы не пришлось
Вам раскусить, что он не глуп и видит все насквозь!...»
АВТОР. А дальше – сами дочитаете.

И вот вам, как и вначале, включаю свой маг «япошу» с музыкой Георгия Свиридова.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Торжественно-ритмические, инобытийные ритмы этой музыки к Первому каналу телевидения, к программе «Время».

Заседание клуба «Белая Скифия» продолжается.

«Аплодисменты, друзья, аплодисменты! Комедия еще не окончена!».

Пост-скриптум.

А на другое утро, после того, как матери моей не стало, ушла, куда и все, навсегда, я написал такие строки как письмо ей туда вслед, соединив ее навечно с собой:

«Мать, не стони,
Не надрывай мне душу,
Она и так истерзана страной.
В последний раз твой тихий голос слышу.
Не уходи! Побудь еще со мной».

Занавес.

*21 октября 2004 г.,
г. Малоархангельск.*

ИВАН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

(музыкально-лирическая новелла)

(диалоги)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АВТОР – поэт – музыкант, поэт-новатор, из Орла.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ – поэт с традицией, из Мценска.

Действие происходит в наши дни, в начале XXI века. Диалоги между Орлом и Мценском, между поэтами-современниками.

Картина первая

Орел. Комната, где творит Автор – поэт, музыкант и где он, как считает, обретает бессмертие среди своих книг и кассет. Вчера узнал, что серьезно заболел поэт Иван Александров, из Мценска. Захандрил, никуда не ходит, никого не принимает.

АВТОР (*в сторону*). Надо как-то его поддержать. Хороший поэт. Старомодный несколько, но с народным сознанием. Соль земли. Без таких народ сиротеет. Правда, грешен маленько был, в том числе и передо мной. А кто не грешен? Курица и та пьет с листика. Да что же это ему кара господня, что ли? И так поэзия всех забрала, а чего дала? Женился он поздно, ни детей, ни внуков, к стопам припадающим... Поэты все отдают поэзии, читатели в этом случае – миф... Попробуем с ним творить диалоги.

Набирает номер телефона. Костенеет лицом. Пи-пи-пи. Рассветает.

АВТОР (*в трубку*). Ну что ты там, Мценск? Утро туманное, гимн русской интеллигенции. Совсем на краю своем там, говорят, от рук отбился. Даже музыку слушать не хочешь.

ГОЛОС ИЗ ТЕЛЕФОННОЙ ТРУБКИ – ИВАНА АЛЕКСАНДРОВА. Как не хочу? Хочу. Раз пять слушал твою кассету. Песни военных лет... Ну ты прямо как Хворостовский... Это я графоманов гоняю, лезут тут всякие, не хочу слушать, осточертели...

АВТОР (в трубку). Ну так слушай, русский поэт, Иван Александров русского тенора Александра Подболотова. «По дороге в Загорск». Ну, сейчас это Сергиев Посад, как и было. Да, да, Троице-Сергиевская лавра... И еще народная песня «Шумел камыш...» Застольная. Да, ну что ты? Лирическая, удивительная, наша – русская. Слушай, включаю.

Итак, «По дороге в Загорск».

Переборы гитары.

«По дороге в Загорск
Понимаешь невольню, что осень
Потеряла июльскую
Чудную, пышную власть,
Что дороги больны,
Что темнеет не в детстве, а в осень.
Что тоскуют поля
И судьба не совсем удалась.
Что с рождением ребенка
Теряется право на выбор,
И попробуй тут устоять
При раскладе таком.
Здесь семейный сонет
Заменял холостяцкий верлибр.
И нельзя разлюбить,
И противно влюбляться тайком.

По дороге в Загорск
Понимаешь, что время
Не так уж и странно.
И судьбы никому не дано совершить.
То ли водка не та,
То ли сделалось горьким вранье,
То ли сердце истомится скоро,
И слова из романса так и хочется
Крикнуть в петлистое ухо шофера».

«Шумел камыш»

Грустная, ливистая мелодия оркестра народных инструментов. Мужской голос с женским.

«Шумел камыш. Деревья гнулись.
А ночь темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра. А поутру они вставали,
Кругом помятая трава,
Да не одна трава помята,
Помята молодость моя.
ОН. «Придешь домой, а дома спросят,
Где ты гуляла, где была?
А ты скажи: в саду гуляла,
В саду тропинки не нашла.
А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда.
ОНА. Она пришла, его там нету
Его не будет никогда».

Голос Автора, читая стихи. На фоне мелодии.

Афанасий Фет.

«Знать, долго скитаться наскуча
Средь ширей полей и морей,
На Родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней».

ГОЛОС АВТОРА. Фет – Шуберт. «Ave Maria». Я пою а'капелла.

«Ave Maria. Лампада тиха.
В сердце готовы четыре стиха.
Чистая дева скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.

Неба царица не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей.
Ave Maria. Лампада тиха.
Я прошептал все четыре стиха».

* * *

ГОЛОС АВТОРА. И опять я пою а'капелла. Иван! Это тебе от нас с Фетом, нашим с тобой земляком. Слова Фета, музыка моей души.

«Тихая звездная ночь.
Трепетно светит Луна.
Сладки уста красоты
В тихую звездную ночь.
Друг мой, в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь.
Ты же светла, как любовь,
В тихую звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю –
И от печали не прочь.
Ты же еще мне милей
В тихую звездную ночь».

ГОЛОС АВТОРА. *Иван! И эта фетовская тихая звездная ночь одна над нами с тобой. Одни для нас звезды, одни соловьи. Звезды эти особенно чувствительны, а запахи так утонченны.*

Слушай, Иван, твои стихи! Я выбрал такие.

Иван Александров.

«Легли налево и направо
Моей поэзии края.
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.

Земля Тургенева и Фета
Известна далеко вокруг.
Тепло поэтами воспета
Моя столица – Бежин луг».

* * *

«В Дубках, да в Лужках, да в Коровинке
Смешно нам о славе вздыхать
Узнали бы только на Родине,
А где-то успеют узнать».

«**Матица**» (на мою мелодию).

АВТОР. *Я и пою а'капелла.*

«Вновь в душе сумятица
Прожитого дня.
Мама, мамка, матица,
Успокой меня.

Дай мне разумения,
Мужества и сил,
А еще терпения,
Чтобы гордо жил!

Ты в далеком детстве,
В самый горький час
От невзгод и бедствий
Укрывала нас.

Ты всегда казалась
Самой сильной мне:
Вся изба держалась
На твоей спине.

Нерушима крыша,
Прочен потолок.
Все прямей и выше
Голубой дымок.

Отойдет сумятица
В дедовской избе.
Мама, мамка, матица,
Кланяюсь тебе!»

ГОЛОС АВТОРА. Ну, что, Иван! Мост с тобой установили? На первый раз хватит?

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ. Да ты что, дорогой... да я заплачу... не заплачу, а заплачу...

ГОЛОС АВТОРА. Нам боги помогают! Бесплатно дают поговорить Поэту с Поэтом... Позвоню в ближайшее время. Дай придумаю, что еще тебе протранслировать... Ну, бывай.

Картина вторая

Орел. Та же комната. Тот же Автор. Продолжение диалога.

ГОЛОС АВТОРА. Иван? Иван Александров? Иван Ячменное Зерно.

Слушай Надежду Кадышеву. «Золотое кольцо».

«Край ты мой любимый,
Край обыкновенный,
Знаю, есть на свете лучшие места,
Только сердце все же выбирает этот,
Если вдруг приходит странная тоска.

Встану я на зорьке,
Выйду в сад зеленый,
Выйду и умоюсь утренней росой,
Обниму березку, поцелуюсь с кленом.
(Тут я, извините, загнулся, горло осыпало)
Я сорву подснежник раннею весной,
Босоногим детством пробегу по лужам,
Что засеребрились с первой грозой.

Край ты мой любимый,
Край обыкновенный.
Знаю, есть на свете лучшие места,
Только сердце все же выбирает этот,
Если вдруг приходит странная тоска».

ГОЛОС АВТОРА *(в сторону)*. И странное дело! Я вдруг почувствовал связь Ивана Александрова с шотландским поэтом Робертом Бернсом в его отношении к слову земному, к самой земле, людям земным, к духу народному...

ВСЛУХ *(в трубку)*. Иван! Слышь, о чем я подумал? Вот эту твою «Матицу» взять бы тут да и перекинуть через

все Балтийское море до самой Шотландии, к Роберту Бернсу. И пройти по ней – туда и обратно...

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ (из трубки). И обратно, да! А если бы только туда, я бы уж и обиделся на тебя.

ГОЛОС АВТОРА. Слова Роберта Бернса пою на свою же мелодию. Видите, какой треугольник: поэт поет поэта.

Итак, стихи Бернса «**Во ржи**».

«Пробираясь до калитки
Полею вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.

Если звал кого-то кто-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..»

«Луна»

«Наш Вилли пива наварил
И нас двоих позвал на пир.
Таких счастливых молодцов
Еще не знал крещеный мир!

Никто не пьян, никто не пьян,
А так, под мухую чуть-чуть.
Пусть день встает, петух поет,
А мы не прочь еще хлебнуть!

Три молодца, мы дружно пьем.
Один бочонок – трое нас.
Не раз встречались мы втроем
И встретимся еще не раз.

Что это – старая луна
Мигает нам из-за ветвей?
Она плывет, домой зовет...
Нет, подождать придется ей!»

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ (*в трубку сюда*). Здорово!
Прямо как про нас по молодости.

ГОЛОС АВТОРА. А вот эти стихи и вообще, как про
тебя, Иван... **«Джон – ячменное зерно» – «Иван –
ячменное зерно...»** Послушай про себя, Иван!

«Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно».

А в трубку уже голос Ивана Александрова, подхватывая.

«Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копыями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время... хе-хе... помирать –
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика».

ГОЛОС АВТОРА (*в трубку*). И до сих пор? Все недруги, Иван?

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ (*продолжая*).

«Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правеж,
Везут его на ток».

ГОЛОС АВТОРА.

«Дубасить Джона принялись...»
Писатели с утра...
«Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили по ветру».

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ.

«Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно!»

ГОЛОС АВТОРА. Да! Как сейчас вижу...

«Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит».

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ. Да! А что ты видишь, как сейчас?

ГОЛОС АВТОРА. «Недаром был покойный Джон

При жизни молодец, –
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Вдвоем дуэтом.

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!»

Автор, включая перед телефоном свой маг «япошу».
«Несказанное, синее, нежное» – есенинское. Все тот же

АЛЕКСАНДР ПОДБОЛОТОВ.

«Над окошком месяц,
Под окошком ветер.
Облетевший тополь
Серебрист и светел.

Дальний плач тальянки,
Голос одинокий
И такой родимый,
И такой далекий.

Плачет и смеется
Песня лиховая.
Где ты, моя липа,
Липа вековая.

Я и сам когда-то
В праздник спозаранку
Выходил к любимой,
Развернув тальянку.

А теперь я милой
Ничего не значу.
Под чужую песню
И смеюсь и плачу.

Над окошком месяц,
Под окошком ветер.
Облетевший тополь
Серебрист и светел».

Картина третья

Там же. В Орле, в комнате, у телефона.

ГОЛОС АВТОРА. Ну что? Продолжим?... Был «золотой поэт», теперь черед «серебряного».

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ (*живо в трубку оттуда*).
Серебро с головы начинается. Николай Рубцов?

ГОЛОС АВТОРА (*туда, в трубку*). Ну, конечно, Николай Рубцов. Слова, положенные на музыку моей души.

«Деревенские ночи»

«Ветер под окошками,
Тихий, как мечтание,
А за огородами в сумерках полей
Крики перепелок, ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней.

К табуну с уздечкою выбегу из мрака я,
Самого горячего выберу коня,
И по травам скошенным, удилами звякая,
Конь в село соседнее понесет меня.

Пусть ромашки встречные
От копыт сторонятся,
Вздоргнувшие ивы брызгают росой,
Для меня, как музыкой, снова мир наполнится
Радостью свидания с девушкой простой!

Все люблю без памяти
В деревенском стане я,
Будоражат сердце мне в сумерках полей
Крики перепелок, ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней».

ГОЛОС АВТОРА (*в трубку*). А это, Иван, сразу же после Николая Рубцова, твои стихи. Вот такие! Про хуторок. Про места наши фетовские, тургеневские, где бывал Лев Толстой. И где летом я живу, брожу и пишу.

«Затишье»

«Речка ластится змейкой
За изгибом изгиб.
А на взгорке аллея,
Зеленеющий клип.

Груши, сливы да сливы
Разноцветно пестрят.
Это хутор Затишье,
Абрикосовский сад.

«Зеленая держава»

(На музыку моей души)

«Я пойду ромашковой дорожкой,
Тишиною залиты поля.
Где живет в бревенчатой сторожке
Добрый и лукавый старикан.

Сам печально встретит у порога,
Скорбно сложит руки на груди
И прикрикнет безобидно-строго:
«Заходи, пропащий! Заходи!

Столько лет ни сживал с тобою,
Где бродяжил? Честно отвечай.
Будет пахнуть водка зверобоем
И душистой земляникой чай.

Обниму до хруста седоглавого:
«Будь здоров! Живи не унывай!
И свою зеленую державу
Никому в обиду не давай!»

АВТОР. Это прямо как мне завет, да, Иван?

А вот «Матица».

(Читая). «Снова вижу матицу за печкой

И забитый в матицу крючок.

Песенкой веселой и беспечной

Забавлялся в уголке сверчок.

Быть бы мне бродягою, скитальцем,

Да всегда со стороны любой

Этим самым крючковатым пальцем

Матица звала меня домой».

АВТОР (*не выдержав*). Вот здорово! Спасибо, Иван!
Ну, брат, угодил мне! Ай да матица с «этим самым
крючковатым пальцем»! И эти стихи твои хороши.

* * *

«Где тот дремучий травостой

Лихой поры военной?

Такой дремучий и густой:

Взмахнешь — вязанка сена!

Была та буйная трава

Загадочной немножко:

Темнели тайной острова

Мышиного горошка.

Я замирал за два шага,

Робя и немея,

Перед метелкой овсюга

И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял пчелиный гуд,
Протяжен и напевен».

ГОЛОС АВТОРА. «Песенка про кошек» (опять же музыка моя).

«Лето сыпало дождями,
Да отборными.
Пробежала между нами
Кошка черная.

Осень желтыми лесами
Лето выжила.
Пробежала между нами
Кошка рыжая.

А зима мела снегами
Вечность целую.
Пробежала между нами
Кошка белая.

Май в округе полыхает,
Осыпая нежный цвет.
Что же нам теперь мешает?
Ведь зеленых кошек нет».

ГОЛОС АВТОРА (расхохотавшись в трубку). Все, Иван? Насчет кошек ты здорово... Ну, бывай...

Картина четвертая

Там же, в Орле, та же комната. Автор у телефона.

АВТОР (в трубку). Алло, Мценск? Иван Александров? Вот послушай. Архисовременно. Насчет финансового кризиса. Тоже сам пою на свою мелодию.

Роберт Бернс. «Бумажные деньги».

«Будь проклят, скомканный листок,

Ты был всегда ко мне жесток.

Ты разлучил меня с подружкой

И за столом обносишь кружкой.

Ты обрекаешь честный люд

На голод, рабство, тяжкий труд.

Видал я торжество злодея,

Что грабил нищих, не жалея.

Моей руки единый взмах

Его бы сокрушил во прах.

Но этой братии продажной

Ты власть даешь, листок бумажный.

Будь проклят, скомканный листок,

Ты был всегда ко мне жесток.

Ты разлучил меня с подружкой

И за столом обносишь кружкой».

АВТОР (*в трубку*). А это, Иван, у меня тут!.. Ну да, тоже про деньги. Коротенькие стихи, в несколько строк. Из цикла об Орле, ну да, у подвесного моста через Орлик.

«Вот банк. Как истина простая.

Вот нищий на мосту – не обежать...

Зачем им там, когда их не хватает,

Зачем им там, в подвалах тех, лежать?»

АВТОР (*в трубку*). Так с деньгами, говоришь, еще ничего, терпимо? А как с женой... с Эльвирой? Как у Толстого с Софьей Андреевной?.. Ну, привет ей... От кого? От Роберта Бернса. Ну да, и я присоединяюсь. Его слова, моя музыка... Пусть Эльвира тоже послушает...

«Моя единственная Мэри»

«Вина мне пинту раздобудь,
Налей в серебряную кружку.
В последний раз, готовясь в путь,
Я пью за милую подружку.

Трепещут мачты корабля,
Как будто силу ветра мера...
Пред тем, как скроется земля,
Пью за тебя, малютка Мэри!

Нас ждет и буря и борьба.
Играя с ветром, вьется знамя.
Поет военная труба,
И копыта движутся рядами.

Не страшен мне грядущий бой,
Невзгоды, жертвы и потери!
Но как расстаться мне с тобой,
Моя единственная Мэри?»

Картина пятая

Орел, Союз писателей. Много народу.

АВТОР (появляясь). Ну, как?

КТО-ТО ИЗ ПИСАТЕЛЕЙ. Иван Александров вроде на поправку пошел. Юмор появился. Звонил от имени какого-то Джона. Я, говорит, Джон – Ячменное Зерно.

АВТОР. Иван Ячменное Зерно?

Раздается телефонный звонок.

КТО-ТО ИЗ ПИСАТЕЛЕЙ (беря трубку). Иван Александров – персонально!

Голос звучит на все помещенье. Включается селектор.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ. Мне – Автора.

ПИСАТЕЛИ. Мы все тут авторы.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ. Мне его... который на музыку слова может класть...

Бодрый голос Ивана Александрова. Читает вслух.

Роберт Бернс. «Финдлей».

«– Кто там стучится в поздний час?

“Конечно, я – Финдлей!”

– Ступай домой. Все спят у нас!

“Не все!” – сказал Финдлей.

– Как ты прийти ко мне посмел?

“Посмел!” – сказал Финдлей.

– Небось, наделаешь ты дел.

“Могу!” – сказал Финдлей.

– Тебе калитку отвори...

“А ну!” – сказал Финдлей.

– Ты спать не дашь мне до зари!

“Не дам!” – сказал Финдлей.

– Попробуй в дом тебя впустить...

“Впусти!” – сказал Финдлей.

– Всю ночь ты можешь прогостить.

“Всю ночь!” – сказал Финдлей.

– С тобою ночь одну побудь...

“Побудь!” – сказал Финдлей.

– Ко мне опять найдешь ты путь.

“Найду!” – сказал Финдлей.

– О том, что буду я с тобой...
“Со мной!” – сказал Финдлей.
– Молчи до крышки гробовой!
“Идет!” – сказал Финдлей».

«Финдлей» *вырубился. Пауза.*

ГОЛОС АВТОРА (*наконец*). Положу на музыку «Финдлея» этого, всем потом покажу... Слава богу, пошло, видимо, на поправку. А давайте, так сказать, для закрепления плацдарма Надежду Кадышеву туда Ивану Александрову направим.

Включает магнитофон свой – «япошу».

Надежда Кадышева. «Яблоневый вечер».

ГОЛОС АВТОРА. И все, хором! Все, кто тут есть!

Привычная мелодия – наша русская песня.

«Яблоневый вечер звёздами расцвечен.
Из краёв далёких вновь пришла весна.
Снова за окошком слышится гармошка,
И душа моя надеждою полна.

Нелегко порою было нам с тобою,
Но о сильных вьюгах лучше позабыть.

Мы ещё не спели всё, о чём хотели,
Мы с тобой ещё не начинали жить.
ХОРОМ, ХОРОМ ВСЕ.

Мы ещё не спели всё, о чём хотели,
Мы с тобой ещё не начинали жить.

Наступает вечер. Розовые ветви.

Вот уже рассвета наступает час.

Звёзды догорают, годы пролетают,

Только верь, весна придёт ещё не раз».

ГОЛОСА (*отсюда туда, во Мценск, Ивану Александрову*).

Иван! Джон – Ячменное Зерно!... Финдлей, Миклуха
Маклай, как там твоя папуаска... «мати, матица» как?..

И хором, хором все (в такт Надежде Кадышевой).

«Яблоневый вечер звёздами расцвечен.

Из краёв далёких вновь пришла весна.

Снова за окошком слышится гармошка,

И душа моя надеждою полна-а-а...»

ГОЛОС СВЫШЕ. И гармонь, гармонь, туда, к Ивану
во Мценск. В родимую сторонку – в поэзию российских
деревень.

Аплодисменты, друзья, кантата окончена. Аплодисмен-
ты Артисту! Что нам жалко, что ли? Аплодисменты!

Занавес.

ЖДИ МЕНЯ **(Русские женщины)**

Музыкально-лирическая новелла

Одноактные мелодрамы

Автор на авансцене, в углу за столиком, сидя под электрической лампой с зеленым абажуром, перелистывает рукопись. Тут же перед ним магнитофон. Автор читает текст, иллюстрируя его то записями из магнитофона, то действиями артистов тут же, сбоку себя, на сцене.

МЕЛОДРАМА ПЕРВАЯ

(«ОЛЬГА ЧЕХОВА»)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ И МНИМОДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОЛЬГА ЧЕХОВА – русская актриса, жена брата Антона Павловича Чехова – Михаила, государственная артистка Германии, подруга Евы Браун – любовницы Гитлера.

ГИТЛЕР – фюрер, канцлер Германии.

ГИМЛЕР, **ГЕБЕЛЬС**, **ГЕРИНГ** – сподвижники фюрера.

НЕМЕЦКИЙ ЛЕТЧИК – любящий Ольгу Чехову.

АРТУЗОВ – работник спецслужб СССР.

ТОВАРИЩ СТАЛИН.

ИЗАБЕЛЛА ЮРЬЕВА – замечательная русская певица.

Действие происходит в Германии, во время Второй мировой войны, как говорится, в самом логове Гитлера, где действует в пользу Родины Ольга Чехова – актриса, носящая знаменитую русскую фамилию.

ГОЛОС АВТОРА. К Дню Победы. «Русские женщины» – музыкально-лирические новеллы,

мелодии из «Одинокого пастуха». Это концерт – гимн, моноспектакль двум замечательным русским женщинам Ольге Чеховой и Валентине Серовой.

*Мелодия из «Одинокого пастуха». На фоне мелодии
Голос Автора.*

Судьбы их чем-то схожи, они трагические. Обе – артистки, обе пели русские песни, русские народные песни, русские романсы по обе стороны фронта. Коня они на скаку не останавливали, а приближали конец режимов, обоих режимов, сыграв выдающемуся роль в общей нашей Победе.

Действительно, национальная, даже общечеловеческая роль их в Победе, в становлении народного духа неопенима. Обе они артистки, их судьбы были связаны с первыми лицами государства и общества, которые обожгли их тонкие артистические натуры своим грубым мужским дыханием.

Итак, первая новелла «Ольга Чехова»

Ольга Чехова была племянницей жены великого русского писателя Антона Павловича Чехова – Ольги Леонардовны Книппер – Чеховой, была женой брата Чехова – Михаила Чехова, в будущем великого русского актера.

Мелодия из «Одинокого пастуха». Хор на фоне мелодии.

– Ты некрасив, я уже не люблю тебя, – сказала она, Ольга Чехова, мужу своему, и уехала в тогдашнюю дружественную Германию – сниматься в немом кино, петь русские песни, однако предварительно побывав у Артузова, на Лубянке. И вот, после переворота, она уже государственная актриса Германии, подруга Евы Браун, в фаворе самого Гитлера.

И она любит немецкого летчика, аса, героя Германии.

Мелодия заканчивается.

ГОЛОС АВТОРА. И «ласточки» от нее летят через линию фронта, до Кремля, до самого товарища Сталина, и роман ее с летчиком пока развивается успешно. Она поет русские песни со сцены, с эстрады, во фронтовых бригадах – возлюбленному своему, летчику.

Русский романс «Графине Ольге Орловой».

«Капризная, упрямая»

«Капризная, упрямая,
Вы сотканы из роз.
Я старше вас, дитя моё,
Стыжусь своих я слёз.

Капризная, упрямая,
О, как я вас люблю!
Последняя весна моя,
Я об одном молю:
«Уйдите, уйдите, уйдите!»

Вы шепчете таинственно:
«Мой юноша седой,
Ты у меня единственный,
Один лишь ты такой.
Но, сказкой околдованный,
Я сам себя бужу.
И, осенью окованный,
И сам я вам твержу:
«Не лгите, не лгите, не лгите!»

Вы светлая, лучистая,
С улыбкой на устах.
И, если правда чистая,
Есть только те слова:

«Отбросив тень сомнения,
Прощу каприз я вам,
И жизнь мою осеннюю,
Как надо только вам,
Возьмите, возьмите, возьмите!»

А в промежутках между концертами, изредка встречаясь со своим летчиком, она читала ему стихи Андрея Белого, привезенные ею сюда из России.

В.П.Светицкому.

«Родина»

«Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ.

И в раздолье, на воле – неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля –
Посылает нам крик: “Умирай –

Как и все умирают...” Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз:
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей».

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?»

«Капризная, упрямая», – немецкий летчик-ас – ее возлюбленный гладил ее плечи, волосы, кольцами ниспадающие ей на плечи.

А там, за линией фронта, тоже в концертных бригадах, пела тот же старинный русский романс русская певица Изабелла Юрьева.

А там, обратно же за линией фронта, эта красивая русская женщина, с громким именем – Ольга Чехова была приближена к Гитлеру и участвовала в приемах элиты. Под взглядом Гитлера она пела, ставила подобного рода пластинки, иронично глядя на фюрера.

Л. Утесов. Из кинофильма **«Веселые ребята»**

«Сердце, тебе не хочется покоя,
Сердце, как хорошо на свете жить.
Сердце, как хорошо, что ты такое.
Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить».

*Инструментальный ансамбль. Танцевальные ритмы.
Сменяются другим, живым ритмом. Поэт ЭДИТ
УТЕСОВА.*

– Ну... как идут у нас дела?

ЛЕОНИД УТЕСОВ.

– Все хорошо, прекрасная маркиза,
Дела идут, и жизнь легка.
Ни одного печального сюрприза,
За исключением пустяка.
Так, ерунда, пустое дело:
Кобыла ваша, околела.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хорошо».

ЭДИТ УТЕСОВА:

– Кобыла наша умерла?
Скажите мне, мой верный кучер:
Как эта смерть произошла?»

Л.УТЕСОВ.

«Все хорошо, прекрасная маркиза.
Все хорошо, как никогда.
К чему скорбеть от глупого сюрприза,
Все это, право, ерунда.
Все было что? Пустое дело.
Она с конюшнею сгорела.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хорошо».

Э.УТЕСОВА. «Какой неслыханный удар!

Скажите мне, с утра пораньше,
Когда в конюшне был пожар?»

Л.УТЕСОВ. «Все хорошо, прекрасная маркиза.

И хороши у нас дела.
Но вам судьба, конечно, из сюрприза
Еще сюрприз преподнесла.
Сгорел ваш дом с конюшней вместе...
А в остальном, прекрасная маркиза
Все хорошо, все хорошо».

Э.УТЕСОВА. ... Алло, алло...

«Я вне себя, скажите прямо:
Как это все произошло?»

Л.УТЕСОВ. «Узнал я ваш, прекрасная маркиза,

Что разорил себя и вас.
Не вынес он подобного сюрприза
И застрелился в тот же час..
... Конюшня заперта была,
А в ней кобыла умерла...

И дом весь выгорел до тла...
Тыр-тыр-тыр-тыр...
А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хорошо».

Бравурная музыка. Смех.

ГОЛОС АВТОРА. И все хохотали – гитлеровская элита и артистка Ольга Чехова. Но каждый хохотал о своем. А потом она, глядя на Гимлера, пела русский романс Котляревской на слова Фета (*голосом Изабеллы Юрьевой*).

«Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу пойдет,
Раскрываются тихо листья,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу».

ГОЛОС АВТОРА. Гитлер благосклонно похлопал в ладони. И тогда Гебельс сорвался и закричал: «Браво! Браво!» Все дружно зааплодировали. Ольга стояла бледная, как полотно. Гитлер положил руку ей на плечо. И Геринг, подойдя, сказал:

– И не боишься ты, Ольга, Евы Браун? Она ведь ревнива.

И Ольга стала ей постепенно подругой. Она была на виду всех подругой Евы Браун, но тайно любила одного раненого немецкого летчика, встреченного ею в госпитале, и иногда, посещая госпиталь, там пела ему. (Поет голосом Изабеллы Юрьевой).

«Все недосказанное вами
И недослушанное мной».

И новая мелодия.

«... Рассказать бы тебе,
Что люблю каждый миг,
Но, я знаю, ты любишь другого.
Глядя в очи твои, внемля пёсне твоей,
Я шепну хоть заветное слово.
Но, я знаю, что ты мне ответишь: «Забудь!
Потому что ты любишь другого»».

ГОЛОС АВТОРА. А ночь была за окном. Глубокая, темная ночь. Мужчина и женщина, немецкий летчик и русская актриса. На фоне музыки (слова Л. Золотарева).

Вот он поет ей свои заклинанья:

«**Жди меня**, жди меня
Зиму, лето и осень.
Из войны, из огня, —
Каждый день, каждый час.
Но не знала она,
Что он ее уже бросил,
Но она не исчезнет из глаз.

Как же он заклинал,
Как ее добивался.
Жди меня, жди меня
Каждый день, каждый час.

Вот он жив и остался.
Не убило вчера,
Не убьет и сейчас.

«Жди меня, жди меня».
Зиму, лето и осень.
Из войны, из огня –
Каждый день, каждый час.
У кого же еще
Жить подольше попросишь,
Если сам, не дождавшись,
Уходит от нее и от нас».

И голос его растворяется в музыке.

АВТОР. «Если сам, не дождавшись,

Уходит от нее и от нас».

Музыка. Голос в ночи. Экзальтация.

Звуки переходят в другие ритмы. Внешние, бравурные,
А в голосе его боль, тоска, предчувствие смерти.

Песня немецкого летчика без слов.

Затаенная боль, невозможность всего.

Он поет перед ней, высказывая свое. А главное –
предчувствуя, что это, возможно, в последний раз...

ГОЛОС АВТОРА. Когда ее там спросили: кто победит –
Германия или Россия?

– Германия такая ма-а-ленькая, – ответила она. – И вы
поете вполголоса. А Россия такая бо-о-ольшая! И поют
там во всю глотку, во широкой степи.

Шишкин – Языков. «Ночь светла»

Мы поем вместе с Изабеллой Юрьевой.

«Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

Тёмный лес там в тиши
Изумрудных ветвей.
Звонких песен своих
Не поёт соловей.

Милый друг, нежный друг,
Я, как прежде, любя,
В этот час при луне
Вспоминаю тебя.

В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне.

Под луной расцвели
Голубые цветы.
Это в сердце любовь,
Это в сердце мечты.

И к тебе я лечу,
Твоё имя шепчу.
Милый друг, нежный друг,
По тебе я грущу.

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне».

Романс переходит в оркестровую мелодию. Лихой, бесшабашной такой русской народной песни.

И опять-таки я пою вместе с записью.

«Начинаются дни золотые
Воровской непроглядной любви.
Крикну: «Кони мои вороны!
Черней ворона кони мои!»

Устелю я сани коврами,
Ленты в конскую гриву вплету.
Пролечу, прозвеню бубенцами
И тебя налету подхвачу.

Мы ушли от проклятой погони,
Перестань, моя радость, рыдать;
Нас не выдали черные кони,
Им теперь вороных не достать».

Мелодия естественно переходит в другую русскую народную песню «Ой, мороз, мороз!» (*И опять-таки я пою вместе с записью*).

«Ой мороз, мороз!
Не морозь меня,
Не морозь меня,
Моего коня.

Не морозь меня,
Моего коня,
Моего коня,
Белогривого.

Моего коня,
Белогривого.
У меня жена,
Ох, ревнивая!

У меня жена
Ох, красавица!
Ждет меня домой,
Ждет печалится.

Я вернусь домой
На закате дня,
Обниму жену,
Напою коня».

НЕМЕЦКИЙ ЛЕТЧИК. Смотри, Ольга! Это опасно: радиоприемник, русские пластинки.

ГОЛОС АВТОРА. А вчера Гимлер сказал ей: «Завтра Ольга, придем к тебе утром». Пришел Гимлер... со своими в черных мундирах... а у Ольги сам Адольф Гитлер, сидит, пьет с ней кофе. Улыбнулась Ольга Гимлеру и поставила старую пластинку.

Леонид Утесов.

«Раскинулось море широко,

И волны бушуют вдали.

Товарищ, мы едем далеко,

Подальше от нашей земли.

— Товарищ, я вахты не в силах стоять, —

Сказал кочегар кочегару. —

Огни в моих топках совсем догорят,

В котлах не сдержать мне уж пару.

Товарищ ушел, он лопату схватил.
Собравши последние силы,
Дверь топки привычным толчком отворил,
И пламя его озарило.

Окончив бросать, он напился воды,
Воды опресненной, нечистой.
С лица его падал пот, сажи следы,
Услышал он речь машиниста:

«Ты вахты не кончив, не смеешь бросать,
Механик тобой недоволен.
Ты к доктору должен пойти и сказать,
Лекарства он даст, если болен».

На палубу вышел, сознания уж нет.
В глазах у него помутилось,
На миг увидал ослепительный свет,
Упал, сердце больше не билось...»

ГОЛОС АВТОРА. *Мелодия затихает, пряча концы в воду.*

ГИМЛЕР (*ехидно*). Что – главная русская песня?

ГИТЛЕР (*решительно вставая*). Песня о смерти, о гибели России, русского человека.

ГОЛОС АВТОРА. И встал, заторопился к выходу. За ним потянулись и все остальные.

ОЛЬГА ЧЕХОВА (*стоя, под нос себе, шепотом ему вслед*). У самого тебя в глазах помутилось.

И поставила себе такую пластинку.

Петр Лещенко. «Чубчик»
«Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
Развевайся, чубчик, по ветру.
Раньше, чубчик, я тебя любила,
А теперь забыть я не могу.

Бывало, шапку оденешь на затылок.
Пойдёшь гулять и днём и ввечеру.
Из-под шапки чубчик так и вьётся,
Так и вьётся чубчик по ветру.

Пройдёт зима, настанет лето,
В саду деревья пышно расцветут,
А мне бедному да мальчонке
Цепями ручки-ножки закуют.

Но я Сибирь не боюсь,
Сибирь ведь тоже русская земля.
Вейся, вейся, чубчик кучерявый,
Эх, развевайся, провожай меня,
Развевайся, чубчик, по ветру».

ГОЛОС АВТОРА. А «ласточки» все летели от нее в Кремль, к самому товарищу Сталину, но и летели к ней «голуби». И вот прилетел к ней «голубь», который сообщил, что летчик, ее возлюбленный, упал вместе с самолетом при ночной бомбардировке Лондона. Грусть, тоска, даже страх объяли ее. Помогали русские песни, романсы, «Жди меня, Родина!»

«Все вперед, все впереди»
«Брось недобрые, темные думы,
На меня без укора гляди.
Расставаясь, не будем угрюмы,
Что бы ни было – всё впереди.

Не хочу я, чтоб новая складка
Возле губ твоих милых легла,
Чтобы мгла не родилась украдкой
Необжитого сердца мгла.

Все пройдет, что прошло – не вернется,
И разлуки приходит пора.
Может, завтра тебе улыбнется
То, что горем казалось вчера.

Прогони же ненужные думы,
По-хорошему, милый, гляди.
Расставаясь, не будем угрюмы,
Что бы ни было, всё впереди»

Поет Ольга Чехова (*голосом Изабеллы Юревой*).

«Есть в жизни каждого из нас

Нам хороший знакомый почерк,
Твои любимые цветы,
Твоя тетрадь стихов.

Найдете вы, прочтете вы в отрывках строк
Простые слова, простые желанья –
Дружить и любить, в заветный час встречать
И ждать простые слова, но сколько в них

очарованья.

Скажите мне, так о чем можно горячо мечтать?

А мы становимся все старше...»

И на фоне мелодии.

ГОЛОС АВТОРА. Эти простые слова слушала в одиночестве там Ольга Чехова, рыдая в подушку. И от нее летели эти слова, эти «ласточки» через линию фронта, в Кремль, к самому товарищу Сталину.

«Простые слова, простые желанья,
Дружить и любить, в заветный час встречать»...

P.S. Умирала Ольга Чехова уже на Родине после войны, от рака мозга где-то там на Лубянке. Говорят, она первая сообщила о сроке наступления врага на Орловско-Курской дуге.

Конец первой новеллы.

г. Орел.

«ЖДИ МЕНЯ»
(Русские женщины)
ВАЛЕНТИНА СЕРОВА

Вторая музыкально-лирическая новелла
Одноактная мелодрама

Мелодия из «Одинокого пастуха». Прерывается, переходит в протяжную лирическую грусть. И на фоне мелодии.

ГОЛОС АВТОРА. Валентина Серова – перед войной известная в стране артистка театра и кино, жена любимого Сталиным сокола – летчика, после гибели похороненного у Кремлевской стены. Всю жизнь она будет носить его громкую фамилию. Все празднества, все походы у них с дочерью будут начинаться отсюда, от Кремлевской стены.

Мелодия переходит в лирическую песню, с хором отдаленным.

Увидев ее, Константин Симонов был сражен ее красотой. «Жди меня» – гимн верности написал он ей в волнении с фронта. Гимн любви женщине, написанный воином воином, находившимся в пылу сражений. А она и сама бывала на фронтах в составе фронтовых концертных бригад, где пела солдатам и офицерам русские песни, романсы.

Однажды она встретила в госпитале раненого Рокоссовского и влюбилась в него. Пела лишь для него, писала письма ему: «Жди меня, и я вернусь».

Леонард Золотарев (*стихи*).

«Как же он заклинал,
Как ее добивался!
«Жди меня, жди меня», –
Каждый день, каждый час.

Отмолила его,
Вот он жив и остался.
Не убило вчера,
Не убьет и сейчас.
«Жди меня, жди меня», –
Зиму, лето и осень –
Из войны, из огня
Каждый день, каждый час.
У кого же еще
Жить подольше попросишь,
Если сам не дождавшись
Уходишь от нас?
«Жди меня», «жди меня», –
Зиму, лето и осень –
Из войны, из огня –
Каждый день, каждый час.
И не знала она,
Он ее уже бросил.
Но она, но она
Не исчезла из глаз».

ГОЛОС АВТОРА. Фронтовая бригада. «В лесу прифронтовом».

«Офицерский вальс» (Случайный вальс)

Оркестр. Поет Леонид Утесов.

«Ночь коротка. Спят облака.
Я знакомую музыку вальса
Услыхал в тишине городка.
Утро зовет
Снова в поход.
Хорошо, что я встретился с вами,
Проходя мимо ваших ворот».

ГОЛОС АВТОРА. Это мое военное детство. Это же наш городок Малый Архангельск. Лето 43-го, Великая битва на Орловско-Курской дуге. И эта мелодия, голос Утесова, который слышу я до сих пор. А офицеров майора Лисунова и капитана Евдокимова (погибли потом в этой битве), вижу в глаза по сей день. И мои сестры танцуют с ними последний этот «Случайный вальс».

«Пусть я с вами совсем незнаком,
И далеко отсюда мой дом.
Но, мне кажется снова
Я у дома родного.
В этом зале большом
Мы как будто вдвоем.
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем...»

* * *

«Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет...»

И все это на фоне мелодии, слов утесовских

«Но мне кажется снова

Возле дома родного...»

ГОЛОС АВТОРА (*продолжая*). Голос солдата.

«Константин Симонов!

Какой-то Валентина Серовой!»

«Так скажите хоть слово,

Сам не знаю о чем».

ГОЛОС ДРУГОГО СОЛДАТА. Как какой-то? Да вот же она перед нами – в концертной бригаде! Знаменитая артистка!..

Она была сражена! Это читал газету молодой солдат, вскочив на эстраду. Эти стихи прямо из газеты.

«Жди меня»...

– Урра-а! Просим, – это кричали все собравшиеся здесь, в лесу прифронтовом.

И она пела для них голосом Изабеллы Юрьевой.

«Мне сегодня так больно,

Слёзы взор мой туманят,

Эти слёзы невольно

Я роняю в тиши.

Сердце вдруг встрепенулось,

Так тревожно забилось,

Все бывшее проснулось,

Если любишь – прости.

Мой нежный друг,

Часто слёзы роняю,

И с тоской я вспоминаю

Дни прошедшей любви.

Я жду тебя, как прежде,
Но не будь таким жестоким,
Мой нежный друг,
Если можешь, прости.
Танцевальные ритмы.

Я жду тебе снова,
Видишь, капли на строчках.
Все вокруг так сурово
Без тебя, без любви.

Твои письма читаю –
Не могу оторваться.
И листки их целую,
Умоляю: «Прости».

Мой нежный друг,
Часто слёзы роняю,
И с тоской я вспоминаю
Дни прошедшей любви.

Я жду тебя, как прежде,
Но не будь таким жестоким,
Мой нежный друг,
Если сможешь прости».

Музыка. Мужской высокий голос. Петр Лещенко.

«Был день осенний,
И листья грустно опадали.
В последних астрах печаль хрустальная жила.
Грусти тогда с тобою мы не знали,
Ведь мы любили, и для нас весна цвела.

Ах, эти черные глаза – меня пленили.
Их позабыть никак нельзя – они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза – меня любили.
Куда же скрылись вы теперь? Кто близок вам другой?

Ах, эти черные глаза меня погубят.
Их позабыть никак нельзя, они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза, кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда и сердце, и покой».

«Очи черные, очи страстные!
Очи милые и прекрасные!
Как люблю я вас, как боюсь я вас,
Знать, увидел вас я в недобрый час».
Танго. Танцевальные ритмы Оскара Строка.

«Ах, эти черные глаза, кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда и сердце и покой».

Фортениано. Энергичные, токкатные ритмы Цфасмана.
ВАЛЕНТИНА СЕРОВА (*голосом Изабеллы Юрьевой*).

«Проходят годы безвозвратно,
Но продолжаю я грустить.
Я жду тебя, мой друг, обратно
В надежде нежно полюбить.

Веселый час придет к нам снова.
Вернешься ты, и вот тогда,
Тогда дадим друг другу слово,
Что будем вместе навсегда.

С тобой не в силах быть в разлуке,
Я образ твой в душе ношу.
И всюду давит бремя скуки,
Забывать тебя я не могу.

Веселый час придет к нам снова.

Вернешься ты, и вот тогда,

Тогда дадим друг другу слово:

И в дальний путь, на долгие года».

ГОЛОС АВТОРА. «Жди меня! Жди меня!». Стояли они вдоль лесной дороги, когда она уезжала. И тот паренек, который читал ей газету. Все махали и кричали: «Жди меня!»

А через несколько дней она узнала, что весь этот танковый полк сгорел в жестоком бою на Орловско-Курской дуге.

Как и вначале, та же мелодия. Тревожная, глубокая, раздумчивая. Человеческий мотив, мотив судьбы.

ГОЛОС АВТОРА. В госпитале она встретила Рокоссовского, он поразил ее: высокий, красивый, да еще генерал, раненый, герой. Она пела только ему, только ему.

Все та же мелодия, разворачивается тема.

РОКОССОВСКИЙ ей. А это вы та «Жди меня» которая, да?

Она просто пела. Не отвечая. Без слов.

Энергичные ритмы фортепиано. Токкатные, цфасмановские звуки.

ВАЛЕНТИНА СЕРОВА (голосом Изабеллы Юрьевой).

«Хмуришься, мой милый,

И печален ты.

Ближе, мой любимый,

Ближе подойди.

Помнишь наши встречи

И любовь мою,

В тот счастливый вечер

Ты сказал – «люблю».

Улыбнись, милый, ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша,
Радостные дни.
Улыбнись, милый,
Ты сильнее люби.

О разлуке нашей
Стоит ли грустить?
Встреча будет краше,
Только будешь ты.

А зимой суровой
В яркий день весны.
С каждой встречей новой
Вспыхнут счастья дни.

Улыбнись, милый,
Ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша,
Ты сильнее люби!»

Будь же веселее!
На меня взгляни.
Будь со мной милее,
Крепче обними.

Спаянные вместе,
Дружба до сих пор.
Надо нам, как прежде,
Сохранять задор.

Улыбнись, милый,
Ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша,
Радостные дни.
Улыбнись, милый
Ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша,
Ты сильней люби!»

Гитара. Переборы. «Только раз» (русский романс).
Валентина Серова (голосом Изабеллы Юрьевой).

«День и ночь роняет сердце ласку,
День и ночь кружится голова.
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова.

Только раз бывает в жизни встреча,
Только раз судьбою рвется нить.
Только раз в холодный зимний вечер
Мне так хочется любить

Гаснет луч пурпурного заката,
Синевой окутаны цветы.
Где же ты, желанная когда-то,
Где во мне будившая мечты?

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить.
Только раз в холодный этот вечер
Мне так хочется любить».

Мелодия сменяет мелодию. «Белая ночь».
«Весна не прошла...
Звенели соловьи на старых клёнах.
Ждала я тебя, и ты пришёл,
И был со мною, влюблённый, нежный мой,
Шептал слова любви.

Белая ночь, милая ночь,
Светлою мглою в честь наших роз.
И не спеши и до зари.
Белая ночь, милая ночь,
Сон добрых слов нежно навей,
Пусть я и ты,
Мы вдвоём – я и ты.
И снова весна. Опять всё цветёт,
Вновь соловьи звенят в аллеях парка.
Ночами их песнь невольно придет.
Сердце вновь так жарко шепчет мне
О той, другой весне.
Белая ночь, светлая ночь.
Тучи как гром, память о нем.
Дождь не из туч, мне песня зари.

Белая ночь, светлая ночь,
Тихо в окно шепчет одно:
«Нет его, нет, он ушёл, –
Он далёк».

ГОЛОС АВТОРА. А сердце ее и в белую ночь было все там же, у красной Кремлевской стены.

Мелодия. Тонкая, щемящая сердце.

В ее сердце всегда были герои: летчик Серов, теперь Рокоссовский.

Тонкий женский голос ведет мелодию. Песня без слов. Мелодия набирает темп.

ЖЕНА РОКОССОВСКОГО (Валентине). Милочка, чтобы стать женой маршала, надо сначала выйти замуж за лейтенанта.. Ты сама героиня – в глазах народа. «Жди меня, и я вернусь...»

Мелодия уходит и растворяется.

ГОЛОС АВТОРА. «Жди меня, и я вернусь...» – кричали ей везде, где она бывала с концертами.

И она вернулась – в семью, к своему Константину и пела ему, лишь для него.

Игривые ритмы, веселые ноты.

Песенка «Улыбнись»

«Теплый прозрачный день.

Утро. Весна. Сирень.

Жалко терять минуты

И сидеть, как птица, дутым.

Отпуск идет шальной,

Сердце полно весной.

Выйдем, пройдемся,

Вместе пойдем со мной.

Ну, улыбнись, мой милый,

Не сердись, мой милый,

Ну, посмотри, любимый ты мой.

Ну, посидим, мой милый,

Ну, посмотри, мой милый,

Ну обними, хороший, родной...»

ГОЛОС АВТОРА. Иногда она шутливо становилась перед ним на одно колено и так пела ему.

И опять же Валентина поет голосом Изабеллы Юрьевой.

«Мне сегодня так больно,
Слёзы взор мой туманят,
Эти слёзы невольно
Я роняю в тиши.

Сердце вдруг встрепенулось,
Так тревожно забилося.
Все бывшее проснулось,
Если можешь – прости.

Мой нежный друг,
Часто слёзы роняю,
И с тоской я вспоминаю
Дни прошедшей любви.

Я жду тебя, как прежде,
Но не будь таким жестоким,
Мой нежный друг,
Если можешь, прости...»

ГОЛОС АВТОРА *(на фоне мелодии)*. А сама думала и вспоминала, и видела перед собой красную Кремлевскую стену. И лесные землянки, госпитали на Орловско-Курской дуге, где порою случалось выступать с Изабеллой Юрьевой, петь те же песни, романы русские, которые проникали людям в самую душу.

P.S. Сразу же после войны писателя Константина Симонова, признанного деятеля культуры, направили во Францию с особой миссией: склонить И.А. Бунина, некогда эмигрировавшего за границу, к возвращению на Родину. С ним была и его жена – актриса Валентина Серова.

И вот в Грасе Бунин перед ними. Он бросился сначала почему-то не к Константину, а к ней, Валентине Серовой,

обнял ее и начал читать на память стихи – те самые, ей, а не ему.

«**Жди меня**, и я вернусь,
Всем смертям на зло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять неждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой».

ГОЛОС АВТОРА. Сначала беседа была втроем. Потом вдвоем – с глазу на глаз, визави, тет-а-тет. Она не говорила ничего. Достала старую пластинку.

Песня. «**Чубчик**» (голос Петра Лещенко).

«Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый!
Развевайся, чубчик, по ветру!»
Раньше, чубчик, я тебя любила,
А теперь забыть я не могу.

Бывало, шапку наденешь на затылок
Пойдёшь гулять и днём, и вечером.
Из-под шапки чубчик так и вьётся,
Так и вьётся чубчик по ветру.
Пройдёт зима, настанет лето,
В саду деревья пышно расцветут,
А мне бедному да мальчонке
Цепями ручки-ножки закуют.

Но я Сибири не страшуся,
Сибирь ведь тоже Русская земля.
Ах, вейся, вейся, чубчик кучерявый,
Развевайся, чубчик, по ветру!»

Р.С. Умерла Валентина Серова в одиночестве. Муж покинул ее. Умерла она при странных обстоятельствах. Говорят, поставила пластинку и слушала последний романс Вадима Козина, записанный в Магадане.

ГОЛОС АВТОРА. Вот запись недавно с Радио России.
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. «Козин прекрасно играл на рояле. Запись романса «Твои глаза зеленые» – одна из последних записей, сделанных в Магадане».

«Твои глаза зеленые»

«Так хочется хоть раз
В последнее поверить,
Не все ли мне равно,
Что сбудется потом.
Любви нельзя понять,
Любви нельзя измерить,
Что там, на дне души,
Как в омуте речном.

Пусть эта глубь бездонная,
Пусть эта даль туманная
Сегодня нитью тонкою
Связала нас сама.
Твои глаза зеленые,
Твои слова обманные,
И эта песня звонкая
Свели меня с ума.

Не надо никаких
О прошлом сожалений.
Такого все равно
С тобою не дано.
Но хочется еще,
Хоть на одно мгновенье,
В бездонность твоих глаз
Еще раз заглянуть.

Пусть эта глубь бездонная,
Пусть эта даль туманная
Сегодня нитью тонкою
Связала нас сама.
Твои глаза зеленые,
Твои глаза обманные,
И эта песня звонкая
Меня свела с ума».

ГОЛОС АВТОРА. Говорят, Константин Симонов просил тело его после смерти развеять пеплом над Белоруссией, где был пик его поэтического взлета. Где написал он свои знаменитые стихи о любви «Жди меня».

Р.С. А 5 августа 2006 г., в моем Малом городе Малоархангельске, когда в день Освобождения Орловщины, установили Мемориальный Танк с Вечным огнем, телевизионщики спросили меня:

– Как вы думаете, почему мы победили тогда в такой страшной войне?

Я ответил: – Во-первых, мы были у себя дома. А во-вторых и, может, самое главное: для меня лично «оттепель» была не как у всех в шестидесятые, а тут и тогда, летом 43-го, когда всюду звучали полузапрещенные песни, романсы,

а в репродукторы гремели, читались стихи из «Василия Теркина». Пели Изабелла Юрьева, Лев Лещенко, Вадим Козин, наши солдаты, офицеры шли с улыбкой на смерть с этой музыкой, с песнями, с поэтическим словом в груди!

Слава Слову Любви!

Занавес.

*27 марта 2005г. –
21 ноября 2008 г.,
г. Орел, Россия*

КУРСКИЕ СОЛОВЬИ

Концерт-шоу. Музыкально-лирическая новелла
Одноактная мелодрама.

*Памяти моих друзей-скульпторов
Вячеслава Клыкова и Валентина Чухаркина*

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Это моим друзьям с молодости, с Курска, когда мы были еще студентами. Это мой своеобразный памятник им, который они собирались поставить мне как скульпторы, а теперь вот ставлю им я.

Светлой памяти их – этот концерт,
Эта музыкально-лирическая мелодрама.

Мелодия. Блантер. «Одна снежинка».

Поет Наталья Ветлицкая.

«...Одна снежинка ещё не снег, ещё не снег,

Одна дождинка ещё не дождь.

Когда-нибудь, но не теперь

Придёт любовь, чтоб стать судьбою.

Придёт как ливень, как метель,

Всё заслонив вокруг собою.

Может, ты на свете лучше всех,

Только это сразу не поймёшь.

Одна снежинка ещё не снег, ещё не снег,

Одна дождинка ещё не дождь».

ГОЛОС АВТОРА *(на фоне ее)*. Мы познакомились с ними еще в студенческие годы, во время переписки населения, когда они жили в Курске, на площади Перекальского, что у мединститута. Они были с одной маленькой станции Мармыжи, я – с малого городка Малоархангельска, все трое мы – с серединой Руси. Кто же знал тогда, что они, подобно Ломоносову и Шубину,

академикам с одной деревушечки, что на острове Денисовском, на северной Двине, под архангельскими Холмогорами, прогремят, станут затем художественным выражением России?

Коренная пустынь, Свобода – вот где пропели они свою лебединую песню. Святое место Руси. Это война и мир – памятник погибшим солдатам в Золотухино, что тут же, у Коренной, работа скульптора Валентина Чухаркина, и памятник Серафиму Саровскому в самой Коренной, рядом со штабом Рокоссовского – работа Вячеслава Клыкова. И эта песня о снежинке курянина Матвея Блантера – одна их самых любимых их песен.

Какая чистота! Как поет Наталья Ветлицкая! Их душа и моя тут вместе. А ведь когда-то «Снежинку» согнали с большого экрана. Но она продолжала звучать на «Маяке», в сердцах, вела домой корабли, самолеты, всех страждущих на небе и на земле.

«Одна снежинка еще не снѣг, еще не снег», белая, белая Русь...

Слушаю «Снежинку», и они передо мной, как живые.

МОЙ ГОЛОС. А – а – а ...

Мелодия из «Одинокого пастуха».

Картина первая

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии из «Одинокого пастуха»).

Пою под эту мелодию.

Курские соловьи. «Поэзия такая уж страна. Гляжу в портреты – в полотно, багеты. Из красоты любовь извлечена и вновь возвращена на холст, в сонеты.

То вынырнет из «персика» Серов,
А то Серов опять уходит в массы.
Белеют краски. Музыка без слов,
Отцы – гробокопатели из сказки».

МОЙ ГОЛОС. Как беднеем мы, когда уходят друзья!

«Неоднозначны Истина, Добро,
Не те уж числа, музыка не та.
А все-таки как все это старо,
Что мир спасет опять же Красота.
Любовь пройдет через квартет стихий,
И совершатся новые грехи».
Курские соловьи!

МОЙ ГОЛОС. Пою а'капелльно. А – а – а...

Все трое мы – дети войны. Эхо огненной Орловско-Курской дуги.

*Мелодия. Щелкают соловьи. «Очарование сада»
А.Рубинштейна.*

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). И далее стихи и песни, что любили они, слышали от солдат, брали из недр народных, нашей культуры и, вдохновясь, пели порой вместе со мной.

Слова мои, положенные на музыку моей души.
Слушайте меня, други.

Курские соловьи!

«Качнув фестонем траурного платья,
Вновь женщина Асфоделонским лугом
Прошла, ушла в восторги и объятья
К тому, кого любила, кто был дружен.

Мифическое лезет и воочию
Из всех красот и ужасов, высот.
Двойник мой Брейгель ужас в ключья рвет.
А Леонардо собирает ключья.

Мозаика, как муза, праздник света.
По палисадам ярмарка цветов.
Тебе слагать венки всегда готов,
Все галереи мира для поэта.
Святые звуки, запахи левкоев,
Свободная любовь со сломанной рукой».

* * *

«Вечерние огни. Сквозь горечь дыма,
За каждым дымом окаянство лет.
Ты не поэт, она не ходит мимо,
Та женщина, которой еще нет».

Ритмы, ритмы, мелодия и сквозь нее

ГОЛОС АВТОРА. Как беднеем мы, когда уходят друзья.
Музыка одинокой души, из «Одинокого пастуха».

«Все трио, как КИО, не просто химера,
И жизнь уж не та, и натура не та.
Поэзия – это сбылось не сбылось
У самого пламени звезд».

А вот, наконец, и сонеты Шекспира, положенные на
музыку моей души.

Шекспир. «Сонет №14»

«Я не по звездам о судьбе гадаю.
И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
К чуме, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой иль летом календарь.
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.

Но вижу я в своих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,

Когда продлишь в потомках жизнь свою.
Но, если нет, под гробовой плитою
Исчезнет правда вместе с красою».

ГОЛОС АВТОРА. Этот шекспировский сонет пел я для
обоих – для Валентина и Вячеслава. А далее читаю и пою
специально для Валентина Александровича Чухаркина.

«В Орле я – курский соловей,
А в Курске я – Орел».

Георгий Свиридов. Марш из пушкинской «Метели».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне его). Мои стихи «Старый
рынок».

«Мы – поэты с реки, вроде как моряки.
Заштормило нас всех, закачало.
Уж не помню когда, ел я те шашлыки,
Спал под крышей, а не у причала.

Но как только весна, только вздрогнет блесна,
Вижу, солнце в реке заиграло.
Так и рвутся стихи, раздуваю мехи,
Открываю, как рыцарь, забрало.

Я в ударах судьбы слышу голос трубы,
Я от гимнов былых задыхаюсь.
И, как старый солдат, погибая сто крат,
Со щита во весь рост поднимаюсь».

ГОЛОС АВТОРА. Моя авторская песня.

«Песня про подлодку».

*Памяти погибшего экипажа
подводного атомохода «Курск».*

Эту песню я пел Валентину Александровичу в Москве, в его квартире. Он встал навытяжку, стоял со слезами на глазах.

«Пепел подлодки стучит в мое сердце,
Павшие листья летят в облака.
В северном море, – а некуда деться, –
Ком шелестящий сжимает рука.

Павшие листья, – а некуда деться, –
В курских местах уж отпел соловей.
В северном море на дне мое сердце,
Стуки все глуше, а души живей.

Как на ладони, по линиям жизни
Пепел подлодки стучит и стучит.
Русские мальчики – дети Отчизны.
Лист, зацепясь, одиноко висит.

В северном море не обогреться,
В волнах крутых коченеет страна.
Где-то на дне там лежит мое сердце,
Павшие листья уносит волна».

ГОЛОСАВТОРА. И вдруг Валентин как-то подтянулся, встал по-особому и запел песню из тех еще, военных лет. Я показываю это голосом Марка Бернеса.

Н. Богословский. «Темная ночь».

«Темная ночь. Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кровати тайком
Ты слезу утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами.
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня,
Что б со мной ни случилось.

Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в
степи.

Вот и сейчас надо мною она кружится.
Ты меня ждешь и у детской кровати не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится».

ГОЛОС АВТОРА. А потом он обнял меня и попросил
спеть мою песню на слова Николая Рубцова, положенные
на музыку моей души «Видения на холме».

Так и стояли мы, обнявшись, и пели вдвоем, представьте
себе, эту песню. «Россия, Русь, спаси себя, спаси»...

Николай Рубцов. «Видения на холме»

«Взбегу на холм и упаду в траву,
И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора,
Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя.

Россия, Русь, куда я ни взгляну,
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы.

Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя.
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек до вечного покоя.

Россия, Русь, храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

Заржет табун, и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье.
И надо мной бессмертных звезд Руси
Спокойных звезд безбрежное мерцанье».

ГОЛОС АВТОРА. А потом Валентин и говорит. «Спой что-нибудь один-то. Ну, например, из Есенина «Письмо женщине» или «Просто песню». Есенин-то вроде твой крестный отец».

– «Да, – говорю, – он позвал меня в поэзию. Еще в четвертом классе школы, когда я прочитал его стихи. Попался сборник в руки после войны, прочитал я и задохнулся от чувств. А потом, оказалось, он был одногодок моего отца натурального».

Ну что спеть? Вот. «Просто песня». Слова есенинские на мелодию, вырвавшуюся из души моей, музыки моего сердца».

С.Есенин. «Просто песня»

«Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.
Цвела забубенная, росла ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы, боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.
Как случилось, стало, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте, мне кажется, обнимаю милую.
За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю, милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая!
Как гитара старая и как песня новая.
С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха!
Все равно любимая ответит черемухой.
Я отцвел, не знаю где: в пьянстве, что ли, в славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.
Эх, раз, еще раз, еще много-много раз!

Песня панихидная по моей головушке».

ГОЛОС АВТОРА. И тут включил Валентин радио, и что мы слышим? Голос композитора Лидии Пантелеевой: «Говорит Москва. «Разучим песню» – такая передача была. Даже не говорили, чья это песня. Просто сначала шла музыка, а потом говорили: берите карандаш, сейчас запишем первый куплет и второй...»

Музыка. Оркестр, первые ритмы.

А Я ГОВОРЮ. «Катюша».

ВАЛЕНТИН. Матвей Блантер тоже курянин, курский соловей.

ЛИЛИЯ ПАНТЕЛЕЕВА (*запевая*). «Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой».

ВАЛЕНТИН. Всемирно известная песня.

ИОСИФ КОБЗОН (*в глубине транзистора*). Сводный хор имени Матвея Блантера.

ХОР. Песня Блантера «Катюша»

«Выходила, песню заводила
Про степного, сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед!
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой!»

ГОЛОС АВТОРА. И тут, в другой раз уж, в дверях скульптурной мастерской Вали Чухаркина, что в Москве на улице Пятницкой, а Пятницкая за Каменным мостом, а мостэтотза Василием Блаженным, ну так вот, появляется, в общем, Слава Клыков со своим другом, со своей улицы Мещанской, где у него была тогда мастерская. Пришли играть сюда к нам в бильярд. Услышал он эту песню и говорит:

– Наша, курская.

А я говорю (*улыбаясь*):

– Наша, русская.

СЛАВА КЛЫКОВ (*обращаясь ко мне*). А знаешь еще что-нибудь... из военного репертуара?

А Я И ГОВОРЮ ЕМУ: «Соловьи» Фатьянова. Помню, приехала к нам в Орел жена Алексея Фатьянова Галина Николаевна. У нас в Орле как раз отмечали 50-летие Освобождения. Вот пришла она к нам в Союз писателей, что на Дворянском гнезде. А я чуть припоздал, был в редакции газеты, где как раз напечатали «Слово о полку Игореве» в моем переводе с древнерусского.

Ну, писатели и говорят мне:

– Скажи ей слово.

И вспомнилось мне прошлое. Октябрь 41-го. Когда покидали наши Малоархангельск, тяжело было: на кого покидаете? Весь наш Малоархангельск, всех жителей. А вернулись 23-го февраля 43-го войны – сибиряки, с новенькими автоматами, в шапках-ушанках и с песнями Алексея Фатьянова. И запел я для Галины Николаевны фатьяновских «Соловьев». А Рафаил Аюпов с девятиструнной гитарой, был тогда с ней, стал мне аккомпанировать, перебирая струны.

«Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят.

И к нам на фронт пришла весна,

Солдатам стало не до сна,

Не потому, что пушки бьют,

А потому, что вновь поют,

Забыв, что здесь идут бои,

Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят».

ГОЛОС АВТОРА. И Галина Николаевна подбежала ко мне и в каком-то порыве поцеловала меня. И это высшая награда была для меня!

Поэт Алексей Фатьянов уходил на войну из Орла, будучи руководителем ансамбля песни Орловского военного округа.

Вот Вячеслав Клыков и говорит мне:

– Спой что-нибудь свое из Николая Рубцова.

А я думаю: «Видение на холме» я уже спел.

Вот. «Ферапонтово».

Тоже слова Рубцова и тоже положены на музыку моей души.

«В потемневших лучах горизонта.
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.

И однажды возникла из грезы,
Из молящейся этой души,
Как вода, как трава, как березы,
Диво дивное в русской глуши.

И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель.

Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле.
И казалась мне эта деревня
Чем самым святым на земле».

ГОЛОС АВТОРА. А я только что приехал из алтайских Сросток – родины Шукшина. И привез привет Клыкову от матери Василия Шукшина – от Марии Сергеевны. Как раз год исполнился после кончины ее сына. И, надо же, совпадение такое, говорю, знаю этого скульптора в Москве – Славу Клыкова, который собирался делать ее сыну надгробье на Новодевичьем кладбище. И вот я собирался с приветом матери туда, на Мещанскую, в клыковскую мастерскую, а тут и он сам сюда.

ВЯЧЕСЛАВ КЛЫКОВ. Ну, и из Есенина спой что-нибудь.

ГОЛОС АВТОРА. А что? Ну хоть эту вот. «**Письмо к женщине**» (тоже слова Сергея Есенина, положенные на музыку моей души).

«Вы помните, вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене.
Взволнованно ходили вы по комнате,
И что-то резкое в лицо бросали мне.

Вы говорили, нам пора расстаться,
Что вас измучила моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел – катиться дальше, вниз.

Любимая! Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы, что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии...

Сегодня я в ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь я сообщить вам мчусь,
Каков я был и что со мною случилось.

Живите так, как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием, вас помнящий всегда,
Знакомый ваш Сергей Есенин».
ГОЛОС АВТОРУ (Клыкову). А ты-то, говорю,
помнишь?

СЛАВА КЛЫКОВ. Что помню?

ГОЛОС АВТОРА. Да как пел тогда, когда приехал
ставить памятник Бунину в Орле. У нас на квартире в
Орле, пел свою любимую – тоже Матвея Блантера на
слова Ильи Сельвинского «Кони – звери».

Картина вторая

ГОЛОС АВТОРА. Итак, Вячеслав Михайлович Клыков
показывается мной через голос Рената Ибрагимова,
который и поет песню Матвея Блантера на слова Ильи
Сельвинского «Кони – звери». Это одна из любимейших
песен Вячеслава Михайловича Клыкова.

«Эх вы, кони-звери!
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Да медвежий мех!

А глаза сияют,
Ласкою маня.
Не меня встречают,
Ищут не меня,

Только жгут без меры
Из-под темных дуг...
Гей, Чубарь мой серый,
Задушевный друг!

Эх, рыдать не стану,
В дурь не закучу,
Я тебя достану,
Я тебя умчу!

Припадешь устами,
Одуришь, как дым...
В полынью с конями
К черту угодим!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Вороной да Серый,
Да медвежий мех!

ГОЛОС АВТОРА (*заканчивая уже вдвоем с Ренатом Ибрагимовым*).

Черные да Серый,
Черные да Серый,
Да медвежий мех!»

ГОЛОС АВТОРА. А это, Валя, для тебя!

Сергей Есенин. «*Капли жемчужные*» (из кинофильма «Золотая голова на плахе»).

Пою я на фоне исполнения песни Николаем Басковым.

«Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других.
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы – чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищите что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых».

ГОЛОС АВТОРА. Далее из моей квинтологии в стихах на музыку **Матвея Блантера** в эпопее об **Александр Македонском**.

«Птолемей, вбегая в тронный зал:
– О царь! Фаланги выстроены, ждут.
Вся площадь замерла, вся тут.
Парад и смерть, смерть и парад!»

Александр надевает медленно все по порядку, как и вчера, перед главной битвой под Гавгамелами. Это блестящий железный шлем с драгоценными камнями на шейном щитке, доспехи сицилийской работы, гипиндиму с поясом, поверх двойной льняной панцирь, еще поверх – знаменитый пурпур от Геликона старшего – подарок жителей Родоса и к поясу прилагает меч – подарок царя китойцев, удивительно легкий и прекрасной закалки.

– Коня мне, Буцефала моего!

ГОЛОС СВЫШЕ. «Песня Александра Македонского» (под оркестр Николая Калининкова) на мои слова.

«Царь я, родился от нимба,
Сам же себе на беду.
Как я пошел от Олимпа,
Так все иду и иду.

Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять,
Голос души одинокой
Сон золотой навевать.

Сколько уже пережито,
Сколько еще пережить.
Сколько всего не забыто
И никогда не забыть.

Где-то родная Эллада,
Люди родные мои!
С детства любимая лада,
С гор снеговые ручьи!

Будет царю все открыто,
Под пирамидами стыть.
Вечно дельфийское жито
Раны твои тяготить.

Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять.
Голос души одинокой
Вещие сны навевать».

Дай твои нежные руки,
Ближе ко мне подойди.
Нет, не страшны нам разлуки
И расстоянья в пути.

Нежные, нежные руки,
Ближе ко мне подойди.
Нет, не страшны нам разлуки.
И ожиданья в пути».

ГОЛОС АВТОРА. Слава, и тебе царская тема не чужда. Раз, два, три ставид памятник Николаю II где-то под Москвой?..

И снова Александр Македонский.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Аравия. Войско Александра Македонского движется по раскаленной пустыне, песня летит на Персиядой.

Мелодия на песню **Матвея Блантера**. «Солнце скрылось за горою, затуманились речные перекаты»...

«ПАРМЕНИОН. От чего мы поем не свои, а вот, эти вот скифские песни?

ГРЕК. Оттого что твои и мои в персиянах тут неизвестны.

ПТОЛЕМЕЙ (*подъезжая на белом коне*). Оттого, оттого что они Александру Великому нравятся. Неизвестны слова их, пойми. Неизвестно откуда возьми. Неизвестно какие встречаются. А мелодии числа пронзают... Сфера муз где-то там, в небеси..

КАСАНДР (*подъезжая на черном коне*). Так ведь царских кровей. Боги хнают, на каких на кефарах играют и поют их, едва попроси.

Мелодия Блантера витает над головой.

АВТОР. Дождь ли грянет или выпадает град,
Или туча обманет, прямо в рот выльет яд.

Александр поет, подпекает.

ГОЛОС АВТОРА. И почему сейчас македонцами поются эти скифские песни, которые будут петься в будущем – князем Игорем, отправляющемся в поход со своим полком против половцев? А еще позже, в XX веке, даже в XXI веках новой эры, писателем – курянином Евгением Ивановичем Носовым со своими «Усвятскими шлемоносцами», отправляющимися в поход на Запад, когда ветры подули уж с Запада, и все – полки, и все – «шлемоносцы».

ГОЛОС АВТОРА. Александр Македонский перед главной битвой под Гавгамелами устроил состязание певцов. Глубокая, южная, звездная ночь. Летят скифские песни Матвея Блантера.

А мы сюда их приблизим, оттуда, из времен князя Игоря, когда он отправлялся со своим полком на половцев. И все полки, и все «шлемоносцы». Кстати, Валентин Чухаркин назвал своего сына Всеволодом. Очевидно, по имени князя курского Всеволода – участника похода против половцев, человека отчаянной смелости.

Вот как это показано в моем переводе «Слова о полку Игореве». Слушай, Всеволод, князь!

«О Русская земля! Ты уже за холмом, за холмом».

Мелодия. Гитара, Гойя.

ГОЛОС АВТОРА. «Слово о полку Игореве» – поэтическое переложение и Боянова музыка, Бояново исполнение Леонарда Золотарева.

Поется а'капелла, под мой речитатив.

«А мои куряне – буйны воины
Под огнем да трубами повиты.

Крепко сшиты, коли ладно скроены,
Под шеломом холены и биты.
Вскормлены с конца копья и вспоены,
Им пути неясны открыты.
И овраги знаемы, освоены,
Луки их натянуты, сердиты.
А колчаны полные отворены,
Сабли их отточены, изострены.
Кровью закаленные и горями
На носу у половцев, на росстани.
Сами скачут серым волком в поле,
Мнут копытом ковыли и травы.
Ищут буйны туры себе воли,
Князю своему добра и славы».

«Плач Ярославны».

Поется а'капельно, под мой речитатив.

«До Дуная голос долетает,
Что кукушка, бедная, кукует:
– Полечу на крыльях по Дунаю,
Шелковые руки омочу я
В той реке неласковой Каяле.
Я утру ему кровавы раны
На могучем теле в краснотале.
До Дуная голос долетает».

Ярославна громко плачет,
В Путивле, на городской стене, причитая:
– О ветер, ветрило! Зачем ты дуешь иначе,
Зачем ты вешь стрелы их, не считая,
Против воинов моего мужа? Послушай,
Разве мало тебе под облаками реять,
На синем море корабли лелеять?

Зачем же ты, господин, все умея,
По ковылям моего ладу извевял?

Ярославна громко плачет,
В Путивле – на городской стене – причитая:
О Днепр Славутич! Ты пробил горы байбачьи,
В земли половецкие, их величая.
Это ты лелеял корабли Святославы
До самого стана Кобяка,
Чтоб не слать мне слез моих издалика
В синем море.

Ярославна громко плачет,
В Путивле, на городской стене – причитая:
– О трижды светлое солнце, нет щедрее тебя, нет богаче!
Ну зачем ты, владыко, простерло лучи свои
Против воинов моего мужа, послушай!
Зачем в поле безводном жаром у них луки скрутило,
Колчаны со стрелами горем заткнуло.
Так помоги, помоги же, владыко, дай мне силы!
Верни ладу моего из степей, из отгула!
Ой, да моего Игоря Святославича!»
ГОЛОС АВТОРА.

«На безымянной высоте»

(слова Матусовского, музыка Баснера).

«Светилась роща под горою
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте...»

ГОЛОС АВТОРА *(на фоне песни)*.

А нас, участников Тульского семинара молодых писателей, оставалось двое только – я и Вася Белокрылов из Воронежа, которых взяли к себе в автобус Евгений Иванович Носов и его фронтовой друг Астафьев Виктор Петрович. Вместе с Петей Сальниковым – тульским секретарем тогдашним, и ехали мы тогда на Куликово поле. И пели эту песню. Я слушаю сейчас эту песню и вижу те лица – Евгения Ивановича и Виктора Петровича, и Петю Сальникова. И сердце щемит...

«У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.
Мне часто снятся те ребята,
Друзья моих военных дней.
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте.
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте».

ГОЛОС АВТОРА. И вот представим себе такую картину в нашей общей «машине времени». Как и тогда, при Александре Македонском, перед битвой под Гавгамелами состязались два певца Скиф и Грек, так вроде бы и у нас сейчас парами мы: Евгений Иванович Носов и Виктор Петрович Астафьев, Валентин Александрович Чухаркин и Клыков Вячеслав Михайлович, я -- ваш покорный слуга и Садовский Виктор Федорович, который недавно вернулся из поездки по Соединенным Штатам Америки, был там пять лет, 33 штата объехал с баяном, пропагандируя нашу русскую песню.

Так вот, представим себе, что мы поем песни Матвея Блантера тут, в Коренной пустыне, на этом высоком, красивом, намоленном месте Руси. Прямо перед нами, чуть левее, – храм Казанской божьей матери, защитницы Руси. Справа – штаб Рокоссовского, защитника нашей страны. А прямо перед нами – зеленые поля, кажется, до самой Америки.

Мелодия. «Машина времени» и пространств.

Оркестр Рея Кониффа. «Зеленые поля». Эммили Дикинсон, США.

ГОЛОС АВТОРА (*читая*).

«Если сердцу, хоть одному,
Не позволю разбиться,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Запевая под мелодию Кониффа. Под распев «Зеленых полей».

Если ношу на плечи возьму,
Чтобы кто-нибудь мог распрямиться,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Если ношу на плечи возьму,
Чтобы кто-нибудь мог распрямиться,
Боль хоть одну уйму,
Одной замерзающей птице
Верну частицу тепла,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила».

Последние звуки, последние аккорды в этих «Зеленых полях».

ГОЛОС АВТОРА. Да, вот они рядом – храм Казанской божьей матери, штаб Рокоссовского – защитников Руси. Отсюда, кажется, видать и мой Малоархангельск, где было самое пекло, жуткая битва, кровавое месиво на Орловско-Курской дуге. Подвиг народа в самом сердце Руси, отсюда уже – от Оки, от истока ее – шаги только на Запад и ни шагу назад. В свое время хан Батый сказал о Козельске: «зело крепок орешек». Малоархангельск – фронтовой городок, стратегическое направление, подвиг народов – подвиг Руси. Малых подвигов не бывает.

«Avia Maria» – песня богов.

Поет Хемпердинк.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне). «Богатырская песня»
(мои стихи).

«Жили в России, поле косили,
Русскую речь берегли.
Грянули оргии – черные вороны
И до истоков дошли.

Малоархангельск, Малоархангельск
Встал за Россию горой.
Малый Архангельск, Малый Архангельск –
Малый наш город – герой.

Встали свободные силы народные,
Люди великой страны.
Центром мы были, врага били
В самом горниле войны.

Семь километров огненных ветров,
Подвига наших солдат,
Где нас обагрjali, семь месяцев брали,
Да так и не взяли
Малый наш Сталинград!..

Мелодия. «Ave Maria»

Тут, на высотах, сражались они.
В центре Железной дуги.
Их имена в сердце храни,
Их имена береги.

Здесь был войны той апофеоз,
Здесь погибали тогда.
Их, молодых, хоронили без слез
В шепотах русских берез».

Мелодия. «Ave Maria»

«Сабуровское поле у высот,
На подступах к Малоархангельску.
Тут птицы останавливают лёт,
Когда летят, кричат над ним по-ангельски.
Тут тысячи легли в одной атаке,
Смертельная их жатва догнала.
И алые сабуровские маки
Весною встали, где она была.
Один цветок – загубленная жизнь,
Стеной соборной размахнулось поле...»

Прохоровка, Бородино, Поле Куликово. А кто знает Сабуровское поле – четвертое поле Руси? Где посланные в бой почти без оружия, молодежь в основном, хлеборобы – из «штрафной» армии Рокоссовского, брошенные на

убой, легли на каком-то десятке гектаров – сразу десять тысяч...

Впечатления детства. Малоархангельск, во дворе старой школы. Сюда нагрянул сразу же командующий Центральным фронтом Рокоссовский. Как распекал он своих генералов. И все это в стихах моих о том жутком событии.

«Китель Рокоссовского»

«Все говорят, мир из идей.

Крутится шарик, неистов.

«Филипп» с латыни – любящий лошадей,

А Рокоссовский когда-то был кавалеристом».

ГОЛОС АВТОРА.

Песни Матвея Блантера

«Кони – звери», «Где ж вы, очи карие» – поет Ринат Ибрагимов.

М.Исаковский. «Пшеница золотая». Поем мы с Алибеком Днишевым.

«Черноглазая казачка». Поет Елена Максимова.

ГОЛОС АВТОРА. Проезжаешь на юг от Орла, как раз меж Орлом и Курском тут в степи и Малоархангельск, самое пекло Орловско-Курской дуги. А далее, на станции Свобода, направо (если на юг ехать) равнение держи – в каких-нибудь пяти километрах Коренная, памятник Серафиму Саровскому – стоит, распростер руки над нами, осиянный нимбом. Поезда идут, и он благословляет нас на жизнь – Серафим Саровский, Свобода, Коренная пустынь.

И возникает новая мелодия. Поет Иосиф Кобзон.

«Коней обгоняя на трактах почтовых,
Все путники пели тогда:
«Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким окажется путь.
Давай-ка, ямщик, потихонечку трогай
И песню с собой не забудь!»»

И, как с неба падает, эта «Снежинка» в исполнении
Натальи Ветлицкой.

«...Когда-нибудь, но не теперь
Придёт любовь, чтоб стать судьбою.
Придёт, как ливень, как метель,
Всё заслонив вокруг собою.

Может, ты на свете лучше всех,
Только это сразу не поймёшь.
Одна снежинка – ещё не снег, ещё не снег,
Одна дождинка – ещё не дождь».

Конец.

*20 ноября 2006 г.,
г. Орел.*

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ (Песни о Москве)

Концерт – шоу. Музыкально-лирическая новелла.
Одноактная драма.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА. В главном телепроекте года 2008-го «Имя России» об Александре Втором – Освободителе сказали, что он был последним из руководителей страны всех времен, кто был «москвичом», то есть родился в Москве. Заметим, после 17-года ни один не родился в столице, все на «трон» приходили извне. Значит, Москва что – потеряла свою энергетику? Перечислим издревле столицы Руси: первая – это Славен, Господин Великий Новгород, затем Киев – «мать городов русских», Владимир, Москва, Санкт-Петербург, снова Москва. И теперь вот некое «двоевластие», Москва – столица и витиеватая «Северная Пальмира» с ее Конституционным Судом, Монетным двором, геральдическим комитетом – снова Санкт-Петербург...

Еще Хрущев хотел переместить столицу из Москвы куда-нибудь в провинцию. Слушок пускали, называя такие города, как Орел даже, снова Владимир, Горький – Нижний Новгород. И вот что на это я написал в своей эпопее – современном романе в стихах об Арсении Чигринева.

«Москва, Москва и символ твой Арбат.

Непоколеблен облик твой, при силе.

А сколько уж царей, цариц, царят

Столицу от тебя переносили?..

Помилуйте, веселые ребята!

С чего терпеть-то, отчего?..
Есть на Москве особенные двери,
Какие нас отбрасывают звери!..»

Так вот, «отбрасывало» сколько раз и меня. После смерти «Грозного» отпрыски «грозного» из-за отца на Соловках отбросили из МГУ и меня после Малоархангельской средней школы. А потом брали в МГУ даже в аспирантуру. Это раз... Два – после Тульского семинара прошел с рассказами по журналам в Москве, а с повести о штрафниках в Великой войне сняли «скальпель», после чего я и перестал туда в журналы им посылать. Зато и без них тут сколько всего наворочал – эпопеи в поэзии, прозе, драматургии...

И все же вкуса к Москве не потерял. Сколько всего написано о ней: «Москва – третий Рим» – четвертый роман из эпопеи в стихах, «Русь Христианская» и др. А это вот песни о Москве, сколько не своих поется, сколько самим написано. Дух московский во мне живет; понимаю, она лишь способна как говорится, держать в жмене Россию...

Вот кассета «Первопрестольная», вот из нее к ней одноактная драма, шоу-концерт.

Картина первая

ГОЛОС АВТОРА. А.С.Пушкин.

«Москва, как много в этом звуке

Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось.
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе.

Напрасно ждал Наполеон
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля...
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою».

Заметим, что Пушкин – коренной «москвич», родился именно в Москве.

Мелодия самой популярной песни о Москве многих десятилетий в XX веке «Подмосковные вечера».

ГОЛОС АВТОРА. Поет Владимир Трошин.

«Не слышны в саду даже шорохи.
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера».

ЮРИЙ ТРОШИН. Как я не пытался придумать какую-то песню, кроме «Подмосковных вечеров», чтобы сделать ее визитной карточкой, – не получилось.

ГОЛОС АВТОРА. А вот у Юрия Михайловича Лужкова – мэра Москвы – получилось. Помню, он пел на «Голубом огоньке» утесовскую песню:

«Только встанет над Москвою утро вешнее»...

И еще песня. Из кинофильма «Свинарка и пастух». Поют Марина Ладынина и Зельдин.

«И в какой стороне я не буду,
По какой ни пройду траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве».

И еще. Эта песня была услышана мной сразу после войны, почти в детстве (я был, наверно, в классе пятом, а девочка, что пела ее, наверно, из седьмого). Вот и я пою песню ту до сих пор.

«Золотая моя Москва».

Пою а'капельно, слова Лисянского и Аграняна.

«Я по свету немало хаживал,
Жил в окопах, в землянке, в тайге.
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

Но всегда я привык гордиться,
И везде повторял я слова:
«Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва».

Мы припомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков.
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев. Современный роман в стихах **«Арсений Чигринев»**. **О Москве, России (отрывки, из романа)**.

«О Пушкин наш! О Пушкинская площадь!
Что значит слово, русские слова.
Сюда, чтоб заявить о своей мощи,
Приходит несогласная Москва.

Нельзя тут врать, мельчить – про спортлото
И прочие сегодняшние темы.
Высказывая Пушкину все боли,
Москва гудит, с Россией схожа, что ли.

Москва, Москва! Под фонарями Пушкин.
Вам говорю, как видите, от всех.
На грани Русь! Не россиянин – русский!
До дна дошел наш русский человек!»

* * *

«Все может быть, все тут случайно.
Вдруг оборвется с миром связь,
И ты, Москва моя, печально
Опять уснешь, не наедясь.
То эти очереди кляли
За то, что ехали сюда.
А те в ответ: «Свое мы брали».
Везли отсюда и туда».

* * *

«Все тот же путь – в Москву и из Москвы.
Мы – серединные в столице чем-то странны.
Отсюда уезжаем, скажем, львы,
А возвращаемся – зализываем раны.
Уж тут инфаркты после, погода
У тех, кто навышу не зацепился.
«Земля родная, он сражался, бился,
Прими, утешь и смерда, и вождя!» –
Так думал наш Арсений спозаранку»...

* * *

Вот и сейчас в провинции орем:
«Все деньги здесь!..» Зато и храмы тоже.
А если так, то да поможет боже! –
Уж как-нибудь сие переживем».

* * *

«И Кремль стоит. И Спас к нему приник.
И золотом на целый мир сияет.
Люблю я солнце, утро, острый миг,
Когда луч первый купол озаряет.
Светись, Россия! Присно и вовеки!
Уж мы тебе поможем – человеки!
А за ценою мы не постоим,
Как это в гимнах нынешних поется,
На том стояли и на том стоим!
Люблю, Москва, тебя, твои колодцы –
Бездонные, во глубине веков,
Откуда пью и не могу напиться.
Вот надо же мне так в тебя влюбиться,
Не чувствуя, Москва, твоих оков.
«Великий град, тебя обожествляю!
Лишь ты, магнит, способен всю Россию
Держать, по-византийски освещая
Ее богоугодную миссию». –
Так думал мой герой,
А с ним и я.

ГОЛОС СВЫШЕ. Это песенка об Арбате.
Поэт Булат Окуджава.

«Ты течешь, как река,
Странное название.
И прозрачен асфальт,
Как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат!
Ты мое призвание,
Ты и радость моя, и моя беда.
Пешеходы твои – люди невеликие.
Каблуками стучат, по делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат!
Ты – моя религия,
Мостовые твои подо мной лежат.
От любви твоей вовсе не излечишься,
Сорок тысяч других мостовых любя.
Ах, Арбат, мой Арбат,
Ты мое Отечество,
Никогда до конца не пройти тебя».

Мелодия. Ансамбль русской песни Надежды Бабкиной.

«Москва златоглавая. Звон колоколов!
Царь-пушка державная!
Аромат пирогов.
Конфетки-бараночки,
Словно лебеди, саночки.
Ой, вы кони залетные,
Слышен крик ямщика!
Гимназистки румянные,
От мороза чуть пьяные
Грациозно сбивают
Рыхлый снег с каблучка
Трам-тарай-рам...»

«Помню тройку удалую,
Вспышки дальних зарниц,
Твои плечи усталые,
Пряди длинных ресниц.
Все прошло, все умчалось
В невозвратную даль.
Ничего не осталось,
Лишь тоска да печаль.
Конфетки-бараночки,
Словно лебеди, саночки.
Ой вы, кони залетные!
Рыхлый снег с каблучка.
Гимназистки румяные.
От мороза все пьяные,
Грациозно сбивают
Рыхлый снег с каблучка.
Трам-тарай-рам»...

ГОЛОС АВТОРА. Поет Леонард Золотарев. «Поручик Голицын».

«Четвертые сутки пылают станицы,
Горит под ногами донская земля.
Не падайте духом, поручик Голицын!
Корнет Оболенский, налейте вина!

Мелькают Арбатом знакомые лица,
С аллеи цыганки заходят в дома.
Подайте бокалы, поручик Голицын!
Корнет Оболенский, налейте вина!

А где-то уж кони проносятся к яру.
Ну что грустили, мой юный корнет?
А в комнатах наших сидят комиссары
И девочек наших ведут в кабинет.

Над Доном угрюмым идем эскадроном,
На бой вдохновляет Россия-страна.
Раздайте патроны, поручик Голицын!
Корнет Оболенский, надеть ордена!

Ах, русское солнце, великое солнце!
Корабль-император застыл, как стрела.
Поручик Голицын, а может вернемся?
Зачем нам, поручик, чужая страна?»

ГОЛОС АВТОРА. «Графиня» (поем мы с Михаилом Шуфутинским).

Именно с этой песни и началась эта новая эра песен моих и кассет.

«Не пишите мне писем, дорогая графиня,
Для сурового часа письма слишком нежны.
Я и так сберегу ваше светлое имя,
Как ромашку от пули на поле войны.

Пусть в безумной России
Не найти мне приюта,
И в крови захлебнулись луга и поля,
Но осталась минута, нашей боли минута,
Чтоб проститься с отчизной с борта корабля.

Не хочу пропадать я в Истамбуле турецком
Без любви и без крова, орденов и погон.
Ах, Россия, поверьте наболевшему сердцу,
Я и в вас, и в Россию был страстно влюблен!»

Не пишите, графиня, нет в живых адресата.
Упустили Россию, как сквозь пальцы песок.
Ах, Россия, Россия! Разве ты виновата,
Что пускаю я пулю в поседевший висок!»

ГОЛОС АВТОРА. Олег Газманов. «Офицеры».

(Поем мы с Олегом)

«Господа офицеры! По натянутым нервам
Я аккордами веры эту песню пою.
Тем, кто, бросив карьеру, живота не жалея,
Свою грудь подставляет за Россию свою.

Тем, кто выжил в Афгане, свою честь не изгадив,
Кто карьеры не делал от солдатских кровей.
Я пою офицерам, матерей пожалевшим,
Возвратив им обратно живых сыновей.

Офицеры, офицеры! Ваше сердце под прицелом.
За Россию и свободу до конца.
Офицеры, россияне! Пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца.

Господа офицеры! Как сберечь вашу веру.
На разрытых могилах ваши души хрипят.
Что ж мы, братцы, наделали, не смогли уберечь их.
И теперь они вечно в глаза нам глядят.

И уходят ребята, растворяясь в закатах,
Позвала их Россия, как, бывало, не раз.
И опять вы уходите, может, прямо на небо
И откуда-то сверху прощаете нас.
Так куда ж вы уходите, может, прямо на небо.
И откуда-то сверху прощаете нас.

Офицеры, офицеры! Ваше сердце под прицелом.
За Россию и свободу до конца.
Офицеры, россияне! Пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца».

ГОЛОС АВТОРА. Матери я показал эту песню. Она сказала: «Леонард, всегда будут петь ее, она бессмертна – эта песня. И ты поешь ее так... аж дрожит мое материнское сердце». А я скажу вот что. Олег Газманов написал великую песню. О традициях еще дворянского офицерства, еще от декабристов идущую. Вот у Нади муж на Кавказе сейчас: молодой, заболел, а его держат, чтобы он получал хоть какую-то сносную жизнь. А сейчас, в связи с буржуазными новациями, сократят, конечно. На пенсию отправят. Но он же больной. На пенсию идти ему – это идти на смерть. И все равно, Леонард! Пиши и пой именно такие высокие, биоэнергические песни! Не шоу, не показуху лепи! Вот положил я свои песни на ноты, вышла книжка – хорошие песни, однако увидел: есть еще куда прибавить – энергии, духа, человечности. Если боги вложили в сердце огонь... Композиторско-музыкальный талант – это еще реже, может, даже нужнее для поднятия духа людям, чем что-то другое, чем просто талант... Пой, пой, Леонард! И сам грейся у своего «камелька»...

ГОЛОС АВТОРА. **«Верю, надеюсь».**

Президентский оркестр, дирижер Овсянников, с солистом Николаем Басковым.

«Мы были вместе, сияло небо.
Твои ладони дрогнули в первый раз.
Таким счастливым я раньше не был.
Мечтой недолгой мир этот смотрел на нас.

Солнце из дня стелется в душах,
Не исчезай, не надо, не надо,
Не исчезай! Верю, надеюсь!..
Верю, надеюсь! На чудо снова уповаю...»

ГОЛОС АВТОРА *(на фоне мелодии)*.

Леонард Золотарев. Стихи «**Иван Калита**».

«Всю жизнь собирал князь московский деньжонки.
Весь век крохоборил – в мешок их, в поддон.
Потом, от греха, поцелуй иконки
И, глядь, в Золотую Орду на поклон.

Червонец с торговли, рублишко со смерда,
Копейка с лохмотьев, алтын на крови.
Слова ему в спину: «Русь – матушку предал!»
Всю сдюжить, все стерпишь во имя любви.

Последний семишник, последнюю гривну.
Кусок от себя оторвешь, недоешь.
А он от жены утаит половину,
В казне залатает державную брешь,

От глаза в сторонке прикупит землицы,
Княжат густопсовых приблизит деньгой.
И вот до Орды протянулись границы,
И хану уж надо считаться с Москвой.

Известно, какая сегодня погода:
И дождь бесконечен, и все суета.
И как тут не вспомнится щедрость народа
И наш собиратель Иван Калита!»

ГОЛОС АВТОРА. Михаил Юрьевич Лермонтов. Из
«Бородино»

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были схватки боевые,
Да, говорят, еще какие.
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина».

ГОЛОС АВТОРА. Соколов. Стихотворение «Он» (О
Наполеоне в Москве).

«Кипел, горел пожар московский.
Дым расстилался по реке.
На высоте стены кремлевской
Стоял он в сером сюртуке.

Он видел огненное море
Впервые, полный мрачных дум,
Он в первый раз постигнул горе,
И содрогнулся гордый ум!

Ему мечтался остров дикий,
Он видел гибель впереди.
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди.

И погрузился он в мечтанья,
Свой взор на пламя устремил,
И тихим голосом страданья
Он сам себе проговорил:

«Судьба играет человеком;
Она, лукавая, всегда
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда.

И я, водивший за собою
Европу целую в цепях,
Теперь поникнул головою
На этих горестных стенах.

И вы, мной созванные гости,
И вы погибли среди снегов.
В полях истлеют ваши кости
Без погребенья и гробов.

Зачем я шел к тебе, Россия,
В твои глубокие снега?
Здесь о ступени роковые
Споткнулась дерзкая нога.

Твоя обширная столица-
Последний шаг мечты моей.
Она надежд моих гробница,
Погибшей славы мавзолеей».

ГОЛОС АВТОРА. «Не спят под Москвою березы,
В Париже каштаны не спят».

Игорь Крутой. Поет Михаил Шуфутинский. «**Пальма
да Майорка**».

«Утро неслышно ступает по крыше,
В доме своем, безмятежная, спишь ты,
Снам улыбаясь в рассветном блаженстве,
Самая лучшая в мире из женщин.

Пусть тебе приснится Пальма де Майорка,
В Каннах или в Ницце ласковый прибор.
Или в Подмосковье роща вдоль пригорка,
Только чтобы вместе были мы с тобой.

Дрогнув, твои распахнутся ресницы,
Радостно утро в глазах заискрится.
Губы проснутся и после разлуки,
Мир обнимая, раскинутся руки.

Пусть тебе приснится Пальма де Майорка,
В Каннах или в Ницце ласковый прибор.
Или в Подмосковье роща вдоль пригорка,
Только чтобы вместе были мы с тобой.

Знаю, что скоро в дали телефонной
Голос услышу мечтательно сонный.
«Здравствуй, – ты скажешь. – Какая беспечность,
Так разлучаться на целую вечность».

Пусть тебе приснится Пальма де Майорка,
В Каннах или в Ницце ласковый прибор.
Или в Подмосковье роща вдоль пригорка,
Только чтобы вместе были мы с тобой».
ГОЛОС АВТОРА. Георгий Свиридов. Марш, романс
из «Метели».

Картина вторая

Георгий Свиридов. Марш, вальс из «Метели».
ГОЛОС АВТОРА. Георгий Свиридов родом из курского
Фатежа.

ГОЛОС АВТОРА. **Леонард Золотарев.** Стихи.

«Где солнце всходит, где оно садится,
С Востока – утро, а на Запад – ночь.
На Севере Москва у нас, столица.
Наш третий Рим, четвертый, пятый – прочь!»

«Я в ударах судьбы
Слышу голос трубы,
Я от гимнов былых задыхаюсь.
И как старый солдат,
Погибая сто крат,
Со щита во весь рост поднимаюсь».

ГОЛОС АВТОРА. **Попурри.** Пою а' капелльно.

«От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной родины своей.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек».

* * *

«Когда идешь по Подмоскovie,ю,
Где с ветром шепчется трава,
Цветы роняют мне с любовью
Свои заветные слова.
Россия, Россия,
Россия – милые края.
Россия, Россия,
Россия – родина моя».

ГОЛОС АВТОРА. Поет Ирина Понаровская.
«Таганка».

«Опять пред картами дорога дальняя,
Дорога дальняя, казённый дом.
Быть может, старая тюрьма центральная
Меня, парнишечку, а дома ждёт.

Таганка, все ночи полные огня!
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Родная, милая, больше не встретимся.
А сроки разные нам суждены.
Опять по пятницам пойдут свидания
И слёзы горькие моей родни.

Таганка, все ночи полные огня!
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой навеки арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.
Таганка... Таганка...»

И сразу же, без перехода. Поет Пресняков.

«А ночь кончается, фонарь качается,
Фонарь качается в ночную мглу.
А я несчастная торговка частная
Стою и бублики здесь продаю.

Купите бублики, горячи бублики,
Купите бублики, горячи бублики!
За эти бублики кладите рублики,
Да поскорей!
Что для республики всего милей!

Отец мой пьяница
За рюмкой тянется,
А мать уборщица, –
Какой позор!
Сестра гулящая –
Б... настоящая,
А братик маленький –
Карманный вор.
Купите бублики, горячи бублики,
Купите бублики, да поскорей!
Меня, несчастную, торговку частную.
С домашней утварью ты пожалей!»

ГОЛОС АВТОРА (без перехода). Сергей Есенин. «Я –
московский озорной гуляка».

«Я московский озорной гуляка,
По всему тверскому околотку,
В переулке каждая собака
Знает мою легкую походку».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне). Поет Алекс-шоу.

Сергей Есенин.

«Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

...Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым»...

ГИТАРА. Ритмы «Русского».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Леонард Золотарев.

**«Творя живое слово весям,
Тут, в разногравии своем,
Мы – шум дубрав, мы – кладезь песен,
Тут мы и плачем, и поем.
Орел мой – в сердце у России,
В Москве на гербе отчем свой.
Уж пятый век, а все красивей
Мой город русский, корневой».**

ГОЛОС АВТОРА (на фоне гитары). Слова авторов,
положенные на музыку моей души.

Глеб Горбовский, Владимир Костров.

Сам же и пою а' капелла.

Глеб Горбовский. «Художник рисовал Москву»

«Художник рисовал Москву.
Его мольбертик колченогий,
Напоминавшая траву его борода, —
Были столь убоги,
Что на бульваре малышня
О нем и та забыла вскоре.

«Художник, нарисуй меня
На этом сереньком заборе, —
Так я сказал ему. И он
Вдруг улыбнулся мне невольно:
— Я нарисую прежде звон,
Я нарисую прежде звон,
Я нарисую прежде звон
Вон той потертой колокольни».

А приуставшая листва
Сходила с клена прямо в лужу.
И где-то строилась Москва,
Вся нараспашку, все наружу.
Светилась, окнами светя,
Звенела глотками набатно.

«Художник, нарисуй себя —
Фигурка старого Арбата», —
Так я сказала ему. В ответ
Он улыбнулся мне навстречу:

– Я нарисую прежде свет,
– Я нарисую прежде свет,
Я нарисую прежде свет,
Пока его не выпил вечер».

Владимир Костров. **«Лунное пенье трубы полковой»**

«Лунное пенье трубы полковой,
Честно прошедшей сквозь годы и войны,
Тихо играет оркестр духовой
Вальс незабывтый «Амурские волны».

В старых Сокольниках, около ив,
Музыка льется свежо и просторно.
С детства тревожащий сердце мотив
Просто и грустно выводят валторны.

Стала больнее и стала живе́й
Память далеких и близких походов.
Руку сжимает девчонке своей
Юный влюбленный – солдат-первогодок.

Нет, несмотря на его старину,
Вальс этот может еще пригодиться.
В старых Сокольниках прямо в волну
Красное солнышко плавно садится.

«Тихо вокруг. Сопки покрыты мглой»...

А-а-а-а-а...

Леонард Золотарев. **«Багряная тишина» (Реквием).**

«Тишина. Тишина.

Натянута, как струна.

И вдруг – обрыв:

Слышит все страна!

Слышит, слышит весь мир!
Бом – бом!
Почему ему имя мир?
Ба – ба!
Когда идет война?

Дорогие мои москвичи!
Господь вас спаси.
Почему так багряна месса?
В Печатниках – потому что пресса,
А по Каширке – потому что шоссе
На Рязань, к Есенину,
В самое сердце Руси».

Леонард Золотарев. Из романа в стихах «Арсений Чигринев».

«Душа болит, а сердце тает.
И мысли тоже любят счет.
И там, где, братцы, мой народ,
Вдруг тело крылья обретает.
И, падая и вновь вставая,
Миг поэтический ловлю.
Героев я своих люблю,
Опять столбы они шатают».

* * *

«Не борщ был, а поэзия, роман.
Таких борщей не едывала сроду
Агриппа, Груша, Сенин океан,
С каким жен сравнивать
Сегодня взяли моду.
Упрел капустой, паром изошел,
Заправленный «хохлацким» ржавым салом.

«От хорошо! От хорошо!! –
Дышал Григорий в пар наголодало.
Какой еврей! Какой там иностранец!
А русский – так на чем проверь:
Как он вокруг борща танцует танец!
И квасом запивает, этот зверь!
Как наемся, как напрусь,
Вот такая наша Русь!
Смотрела Груша, как он ел – Григорий,
Опора, символический мужик.
Хотела позвонить и дяде Боре,
Чтоб тот доел, да борщ был съеден вмиг».

* * *

«Да где ж герой наш главный,
Чем живет?
Куда ж он, гвоздь московский, провалился?»
Ну и, конечно, мы не таковы,
Чтобы скрывать.
Мы тоже, может, львы.
Когда иду я Каменным мостом
И вся Москва – река передо мной,
Я мысленно ловлю себя на том,
Что в даль гляжу – на Красоту, на холм,
На Кремль – красавец перед всей страной.
Спасибо вам, больше мастера!
Кудесники, страдальцы на крови!
Их стены в красном. Вот была игра:
Где кровь уж невозможно уловить.
И белым отторочена канва,
Чтобы зияла, видела Москва.
Спасибо вам, философы – отцы,
Мы – дети ваши, мы – не подлецы!»

ГОЛОС АВТОРА. Поем вместе с группой «Белый Орел».

«Как упоительны в России вечера,
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Ах, лето красное, забавы и прогулки.
Как упоительны в России вечера.

Балы, красавицы, лакеи, юнкера.
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки.
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Как упоительны в России вечера.
Как упоительны в России вечера.
В закатном блеске пламенеет снова лето.
И только небо в голубых глазах поэта,
Как упоительны в России вечера.

Пускай все сон. Пускай любовь – игра,
Но что тебе мои порывы и объятья?
На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев. Стихи «Моя Орлея».

«Опять Орел мой – город приграничный.
Вновь до границы, как рукой подать.
Сам царь Иван к нам за печатью личной
Указом на кромку направил рать.

Мол, поищите место, чтобы крепость
Замкнула юг, Москву, ее венцы.
И пядь земли, но очень много неба
Увидели тут царские стрельцы.

В первопрестольной, в облике державы,
Опять мой город сам себя обрел.
Российский герб – он потому двуглавый,
Что со столицей, нашею орлицей,
В союзниках и наш родной Орел».

ГОЛОС АВТОРА. Мой гимн России.

«Россия великая, Русь изначальная,
Ширь евразийская, вещей полет,
Тебе, моя Родина, песнь величальная,
Тебе мое сердце поет и поет.

Припев. Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!

Прошли мы сквозь грозные годы, ненастья,
А сколько дорог нам пройти предстоит.
Но к Солнцу, но к миру, свободе и счастью
Нас чистое, смелое сердце стремится.
Припев.

Сияй, золотись куполами любимая!
(Москва златоглавая, матушка Русь!)
Россия могучая, матушка Русь!
Моя неделимая, неодолимая,
Гордился тобою всегда и горжусь.

Припев. Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!»

Оркестр. Барабаны. Под Гимн Москвы.

Музыка Олега Газманова.
«Всюду войны, пожары, века.
Звон малиновый в небо летит.
Слышен звон этот издалека,
Это сердце России звенит.

В ярком знаке святых куполов
Гордо множится солнечный миг.
С возвращеньем двуглавых орлов
Продолжается русский язык.

Москва! Звонят колокола,
Москва! Златые купола.
Москва! По золоту веков
Проходит летопись времен.

.....

Если будет столица стоять,
Не иссякнет Россия века!
Москва! Звонят колокола.
Москва! Златые купола.
Москва! По золоту веков
Проходит летопись времен».

ГОЛОС АВТОРА. *Марш гремит по Москве, проходит по душам русских, всех россиян, обнимая страну от Москвы до самых до окраин.*

ГОЛОС АВТОРА. Булат Окуджава.

«Пока земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи! Дай едва начатому,
Чего у него нет.
Умному дай голову,

Трусливому дай коня,
Дай счастливому землю,
И не забудь про меня»...

Булат Окуджава.

«Песенка о ночной Москве».

«Когда внезапно возникает
Еще неясный голос труб,
Слова, как ястребы ночные,
Срываются с горячих губ.

Мелодия, как дождь случайный,
Гремит и водит ночь любви.
Надежды маленький оркестрик
Под управлением любви,
Надежды маленький оркестрик
Под управлением любви».

Конец.

ФЕРАПОНТОВО
(Сергей Есенин – Николай Рубцов –
Леонард Золотарев)
(Музыкально-лирическая новелла)
Одноактная мелодрама

Георгий Свиридов. Оркестр. Романс из пушкинской «Метели».

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА *(на фоне мелодии)*. Эй, Русь – тройка!
И куда несешься ты? Не даешь ответа. Ох, и любят же у нас эти «тройки». В них и горе порой, а отвечать некому. Но в них и душа человеческая, в них и русская песня. И попробовал я посмотреть на них с такой стороны, как на трех теноров знаменитых, на всех авторов лучших слов, на мои музыкальные импровизации, и вот что у меня получилось: золотой голос – Сергей Есенин, серебряный голос – Николай Рубцов, ну и я, ваш покорный слуга, автор музыки ко всем этим словам и сам автор слов. Что интересно, иногда забываю: то ли мной написана музыка, то ли кем-то еще? Но это так, к месту.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ТРИО «РЕЛИКТ». Сергей Есенин из «**Радуницы**».

«Ты поила коня из горсти в поводу.
Отражаясь, березы ломались в пруду.
Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцаньи пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.
Но, улыбкою брызнув лукаво в меня,
Унеслась она вдаль, удилами звеня.

В пряже солнечных дней
Время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кафельный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.
Ты поила коня из горсти в поводу...»

ГОЛОС АВТОРА. Пролетит «Реликт» со своею
мелодией, пусть летят и мои «Желанные звуки». Сергей
Есенин – Леонард Золотарев.

«Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать под забором».

ГОЛОС АВТОРА. И Сергей Есенин – золотой голос России, и Николай Рубцов – серебряный голос, северное сияние, и я – ваш покорный слуга, мы все втроем мистически уже побывали в 14-м веке, в Персии, в Ширазе, у золотого поэта востока Хафиза, в его Соловьином саду. И вот теперь тут, на Руси, опять же в той же «Золотой цепочке Хафиза» все они со словами, положенными на мои музыкальные фантазии, на музыку моей души.

Картина первая

Оркестр. «В весеннем саду». А.Рубинштейна. Щелканье соловья. И на фоне его возникает другая мелодия – из «Одинокого пастуха».

ГОЛОС АВТОРА (*под эту мелодию*). Сергей Есенин.

«Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз.

И душа моя – поле безбрежное –

Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,

Но того, что прошло, не кляню.

Словно тройка коней оголтелая

Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране.
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!»

ГОЛОС АВТОРА. Музыкальная пауза из «Одинокого пастуха».

Николай Рубцов. «В минуты музыки печальной». Пою а'капелла, на свою мелодию.

«В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез.

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей.

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких
Попробуй их останови!
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время не при чем.
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем».

ГОЛОС АВТОРА. На свою мелодию пою а'капелла.
Музыкальная пауза. Из «Одинокого пастуха». И далее
сам пою свою авторскую песню.

Леонард Золотарев. **«Зеленые глаза»**.

«Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?
Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того – она не человек.
Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем – и слава богу.
Приходит ночь – и это не беда.
Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!»

ГОЛОС АВТОРА. Оркестр Поля Мориа. «Ностальгия».
Сергей Есенин – мой крестный отец. Он одногодок моему
отцу натуральному, сами рвутся из меня мелодии на его
слова. И я иной раз просто путаю, были ль раньше они у
кого-то или все мелодии эти мои?

«Лисица».

«На раздробленной – приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой строчкой кровь отмежевала,
В снег упала как перед концом.

В глаз глядел в колючем дыме выстрел,
Колыхалась лесная глушь.
Из кустов косматый ветер мыслил
Всыпать звон ей – звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах – вчерашняя морковь.
Пахло снегом, глиняным угаром,
А в прищур сочилась тихо кровь.

На раздробленной – приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Так она одна тут и лежала,
Снился теплый сон перед концом».

* * *

Малая музыкальная пауза из «Одинокого пастуха».

Пою на мою мелодию. **«Песнь о собаке».**

«Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ошенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросяг ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег».

ГОЛОС АВТОРА. Под мелодию из «Одинокого пастуха».

В трех местах я пел эту «Собаку». В первый раз, выступая как писатель на Рязанщине, в Милославском районе. Через день прислали мне туда из филармонии народную артистку – ученицу Лидии Руслановой, после сибирского хора проживавшей в Рязани. Во второй раз выступая в Спас-Клепиках, в «столичном» районе –

угощали потом в Мещере, как космонавта. В третий раз – в Орле у Курляндской Галины Борисовны на дне рождения – сказала, вздохнув: больше нигде не пой. Вот как. С той поры не пою. А потом где-то след, и мне все хором: пойте, пойте «Собаку!» Очень уж, очень...

Малая музыкальная пауза из «Одинокого пастуха».

ГОЛОС АВТОРА. Под мою мелодию пою а'капелла. А эта мелодия сама навязалась ко мне у истока Оки прошлым летом, когда мы были на отдыхе тут с орловскими журналистами.

«Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое,
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такую милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не приходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват».

Мелодия. Оркестр Поля Мориа. «Токката».

Картина вторая

Все та же мелодия Поля Мориа. «Токката», сменяемая мелодией «Весеннего сада» А.Рубинштейна.

ГОЛОС АВТОРА. Все думал прежде, растут хоть яблоки на родине Николая Рубцова – на Вологодчине? Побывал в Кириллове, Белозерске, Ферапонтово. И один белозерский поэт, вдохновясь, все показывал мне места, где Шукшин снимал свой фильм «Калина красная». А потом повел домой, к своей матери, и та меня как высокого гостя угощала помидорами, вызревающими лишь за окном. Думаю, может, так же и яблоки?

Но чисто, прозрачно-то как тут – севера, северное сияние.

Николай Рубцов. **«В горнице».**

СЛОВО АВТОРА. Мелодия из «Одинокого пастуха». И далее под свою мелодию пою а'капелла.

«В горнице»

«В горнице моей светло,
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе».

Малая пауза. Из «Одинокого пастуха». Пою на свою мелодию.

“Чудный месяц плывет над рекою”, –
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

Не пугают разбойные лица
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.

Неспокойные тени умерших,
Не встают, не подходят ко мне.
И, тоскуя все меньше и меньше,
Словно бог, я хожу в тишине.

И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!

Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы».

Малая пауза. Мелодия. Из «Одинокого пастуха».
Далее пою на свою мелодию.

«Деревенские ночи»

«Ветер под окошками,
Тихий, как мечтание,
А за огородами в сумерках полей
Крики перепелок, ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней.
К табуну с уздечкою выбегу из мрака я,
Самого горячего выберу коня,
И по травам скошенным, удилами звякая,
Конь в село соседнее понесет меня.

Путь ромашки встречные от копыт сторонятся,
Вздогнувшие ивы брызгают росой –
Для меня, как музыкой, снова мир наполнится
Радостью свидания с девушкой простой!

Все люблю без памяти в деревенском стане я,
Будоражат сердце мне в сумерках полей
Крики перепелок, ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней».

ГОЛОС АВТОРА. Видите? Рондо. Первое и четвертое четверостишие замыкают стихотворение, как будто Рубцов, прочувствовав пенье строки, станет сам класть их на музыку. И я это сделал!

Оркестр Поля Мориа. «Токката».

Картина третья

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Вот и дошел черед до меня в этой нашей «Золотой цепочке Хафиза». Кроме того, что на музыку чьи-то стихи кладу, пою все это, я еще, видите ли, и сам стихи сочиняю. То есть получаются авторские песни. И какие покажем тут после Есенина и Рубцова? Ну, хотя бы такие три, самые недавние: «Горлинка», «Яблочный Спас», «Алешня».

ГОЛОС АВТОРА. Под свою мелодию, пою а'капелла. Между прочим, эта песня положена на ноты.

«Горлинка».

«Как приеду в городок свой маленький,
В Малый Архангельск на святой Руси.
Расцветет в душе цветочек аленький,
Бога о чем-нибудь попроси.

Горлинка, горлинка – птица неудалая,
На березу сядет над моим окном.
Запоет, заухает песня запоздалая,
В горле остановится, на сердце моем.

Как взгляну на местность небогатую –
Песне жутковато, улица пуста.
Горлинку сизую, птицу диковатую
Приютили милые места.

Горлинка, горлинка – птица неудалая,
На березе ухнет, как из-под земли.
Русь моя великая, сторона бывалая,
Ну кого еще сегодня отнесли?

Как приеду в город свой стольненький,
В Малый Архангельск на святой Руси,
 Попрошу я боженьку, попрошу я горлинку,
 Отдохни маленько, пой – не голоси.

Горлинка, горлинка – птица судьбоватая,
 Не вещуй нам, мимо пролети.
 По – за каждым окнушком, над любою хатою,
 Мой цветочек аленький, свети!»

Малая пауза. Мелодия из «Одинокого пастуха».

Написано тут по горячим следам событий в Южной Осетии. Прочитано чуть позже, 6 сентября 2008 г., на 230-летию Малоархангельска.

«Яблочный Спас».

«Тук – тук, тук – тук – тук,
Тук – тук, тук – тук – тук...
Яблоки падают, падают сами.
Где-то поблизости дятел стучит.
Малоархангельск живет голосами,
Материн сад в моем сердце звучит.

Звуки немеряны. Звезды бездонны, –
Преображаются в Яблочный Спас.
Где-то в Осетии падают бомбы.
Что же ты, Спас, тишину там не спас?

Ежик по яблоку носит, по ноте
В песню про август, про Яблочный Спас.
Век двадцать первый. Весь мир мироточит,
Преображенными делает нас.

Яблоки, яблоки падают в осень.
Трель мимолетную дятел строчит.
В Малоархангельске с облака впросинь
Песня дождя все смелее звучит.
Тук – тук, тук – тук – тук,
Тук – тук, тук – тук – тук...»

Малая пауза. Из «Одинокого пастуха».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии). А это было
написано прежде. А читалось чуть ранее – тем же летом,
а именно, в конце июня – 2008г. на Фетовской поляне.

Под мою мелодию пою а'капелла.

«Алешня».

«Алешня в пойме, травяной настой.
Страна раakit в березовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде по самую шлею.

Я – русский конь в упряжке ременной.
Воз с переметом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут вневременной!
Как дернут – оборвут, боюсь, уздечку.

Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гневи!
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!

По всей Алешне от берез светло,
По всей долине тянется туман,
Неси, Алешня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан».
Оркестр Поля Мориа. «Ностальгия».

Картина четвертая

*Оркестр Поля Мориа. «Токката». Ее сменяет мелодия
«Весеннего сада» А.Рубинштейна. Щелканье соловья.*

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ее). Соловьиный сад, как
в Ширазе. В «Персидских напевах» Есенина, в этой
«Золотой цепочке Хафиза».

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. «Шаганэ ты моя, Шаганэ».

НИКОЛАЙ РУБЦОВ. «Ферапонтово».

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ. «На прекрасной голубой
Оке».

ГОЛОС АВТОРА. *И все три песни поются мной на
мелодии моей души, а'капелла.*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. «**Шаганэ ты, моя Шаганэ!**»

«Шаганэ ты, моя Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ,

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи –
Я нисколько не чувствую боли,
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при Луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при Луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она странно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ».

Малая пауза. Мелодия из «Одинокого пастуха».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии). Пою мою мелодию,
а'капелла.

Николай Рубцов. «Ферапонтово».

«В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.

И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!

И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...

Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле».

Малая пауза. Мелодия «Одинокого пастуха».

ГОЛОС АВТОРА. Пою а'капелла.

«На прекрасной голубой Оке» (моя авторская песня).

Написана по поводу выхода в свет моей книги прозы
«Липа вековая».

(Вакхическая песня)

«На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Как в стакан глоток вина,
И сидится хорошо на реке.

Мы втроем сидим и пьем,
Говорим о дне своем,
И течет река, хмельна.
Бесконечна глубина,
Далеко еще до дна,
Обмывайся, мой книга, мой том!

Соловей на бреге том,
И ему чуть-чуть нальем.
И плывет душа, хмельна.
Далеко еще до дна,
Бесконечна глубина,
Обмывайся, моя книга, мой том!

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Зачерпни еще со дна,
И сидится хорошо, как в шинке.

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И течет Ока, хмельна,
По глотку в стакан вина.

Как сидится хорошо на реке!
И течет река, хмельна,
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке!»

Оркестр Поля Мориа. «Токката».

ГОЛОС АВТОРА. Ее сменяет «Ностальгия».

Возникает мелодия «Весеннего сада» А.Рубинштейна.
Щелкают соловьи.

ГОЛОС АВТОРА. На фоне мелодии из «Одинокого пастуха» звучат слова.

Сергей Есенин. Из «Персидских напевов», из «Золотой цепочки Хафиза».

ГОЛОС АВТОРА.

Под мою мелодию пою а'капелла.

«Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком **имени Россия**
Я известный, признанный поэт.

Я сюда приехал не от скуки
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Оббивали, словно два крыла!

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре –
Я тебе придумаю о нём.
Всё равно глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнём».

ГОЛОС АВТОРА (под мелодию из «Одинокого
пастуха»). Под мои мелодии. Пою а' капелла.
Попурри. Сергей Есенин.

«Вечер черные брови насопил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил,

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка.

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому

Я уйду, исцеленный навек,

Слушать песни дождя и черемух,

Чем здоровый живет человек»...

Николай Рубцов. Стихи.

«О чем шумят

Друзья мои, поэты,

В неугомонном доме допоздна?

Я слышу спор

Я вижу силуэты

На смутном фоне позднего окна...

С веселым пеньем

В небе безмятежном,

Со всей своей любовью и тоской

Орлу не пара

Жаворонок нежный.

Но ведь взлетают оба высоко!»

ГОЛОС АВТОРА. «Кто знал тогда,

С какого это жара

В Орле – во мне –

Найдется ему пара?»

Под мою мелодию, а'капелла.

«Звезда полей»

**«Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в польню.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...»**

**Звезда полей. В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...**

**Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей Земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.**

**Но только здесь, во мгле заледенелой.
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом,
Горит, горит звезда моих полей».**

ГОЛОС АВТОРА. *Пою мою мелодию, а'капелла.*

«Бристоль» (Моя авторская песня, положенная на ноты).

**«Как выйду за город, в степное раздолье,
В зеленое поле – просторно-то как!
Так сердце окатит Россией, любовью, –
На хлебные волны наброшу пиджак.
И вроде не Нельсон ведь, не иностранец,
И бредней чужих не приму за коня,
А веки прикрою – «летучий голландец»
По глазу, по глазу копытом в меня!**

Припев: На парусе белом мне люблю качаться
Да искрой из глаз осыпать берега.
Заржет жеребенок – горластый, чертенок!
И я ему в голос, ага.

Иду на рассвете, шальной, из «Бристоля»,
Такой опустелый, мощной не звеня,
Когда же, когда же, мое золотое,
О поле родное, накормишь меня?

Как выйду за город, в степное раздолье, –
Такой бесприютный, затисканный весь,
Так сердце окатит Россией, любовью, –
И, значит, мы живы, и, значит, мы есть.

Припев: Качайся, пиджак, на колосьях зеленых!
И ты, колыбель моя, вы – берега!
Заржет жеребенок – талантлив, чертенок!
И я ему в голос, ага.

Оркестр Поля Мориа. «Токката». Мелодия из «Одинокого пастуха».

Конец.

*5 декабря 2008 г.,
г. Орел.*

Бадья

Ритмы моего сердца

Лечу в Берендеев колодец,
А на дне его вижу свечу.
И в бадье, на канате навроде,
Я лечу, я лечу, я лечу,
Я до солнца добраться хочу!

Опустился до дна, огляделся,
А светло уж вверху, я молчу.
И опять скрежещу, как по рельсам,
Я лечу, я лечу, я лечу,
Я до солнца добраться хочу!

Так всю жизнь мою (что там осталось)
Вверх и вниз пролетает бадья.
Я боюсь только самую малость:
Не сорвался б канат, как и я,
Когда к солнцу летает бадья!

Леонард Золотарев.

СОДЕРЖАНИЕ

КАРНАВАЛ

(Вечером у камелька) (одноактные мелодрамы)

От автора	3
Дорога к Храму (песнопенье)	4
Мой алмаз (сонет).....	6
Малиновый шарф (моя авторская песня).....	3
I. КАРНАВАЛ (из «Звуковой поэзии мира»).....	11
Все лавры Лауре (Владения сонета).....	12
Остров любви (Французский шансон).....	34
Андалузские ночи (Испанская гитара)	53
Карнавал I (Бразилия).....	78
Карнавал II (Перу).....	91
Птица, лежащая на траве (Тихо поет Америка).....	105
Смеющаяся Англия (Прометей, раскованный песней).....	131
Халиф на час.....	161
Золотая цепочка Хафиза.....	184
Полония (Славянская тетрадь).....	211
Викинги (Северное сияние).....	222
Экспресс «Москва – Владивосток» (По диким степям).....	234
(Русская песня)	
Нежность (Русский романс).....	266
II. ВЕЧЕРОМ У КАМЕЛЬКА (музыкально-лирические новеллы).....	284
Ночи Валерии.....	284
Грезы Кабирии (Запрещенные игры).....	309
Русское поле.....	336
Золотой Орел.....	358
Орел – птица гербовная.....	382
Письмо матери (Есенинская)	406

«Биремюр» (Гуси-лебеди)	426
Иван Ячменное Зерно	446
«Жди меня» – I (Ольга Чехова).....	467
«Жди меня» – II (Валентина Серова)	483
Курские соловьи	499
Первопрестольная (Песни о Москве)	527
Ферапонтово	554
Бадья. Ритмы моего сердца. (стихи).....	577

Золотарёв Леонард Михайлович

КАРНАВАЛ
ВЕЧЕРОМ У КАМЕЛЬКА

одноактные мелодрамы

Театр одного актёра

Корректурa автора

Издатель Александр Воробьёв

Лицензия ИД №00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

302030, г. Орел, ул. Пушкина, д. 20 а.
Тел./факс (4862) 76-17-15, 54-15-48.

Подписано в печать 03.06.2009 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36, 25.
Тираж 100 экз. Заказ № 034.

*Подсолнух клевали небесные пташки,
В макушку, в макушку его!
Князь Игорь о Ладе гадал по ромашке,
Ведь князь – нагадала всего.*

*Легенда к легенде, ромашка к ромашке,
Медами текут по устам.
Подальше от князя, весёлые пташки!
Поближе, проказницы, к нам!*